

Враг будет разбит,
победа будет за нами!

общероссийская политическая газета
издается с 25 сентября 2012 г.

Суть времени

www.eot.su

Подписаться на газету можно в ближайшей местной ячейке Движения «Суть времени»
Задать вопросы и узнать контакт ближайшей местной ячейки Движения можно
по телефону 8-800-100-97-24 (звонок по России бесплатный), podpiska@eot.su

15 ноября 2017 г.

№ 253-254

6 ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ АКТИВА «СУТИ ВРЕМЕНИ», ПОСВЯЩЕННОЕ 100-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Торжественное заседание актива «Сути времени», посвященное 100-летию Великой Октябрьской социалистической революции, состоялось 7 ноября 2017 года на ВДНХ, в павильоне № 57 («Россия — моя история»)

14 ЗАСЕДАНИЕ КЛУБА «СОФИЯ» 5 НОЯБРЯ 2017 ГОДА

ISSN 2500-0330

9 772500 033000

>

Именно так — напряженно и бесконечно — мыслилось движение вперед подлинными марксистами, этими единственными радикальными оппонентами гегелевских ревнителев прекращения исторического движения

О коммунизме и марксизме — 90

Обсуждаемый нами инженер Трейч, говоря о движении вперед, не восхваляет такое движение вперед, не проясняет, почему именно оно является предпочтительным. Он просто говорит, что надо идти вперед. Почему надо, Трейч не поясняет. Надо — и точка. Более того, и Трейч как литературный герой, и те, кто для Леонида Андреева являлись реальными людьми его эпохи, близкое знакомство с которыми позволило художнику создать Трейча как некий собирательный образ, призывая идти вперед, не обосновывали в категориях того или иного блага, почему, собственно, надо идти вперед. При том, что такое движение сопряжено с преодолением препятствий. Если речь идет о препятствиях, создаваемых, например, матушкой-природой, то это преодоление, оно же — устранение препятствий, приносит горе разве что самой этой природе. А также тем, кто начинает с ней бороться и пожинает все плоды подобной борьбы.

Но если препятствиями на пути движения вперед являются, например, те или иные общественные условия, конкретные группы (классы), системы устоявшихся связей между людьми, системы ценностей, наконец, то устранение этих препятствий во имя движения вперед оборачивается и кровью, и горем, и утерей чего-то по-человечески очень существенного.

Если на пути движения вперед существует препятствие в виде класса феодалов (как это было в эпоху великих буржуазных революций), то устранением препятствий является ликвидация целого класса. Который, между прочим, не смирится с уничтожением себя без борьбы. А значит, для движения вперед нужна гражданская война.

А если для движения вперед нужно расколдовать мир, то есть изгнать из него божественное начало, то платой за изгнание такого начала, оно же — препятствие на пути движения вперед, является глубокий смысловой вакуум, так называемое отсутствие предельного утешения. А ну как это породит такие издержки, что ты, устранив препятствие на пути движения вперед, создаваемое религиозным мировоззрением,

породишь новые, несравненно более серьезные препятствия на пути всё того же движения вперед?

Тебе, например, скажут: «Мы шли вперед, потому что верили в приход мессии — иудейского, христианского или иного — и в порожденное этим приходом праведное устройство жизни. Но если мессии нет, зачем нам идти вперед? Ведь каждый шаг на этом пути сопряжен с жертвами. Ну и зачем нужны эти жертвы?»

Маяковский, описывая то событие, столетие которого мы только что отпраздновали (я имею в виду столетие Великой Октябрьской социалистической революции), говорил об этих самых жертвах:

*Каждой лестницы
каждый выступ
брали,
перешагивая
через юнкеров.*

Во-первых, что значит «перешагивая»? Юнкера, то есть твоего молодого соотечественника, надо сначала превратить в холодный труп и уже потом через него перешагнуть.

Во-вторых, этот самый юнкер не будет смиренно превращаться в холодный труп. Он постарается превратить в него кого-то из своих противников. И в большем или меньшем количестве случаев юнкеру удастся осуществить такое противодействие. Значит, погибнут не только классово тебе враждебные юнкеры, но и твои товарищи. Ради чего?

Оставим в стороне вопрос о том, насколько кровавым было взятие Зимнего. Гражданская война, безусловно, была очень и очень кровавой. Белые и красные ходили в штыковые атаки по многу раз в день, опрокидывая все имевшиеся представления о пределах человеческой психики. За что они ходили в атаку? Одни — за то, чтобы не допустить движение вперед, другие — за то, чтобы идти вперед? И только?

Конечно же, за этим самым «надо идти вперед», как и за отрицанием этой необходимости или за утверждением того, что «вперед» находится не там, где его

располагает «красная вера», стояло какое-то представление о благе. Уберешь препятствие на пути движения вперед, продвинешься вперед на столько-то исторических шагов и — окажешься на территории огромного, немислимого счастья. Того, которое называется... ну, к примеру, социализм. У этого счастья есть безусловные конкретные черты (хлеб, земля, мир, отсутствие эксплуатации). Но кроме этих конкретных черт, есть и нечто большее. Этаким светом, который пронизывает собой всю конкретику. И в который ты можешь, добыв исконую конкретику, окунуться всем своим человеческим естеством. Свет этот — праведное устройство жизни. К нему ты идешь, преодолевая чудовищные препятствия, жертвуя собой во имя того, чтобы другие могли дойти до искомой цели. Но рано или поздно наступает усталость. Которая прекрасно описана тем же Маяковским.

*Припомадясь
и прикрасясь,
эту
гадость
вливши в стих,
хочет
он
марксистский базис
под жакетку
подвести.*

*«За боль годов,
за все невзгоды
глухим сомнениям не быть!
Под этим мирным небосводом
хочу смеяться
и любить».*

*Сказано веско.
Посмотрите, дескать:
шел я верхом,
шел я низом,*

*строил
мост в социализм,
недостроил
и устал*

*и уселся
у моста.*

Окончание на стр. 2

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Окончание. Начало — на стр. 1

Травка
выросла
у моста,
по мосту
идут овечки,
мы желаем
— очень просто! —
отдохнуть
у этой речки.

Маяковский в этих строках иронизирует над конкретными перлами поэта Молчанова («Тот, кто устал, имеет право У тихой речки отдохнуть»). Но поэтическая гениальность в том и состоит, что реагируя на определенную конкретику, гений одновременно осуществляет историческое предвидение самого общего характера. А почему бы, собственно, в самом деле не отдохнуть уставшим у тихой речки, не насладиться плодами того, что они завоевали? Ведь и завоевывали они это для того, чтобы вкусить от его сладких плодов.

И что же получается? Растет дерево со сладкими плодами, ты до него добежал, проливая кровь, свою и чужую. Дерево манит тебя, просит: остановись и вкуси от моих плодов. А ты пробегаешь мимо дерева, бежишь в воду, то бишь форсируешь очередное водное препятствие. А по тебе либо тра-та-та из пулемета, либо... Либо напряжение, необходимое для взятия водной преграды, наложившееся на усталость, приводит к тому, что лопаются один сосудик — и того... «Вы жертвою пали в борьбе роковой». Всё это объяснимо, если надо спасти страну, проводя форсированную индустриализацию или воевать на фронтах Великой Отечественной — опять же для спасения страны и человечества. Или преодолевать послевоенную разруху, или строить ядерный щит, чтобы тебя не уничтожили ядерным мечом.

Но вот все эти подвиги осуществлены. Что дальше? Теперь-то можно вкусить от сладких плодов, во имя обретения которых ты шел вперед? И опять-таки во имя того, чтобы плодами насладиться, присесть, отдохнуть, идти вперед не так быстро, блаженствовать в завоеванном покое... Как там у Лермонтова: «Полный гордого доверия покой». Почему бы им не насладиться? Почему бы не вкусить даров? Если это самое «вперед» только и нужно было для такого наслаждения сладкими плодами, возможно, отнюдь не чуждыми духовного содержания? Или же это «вперед» нужно было для чего-то другого?

Вот что говорится об этом самом «вперед» в песне «Узник» (другое название «Вперед, друзья!»), датируемой, предположительно, эпохой декабристов:

Угрюмый лес стоит вокруг стеной;
Стоит, задумался и ждет.
Лишь вихрь в груди его взрвет порой.
Вперед, друзья, вперед, вперед, вперед.

В глубоких рудниках металла звон,
Из камня золото течет...
Там узник молотом о камень бьет, —
Вперед, друзья, вперед, вперед, вперед.

Иссякнет кровь в груди его златой,
Железа ржавый стон замрет...
Но в недрах глубоко земля поет:
Вперед, друзья, вперед, вперед, вперед.

Кто жизнь в бою неравном не щадит,
С отвагой к цели кто идет,
Пусть знает: кровь его тропу пробьет, —
Вперед, друзья, вперед, вперед, вперед.

В этой песне напрямую не сказано, зачем идти вперед, где находится это «вперед». Но певшие ее революционеры понимали, что кровь пробьет тропу, по которой

можно будет прийти в определенное счастливое будущее. При этом разные генерации революционеров понимали это будущее по-разному.

В другой революционной песне, которая впервые была опубликована в декабре 1910 года в немецком социал-демократическом журнале «Рабочая молодежь», а потом переработана в советской России в соответствии со смыслом новой эпохи, смысл движения вперед задан более внятно:

Вперед, за реку навстречу,
Товарищи в борьбе!
Штыками и картечью
Проложим путь себе. <...>

Чтоб труд владыкой мира стал
И всех в одну семью спаял, —
В бой, молодая гвардия
Рабочих и крестьян!

Тут сказано, что вперед надо идти для того, чтобы исполнилась великая мечта о труде, ставшем владыкой мира. И чтобы ставший владыкой мира труд всех спаял в одну всечеловеческую семью. Это высокий идеал. Но, как любой такой социально-политический или даже духовно-политический идеал, он достижим. В том-то и его притягательность, что он в принципе достижим. Но в этом же и его ущербность. Потому что после его достижения на повестку дня вновь ставится вопрос — надо ли продираться вперед столь же яростно или можно отдохнуть, вкусив покой (см. выше у Маяковского).

Мы уже обсуждали «Марш времени» Владимира Маяковского, в котором вперед надо идти, чтобы скорее стереть отвратительное старье, чтобы быстрее попасть в коммуны, чтобы успеть нарастить мощь страны в ходе пятилеток, чтобы изгнать из жизни уродливый быт. Но мощь страны когда-нибудь по определению должна быть доведенной до искомого уровня. Когда-нибудь должны быть открыты ворота в коммуны. Еще раньше должен быть изгнан уродливый быт, сожжено все отвратительное старье.

Что дальше?

Мы уже обсуждали оркестровые сюиты «Время, вперед!», написанные Георгием Свиридовым. И то, что фрагмент свиридовской музыки стал позывным программы «Время» в брежневскую эпоху. Споры нет, блестящая музыка, но ведь именно под это «вперед» осуществлялось брежневское сидение у моста, вкушение сладких плодов завоеванного условно социалистического советского довольства. А потом эти советско-потребительские плоды показали недостаточность сладкими и вкусными, и решено было вкушать плоды с другого буржуазно-потребительского дерева. А потом выяснилось, что плоды на этом древе весьма специфичны.

Так почему же надо идти вперед так, как говорит Трейч? А ведь именно так — напряженно и бесконечно — мыслилось движение вперед подлинными марксистами, этими единственными радикальными оппонентами гегелевских ревнителей прекращения исторического движения, яростно реализуемого теми, кто стоял и стоит за манифестом Фукуямы «Конец истории».

И вновь я должен возвращаться к тому, что уже обсуждал неоднократно не только на страницах нашей газеты, но и в передаче «Суд времени». А обсуждал я стихотворение Петра Филипповича Якубовича (1860–1911), одного из героев «Народной воли». Русская революционерка Валентина Иововна Дмитриева (1859–1947), близко знакомая с Якубовичем, восхищаясь личностью Якубовича, писала: «Он не жил, он горел... В моей памяти ярко запечат-

Пётр Филиппович Якубович

лелся Якубович, каким он был в ту пору. Бледный, с горящими глазами, в вечном движении, он с головой погрузился в работу, писал, печатал, агитировал, и так до самого того дня, когда в цепях, с обритой головой пошел в Сибирь, откуда только годы спустя донесся до нас его голос...»

Этот голос человека, которому смертный приговор был заменен каторгой, который сумел вырваться с каторги по причине очень тяжелой болезни, но не отказался от революционной работы и снова пошел на каторгу, преисполнен космического оптимизма, крайне важно для понимания обсуждаемой нами темы предельного исторического, а значит, и космического движения вперед. Вот как этот человек задает предельную цель исторического движения, не позволяющего отдыхать у разного рода постисторических речек.

Я знаю — на костях погибших поколений,
Любви и счастья прекрасный цвет взойдет;
Кровь жаркая бойцов и слезы их мучений
Лишь почву умягчат, чтоб дать роскошный плод.

Из груди их крестов создастся ряд ступеней,
Ведущих род людской к высоким небесам:
Свершится дивный сон и светлых райских сеней
Достигнет человек и богом станет сам.

О, как горит звезда неведомого счастья,
Как даль грядущего красна и широка,
Что значит перед ней — весь этот мрак ненастья,
Всех этих мук и слез безумные века.

Тут прямо говорится, что человек в ходе исторического движения должен стать богом в полном смысле этого слова. То есть обрести способность осуществлять всё, что человеческие чаяния адресуют трансцендентному божеству. В том числе и воскресение из мертвых всех, кто принадлежит к роду человеческому. Мы вскоре обсудим эту тему более подробно, связав ее и с марксизмом, и с крупнейшими русскими философами, вдохновлявшими в том числе и таких духовных подвижников, как Якубович.

Пока же оговорим, что даже в этой утопии Якубовича остается место для определенной проблематизации. Потому что, став богом, человек может либо наконец-то вкусить от некоего покоя, либо... Либо идти вперед. И только в случае, если даже став богом, он идет вперед, марксистско-коммунистический исторический максимализм обретает необходимую, то есть предельную сконцентрированность.

(Продолжение следует.)

Сергей Кургинян

Николай Кочергин. Штурм Зимнего дворца. Иллюстрация из книги «Разговор с сыном». 1967

СВОДКИ С ТЕАТРА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

ВОЙНА ИДЕЙ

Воздыхания
о дореволюционной жизни

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 25 октября —
«Русская народная линия»

Священник Сергей Чечаничев разместил статью, в которой пишет, что если «вся Россия» приветствовала Февральский переворот, то вся Россия виновна в этом перевороте, приведшем к Октябрю. А значит, никаких «невинных жертв» Октября не было. Все были виновны и остаются виновными по сей день, ибо за Февраль никто никакого покаяния не принёс. Автор отмечает, что всё «Белое дело» вышло из этой измены.

МОСКВА, 8 ноября — «Православие.Ru»

В статье, вышедшей на одном из крупнейших православных сайтов, Анна Сапрыкина связала тему революции с темой семьи, назвав уничтожение царской семьи символом беззакония революции, а идею монархии — идеей отношений в любви и согласии: «Сто лет назад в России произошла революция. Символом этого беззакония, отвержения законопорядка, устройства жизни было уничтожение царской семьи. Ведь убили не одного царя-правителя, а «седмерицу», всю «едину Христову домашнюю Церковь». Уничтожали самый корень, самую суть монархии — семью. И прологом к революции была клевета на царскую семью, ставящая под сомнение ее любовь и верность. Разве это случайно? Неслучайно и новая атака на Царскую семью начинается с того же. В 1916 году в великосветских салонах клеветники шептались о неверности царицы, а теперь снимают фильмы о неверности царя. И то, и другое имеет простую цель — подорвать саму идею монархии как идею отношений в любви и согласии. Идею царствования как ответственности и верности».

МОСКВА, 7 ноября — Журнал «Фома»

Председатель фонда «Фома Центр» Владимир Гурболик возлагает вину за революцию не на монарха, не справившегося с управлением страны, а на окружающих, считавших возможным улучшить жизнь вопреки православному христианству, «которое утверждает, что из-за греха как части природы человека, рай на Земле, увы, не устроить». Николай II, по мнению Гурболика, сделал выбор в пользу христианства, отказавшись «расстреливать и сажать «новых хилиастов» десятками и сотнями тысяч, он не захотел стать самым «эффективным менеджером» XX века, пусть уже и человеком, мало похожим на верующего христианина».

МОСКВА, 7 ноября —
«Комсомольская правда»

Публицист Егор Холмогоров высказал уверенность, что если бы Россия не свалилась в революцию, то победа в Первой мировой произошла бы на полгода раньше. Россия получила бы и мир, и новые территории. А Второй мировой не было бы вообще, ибо европейские элиты не допустили бы Гитлера к власти. Вот как он видит жизнь в этом случае: «Прежде всего мы бы жили в домах, которые оставили нам дед и прадед. А не в многоэтажных муравейниках, собственностью на которые кинули нам как

кость при приватизации. Россия, разумеется, урбанизировалась бы, но не так драматически, как при большевиках. Не было бы этих жутких городов-муравейников, между которыми — пустыня с разваливающимися избами. Не была бы уничтожена «ликвидацией неперспективных деревень» историческая русская система расселения.

Нас бы окружали старые русские «бренды» — ездили бы на «Руссо-Балтах», летали бы из Москвы в Петербург или Царьград на «Сикорских», ужинали бы в трактирах типа «Тестова», не было бы нелепых разговоров про «нас отлучили от пармезана». Российская промышленность делала бы всё, конкурируя лишь с американской и германской. При этом были бы и энергетической сверхдержавой, помня Менделеева и Нобеля не по таблице и премии, а как отцов русского сверхбогатства».

МОСКВА, 7 ноября —
«Радонеж»

Историк Дмитрий Володихин заявил, что революция — это механизм слома традиционного общества: «Когда-то в советское засорузлое, серпасто-молоткастое время нам говорили, что революции — это экспрессы развития, локомотивы истории, некие прорывы в будущее, некие способы принципиально изменить социальную реальность, чтобы достигнуть лучшего качества, на худой конец — выход из кризисного состояния. На мой взгляд — ни то, ни другое, ни третье, ни четвертое. Революция — это, прежде всего, инструмент слома традиционного общества».

Одни верят в то, что ничего улучшить в принципе нельзя, можно только сломать, а значит, надо смириться с существующей жизнью. Другие — что всё само собой улучшилось бы и без революции. Легко использовать условно-слагательное наклонение... Но допустить, что господа въздыхающие сами верят в свои байки, невозможно. Ибо не может образованный человек, рассуждая о революции и «домах, которые оставили нам дед и прадед», не интересоваться тем, как жили до революции те самые массы, которые эту революцию поддержали. Могли ли рабочие, жившие порой по два человека на кровати, оставить своим потомкам дома? Даже если допустить, что мимо Холмогорова прошли факты условий жизни обездоленных в царское время, то как можно надеяться на то, что не было бы Второй мировой войны, если причины Первой — конкуренция государств — остались? И почему не замечают факты массовой «ликвидации неперспективных деревень» после разрушения советского государства и возвращения законов джунглей в жизнь общества? Важно, что среди въздыханий о прошлой якобы замечательной жизни встречаются довольно здравые рассуждения, раскрывающие суть «белого» движения. Эта суть — антимонархическая: не красные, а белые разрушали монархию. Не красные, а белые привели к развалу Российской империи, без централизованной крепкой власти оказавшейся нежизнеспособной.

Масс-медиа
о революции

МОСКВА, 4 ноября — «Вокруг ТВ»

Актер Евгений Миронов, сыгравший Ленина в сериале «Демон революции», поделился своим мнением о вожде пролетариата. «Я не знаю, как Смоктуновскому удалось сыграть Ильича нежным человеком (сметается. — Прим. ред.)! Причем очень убедительно, хотя это не имеет никакого отношения к Ленину вообще. Он человек без рефлексии, абсолютно, ему некогда было думать. Самый нелюбимый автор у него был Федор Достоевский — блевотина рефлексирующая. Убить старуху — это хорошее дело, а дальше — почему надо сомневаться? В общем, у меня он остался свой, я ни у кого ничего не крад», — заявил Миронов.

МОСКВА, 9 ноября — «Культура»

«Злом» и «черной дырой» назвал Ленина актер Евгений Стычкин, игравший Ленина в сериале «Троцкий». «Ленин — не пришелец, он — порождение времени, совокупность зла. Да, мне было важно, чтобы он менялся, чтобы в роли был процесс, Ленин — разный. Лукавый, острый. Он не обижается, не держит слова, его не ухватить, как глубоководную рыбу, покрытую тиной, — руки соскальзывают», — рассказал о поисках образа вождя революции Стычкин. В похожую позицию актер встал и в отношении к Сталину, когда играл его в спектакле «Девушка и революционер»: «Сталина я искал там, где агрессия, злость, страсть и секс. Для меня он — чудовище, живущее на территории инстинктов ненависти и гнева».

МОСКВА, 9 ноября —
ИА Красная Весна

В заключительных сериях фильма «Троцкий», показанного на Первом канале, Ленин отдает приказ об убийстве царской семьи. После этого Владимир Ильич сокрушается в разговоре с Троцким, что царь не помучился перед смертью. Напомним, что Уральский облсовет принял решение расстрелять царскую семью 17 июля 1918 года под напором левых эсеров и вопреки распоряжению Ленина о перемещении Николая II в Москву. На тот момент левые эсеры были объявлены большевиками вне закона.

Очевидно, что тема Октябрьской революции, вызывающая большой интерес у телевизионной публики, незамысловато используется в целях политической войны — для очернения советского периода истории. Основатель Советского государства, собравший развалившуюся на части Российскую империю, показан в сериалах в точном соответствии с перестроечными штампами, уже отлившимися в новейшую мифологию. Давно разоблаченные фальшивки, будто революция делалась на деньги немцев, а Ленин отдал приказ расстрелять царскую семью, обретают «плоть», будучи представлены модными актерами. И то, что актеры эти, запросто сыграв вчера Колчака, играют сегодня Троцкого, никого не смущает — ни их, ни режиссеров, ни публику, отфренированную на мыльных операх и шоу. То, что «исторические» сериалы оказались увесистым вкладом

в программу десоветизации и дискредитации идеи революции как таковой, очевидно и ожидаемо. Удивительно только, что это делается настолько топорно и без всякой оглядки на думную часть населения.

Российская интеллигенция
о революции
и ее последствиях

МОСКВА, 30 октября — «Коммерсантъ»

О том, что установку «Стены скорби» можно считать точкой отсчета масштабной работы по созданию новой памяти о XX веке, — заявил Роман Романов, директор государственного Музея истории ГУЛАГа, руководитель Фонда памяти, собиравшего деньги на монумент.

ЯКУТСК, 6 ноября — sakha.gov.ru

Установившаяся в результате Октябрьской революции советская власть остановила вымирание народов Севера, заявил кандидат исторических наук Егор Антонов. На момент революции малочисленные коренные народы Севера были на грани вымирания. Советская власть создала в 20-е годы сеть больниц и фельдшерско-акушерских пунктов. Открывались национальные школы и интернаты. В 30-е годы открылись десять ПТУ и первый вуз. Обучение специалистов велось в Якутске и других крупных городах страны. Развитие якутской культуры и искусства также началось в те годы.

МОСКВА, 6 ноября — ТАСС

Международный форум левых сил «Октябрь 1917 — прорыв к социализму», организованный КППРФ, проходит в Москве. Приветствие форуму направил президент России В. В. Путин, призвав его участников уважительно относиться к прошлому и руководствоваться фактами и документами, подчеркнув, что события 1917 года — «неотъемлемая, сложная часть нашей истории». В приветственной телеграмме, направленной лидером Партии арабского социалистического возрождения Башаром Асадом, говорится, что Октябрьская революция 1917 года позволила создать государственность, основанную на принципах равенства, мира, социальной справедливости, и вдохновила для построения лучшего будущего различные организации во всех странах мира.

КАЗАНЬ, 6 ноября — «Бизнес-онлайн»

За отказ от политических имен и названий в городской топонимике высказался член Академии Наук Татарстана Индус Тагиров. Историк отметил, что Октябрьская революция привела не к самому лучшему варианту общественного развития России. Россия могла пойти по другому пути — по пути демократии, но свой шанс она упустила. При этом историк подчеркнул огромное значение революции для мира: «Капиталисты пошли на уступки своих позиций в страхе, что и у них может свершиться нечто подобное. То есть от этой революции выиграли многие народы, точнее, их основная, трудящаяся часть населения».

СВОДКИ С ТЕАТРА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

ВОЙНА ИДЕЙ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 6 ноября —
ИА Красная Весна

В Санкт-Петербурге прошел первый день работы конференции «Великая Октябрьская революция 1917 г. и неотложные проблемы исторического развития человечества». В конференции участвуют представители левых сил России, Турции, Греции, Италии, Австрии и Китая. Руководитель Рабочей революционной партии Греции Михаил-Матсас Савас отметил, что трагедия краха СССР позволила возродиться фашизму: появились марши нацистских ветеранов в Риге, бандеровцы на Украине, греческая партия «Золотая заря», националистическая партия в бундестаге. Профессор МГУ Александр Бузгалин заявил, что большевики были самыми блестящими и талантливыми людьми революционной эпохи, и что сегодня есть все предпосылки для победы коммунистов демократическим путем.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 7 ноября —
ИА Красная Весна

В рамках фестиваля русской культуры «Петербургская осень» состоялся концерт классической музыки «Революция и контр-революция», на котором исполняли симфонию советского композитора Дмитрия Шостаковича «1917» и симфонию современного композитора М. Журавлева «Октябрьская, 1993 год». М. Журавлев назвал расстрел Дома Советов в октябре 1993 года большой отечественной трагедией.

МАХАЧКАЛА, 8 ноября — ДГУ

7 ноября в Дагестанском государственном университете прошла международная научная конференция «Северный Кавказ в Октябрьской революции и Гражданской войне: идеи, события, люди». И.о. председателя президиума Дагестанского научно-го центра РАН Муртазали Гаджиев назвал Октябрьскую революцию глобальным событием, имевшим огромное значение для страны. Он призвал историков непредвзято оценивать это событие.

БАРНАУЛ, 8 ноября — altairegion22.ru

В Барнауле открылась выставка плакатов «1917–2017». Вице-президент Академии графического дизайна Сергей Серов предложил дизайнерам из разных стран передать свое видение русской революции при помощи плаката. Из полученных более 1500 работ из пятидесяти стран на выставке представлены 100 работ. Как отмечает Серов, большинство работ дизайнеров демонстрируют негативное отношение к русской революции. При этом принимавшие участие в конкурсе российские дизайнеры в целом показывают более негативное отношение, чем иностранцы.

Плакат на выставке «1917–2017» в Барнауле

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 8 ноября —
ИА Красная Весна

Об антихристианском характере Октябрьской революции заявили на концерте «Перезвоны столетий. 1917–2017» в Петербурге. Ведущие концерта, рассуждая об Октябрьской революции, заявили: «Первым с корабля истории был сброшен, как мы уже сейчас видим, Христос...», а также: «Революция дала много людей с ледяным сердцем, и они разрушали всё, не испытывая боли и сожаления».

МОСКВА, 9 ноября — ИА Красная Весна

В Московском педагогическом государственном университете завершилась Международная научная конференция «Революция в России: теория и практика социальных преобразований», начавшаяся 7 ноября. В ходе работы конференции обсуждались исторические концепции революционных событий 1917 г., образы будущего, события и процессы 1917 г. в России, последствия революций 1917 г. для судеб стран и народов в XX в., характеристики социально-политической сущности Октябрьской революции и советского общества, исторический смысл и значение Октября, альтернативы политического и социального развития России в XX в.

НИЖНИЙ НОВГОРОД, 10 ноября —
ИА Красная Весна

Открытую лекцию «Октябрь 1917 года по-нижегородски» провел д.и.н. В.П. Сапон в Нижегородской областной научной библиотеке им. В.И. Ленина. Вход на лекцию был свободный, и в зале был аншлаг. Лекцию сопровождала выставка, представляющая материалы из архивных фондов, иллюстрирующие обстоятельства революционных дней в Нижегородском крае.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 10 ноября —
ИА Красная Весна

Заседание Секции критики и литературоведения Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России, посвященное 100-летию Великой Октябрьской революции, состоялось 9 ноября. В ходе обсуждения причин и движущих сил Октябрьской революции писатели и критики не смогли прийти к единому мнению и решили рассматривать революцию безоценочно, только с точки зрения творчества, а также выразить свое видение ситуации в художественных произведениях.

УЛЬЯНОВСК, 11 ноября — ИА Красная Весна

В селе Шумовка Ульяновской области прошло мероприятие, посвященное советскому периоду истории поселения. Гид-краевед провела экскурсию по селу и рассказала о жизни поселения в эпоху СССР. В те годы здесь был образован колхоз им. Ульянова. В колхозе действовала столовая, в которой готовили обеды для тех, кто работал на полях. Школы и садики получали продукты, выращенные самими жителями поселения. А учителей специально приглашали из города Ульяновска, предоставляя им общежитие. В 2005 г. колхоз обанкротился и прекратил свое существование.

УЛЬЯНОВСК, 11 ноября — ИА Красная Весна

К 100-летию Октябрьской революции в Ульяновске прошел концерт «Крейсер Аврора», на котором рассказали о достиже-

ниях Октябрьской революции в культурной сфере, а Ульяновский государственный духовой оркестр «Держава» под управлением заслуженного артиста России Валерия Уткина вместе с ульяновскими солистами исполнили знаменитые музыкальные произведения советской эпохи. В программе были произведения Шостаковича, Шаинского, Пахмутовой и др.

Отрадно, что есть точки в нашем политическом пространстве, в которых о 100-летию захотели и сумели высказаться серьезно, с желанием понять событие. Но, как мы видим, в большинстве своем интеллигенция не способна честно оценить Великую революцию, ее завоевания и сокрушительные последствия сброса этих завоеваний. Она предпочитает рассматривать событие, повернувшее в XX веке историю мира, «безоценочно». Она «празднует труса», а не столетие Октября. И потому особенно актуально звучала вечером 7 ноября со сцены одного из павильонов ВДНХ статья А. Блока «Интеллигенция и революция» в коллективном исполнении членов движения «Суть времени», собравшегося там на свой праздничный Съезд.

Реакция на 100-летие Октября за рубежом

НЬЮ-ЙОРК, 4 ноября — The New York Times

Дэвид Бенгли Харт пишет в статье «Должны ли христиане быть коммунистами?», что если коммунизм апостольской церкви и является секретом, то это, очевидно, секрет Полишинеля. Книга Нового Завета Деяния апостолов рассказывает о том, что в Иерусалиме первые обращенные проповедью о воскресшем Христе в подтверждение своей веры селились в общем жилище, продавали свое имущество, распределяли свое личное состояние, «смотря по нужде каждого», и владели всей собственностью совместно. Это был порядок, который установил сам Иисус: «Так всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником» (Лк. 14:33). Автор указывает, что Великий Иоанн Златоуст часто делал такие высказывания о богатстве и бедности, по сравнению с которыми Карл Маркс и Михаил Бакунин кажутся робкими консерваторами.

МОСКВА, 5 ноября — ИА Красная Весна

Международный клуб «София» начал работу в здании Международного общественного фонда «Экспериментальный Творческий Центр». В заседании на тему «Левая альтернатива для Европы» приняли участие представители Латвии, Испании, Греции, Болгарии, Польши, Германии, Италии, Бельгии, России.

БЕРЛИН, 6 ноября — Deutsche Welle

Выставка, посвященная столетнему юбилею Октября, в эти дни работает в Государственном историческом музее Берлина. На выставке под названием «1917. Революция. Россия и Европа» представлены документы, фотографии, архивные видеозаписи, а также «живые свидетели» революции — такие, как брусчатка с Красной Пресни или кусок обшивки броненосца «Потемкин». Журналисты DW отмечают «огромный интерес» к событиям Русской Революции в Германии — как со стороны

рядовых граждан, так и со стороны СМИ. Многие телеканалы «вот уже который день показывают фильмы о революции». «Как говорят эксперты, в Германии и России по-разному говорят о Революции», — отмечает корреспондент DW. — «Некоторые историки вообще считают, что в России столетний юбилей замалчивается на официальном уровне».

СУКРЕ, 7 ноября — RT

Со 100-летием революции Россию поздравил президент Боливио Эво Моралес в своем Твиттере. «Многонациональное государство приветствует и поздравляет Россию со 100-летием социалистической революции. Наше уважение и восхищение братскому президенту Путину», — написал Моралес на своей странице в Twitter.

ВАШИНГТОН, 7 ноября — RT

Белый дом опубликовал свое осуждение Октябрьской революции в России, отметив, что «Большевицкая революция породила Советский Союз и мрачные десятилетия репрессивного коммунизма, политическую философию, несовместимую с свободой, процветанием и достоинством человеческой жизни». Белый дом также сообщает, что «за прошедшее столетие коммунистические тоталитарные режимы во всем мире убили более 100 миллионов человек и подвергли бесчисленное множество эксплуатации, насилию и неопишумому разорению».

МЮНХЕН, 7 ноября — ИА Красная Весна

Семинар «Столетие Великой Революции» провела немецкая ячейка движения «Суть времени». В рамках семинара были представлены доклады об экономических, социальных и философских причинах революционных событий в России, а также разобраны несколько мифов, связанных с Великой Октябрьской социалистической революцией. Целью доклада о русском мессианстве и его роли в Революции 1917 года было показать преемственность мессианских идеалов русского народа.

МИНСК, 7 ноября — БЕЛТА

Со 100-летним юбилеем Октябрьской революции поздравил сограждан Президент Республики Беларусь Александр Лукашенко. Лукашенко назвал это событие «знаменательной датой» и добавил: «В мировой истории есть вехи и события, которые влияют на судьбы народов, определяют их дальнейшее развитие. Октябрь 1917 года ознаменован появлением на политической карте страны с принципиально новым укладом и провозглашением права наций на самоопределение». Глава государства подчеркнул, что в основе развития промышленного, научного, сельскохозяйственного и социального потенциала современной Белоруссии лежат социально-экономические принципы, сформированные в период Советского Союза.

МОСКВА, 7 ноября — ИА Красная Весна

Ведущие западные СМИ отмечают «поразительное молчание», которым политическое руководство России встретило столетие Октябрьской Революции. Замалчивание данного события отметили Radio Free Europe, The Washington Post, Reuters.

СВОДКИ С ТЕАТРА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

ВОЙНА ИДЕЙ

Парад посвященный столетнему юбилею Октября в Берлине

ЛОНДОН, 7 ноября — REUTERS

В честь 100-летия Октябрьской Революции агентство обнародовало содержимое телефоннограмм своих корреспондентов в Петрограде столетней давности.

7 ноября 1917 года корреспондент REUTERS сообщил о «триумфе большевиков», который произошел без кровопролития. «День внес определенные изменения в общую ситуацию в столице. «Максималистическое» революционное движение добилось яркого и заметного прогресса. Беспорядков не произошло. К 5 часам дня военный революционный комитет Советов опубликовал прокламацию о том, что Петроград находится в его руках — благодаря помощи гарнизона, который позволил провести государственный переворот без кровопролития. В прокламации также заявлено, что новое правительство предложит немедленный и справедливый мир, передаст землю крестьянам и созовет Учредительное собрание».

АФИНЫ, 11 ноября — «Российская газета»

В Афинах закончил работу научный конгресс под названием «1917–2017. Влияние Русской революции на судьбы народов мира», в котором приняли участие политики, представители общественных, научных организаций, греческой молодежи, а также ученые и общественные деятели России, Греции, Казахстана, Кипра. Министр юстиции Ставрос Контонис подчеркнул решающую роль СССР, образованного в результате Октябрьской революции, в победе над фашизмом и указал, что уравнивать коммунизм и фашизм недопустимо. Гость конференции, национальный герой Греции Манолис Глезос, в годы оккупации сорвавший фашистский флаг с Акрополя, заявил, что октябрь 1917 года оказал решающее влияние на судьбы народов мира.

ЛОНДОН, 11 ноября — ИА Красная Весна

В Лондоне прошла международная конференция, посвященная столетию Октябрьской революции, собравшая выступающих и гостей из стран Латинской Америки, Африки, Азии, Европы. Конференцию организовал Комитет Столетия Российской Революции, поддерживаемый многими профсоюзными, социалистическими, левыми и коммунистическими организациями Великобритании. Среди докладчиков были историки, художники, представители СМИ и медиа, политики. Старшая дочь Че Гевары — Алейда Гевара завершила конференцию со словами благодарности Советскому

Союзу за безусловную поддержку Кубы, и призывом «¡Avante Compañeros!» («Вперед, товарищи!»).

ГРАНАДА, 13 ноября — Университет Гранады

Анонсируется крупнейший конгресс о русской революции, посвященный ее 100-летию, который пройдет 14 и 17 ноября. Отмечается, что актуальность российских революций 1917 года не ограничивается только политическими и социальными изменениями, но распространяется на мировое историческое развитие. Именно по этой причине конгресс будет иметь многодисциплинарный характер. В конгрессе примут участие некоторые из самых известных специалистов во всем мире.

С оторопью смотрит мир на официальную Россию, отрекающуюся от своей истории...

Политики и власть России о революции

МОСКВА, 31 октября — РИА Новости

«Сделав выводы из далеко не самых простых страниц прошлого, мы осознали всю бессмысленность насаждения какой-то идеологии, экспорта моделей развития без учета местной специфики. Наша страна никому ничего не навязывает, никого не учит жизни», — сказал министр иностранных дел РФ Сергей Лавров на торжественном открытии Конференции российских соотечественников, проживающих за рубежом, «Столетие Русской революции: единение ради будущего».

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 6 ноября — ИА Красная Весна

В Санкт-Петербурге проходит конференция «Великая Октябрьская революция 1917 г. и неотложные проблемы исторического развития человечества», в которой участвуют политики из России, Китая, Греции, Австрии, Турции, Италии.

Российский политик левого направления Виктор Тюлькин заявил, что главная задача, которую решал Ленин, была в пробуждении человека, его достоинства, в его развитии. Политик назвал перерождение партии одной из главных причин поражения СССР.

Лидер «Справедливой России» Сергей Миронов заявил о том, что Советский Со-

юз не являлся идеалом социализма, а Россия исчерпала лимит на революцию еще в прошлом веке.

Представитель «Российской партии народного управления» Дмитрий Уразов призвал к объединению левых вне зависимости от расхождений в идеологии на том основании, что у них одна цель — коммунизм.

Гендиректор Центра научной политической мысли и идеологии Степан Сулакшин заявил, что вызов настоящего времени состоит не в простом распределении благ, а в формировании человеческого человека, и что необходимо строить государство, которое будет учитывать все законные интересы всех классов.

МОСКВА, 7 ноября — RT

Юбилей Революции — историческая дата для России и мира, заявил член комитета Совета Федерации по международным делам Игорь Морозов в связи с постановкой к юбилейной дате революции оперы «Алеко» в Российском академическом молодежном театре в Москве. «Это историческая дата для всего российского народа, для всего мира <...> Так появилось советское общество, которое сегодня является наследником всех исторических, культурных, политических и экономических традиций», — заявил Морозов.

МОСКВА, 7 ноября — «Россия сегодня»

Разрушение российской государственности произошло в феврале, а не в октябре 1917 года, заявил председатель Комитета по образованию и науке Госдумы, доктор исторических наук Вячеслав Никонов в ходе презентации его новой книги «Октябрь 1917». Ученый отметил, что Временное правительство не смогло удержаться у власти в силу того, что, разрушив все существующие государственные институты и государственность как таковую, ничего не предложило взамен.

НОВОСИБИРСК, 8 ноября — ИА Красная Весна

Мэрия Новосибирска не может быть инициатором поиска лиц, испортивших несколько билбордов в центре Новосибирска, посвященных 100-летию Великой Октябрьской социалистической революции, говорится в ответе администрации города на запрос редакции ИА Красная Весна. В документе сообщается, что билборды были размещены безвозмездно в рамках обязательств по размещению социальной рекламы, взятых на себя рекламодателем.

БРЯНСК, 11 ноября — ИА Красная Весна

Банк России отказался от выпуска памятных монет, посвященных революционным событиям 1917 года в России, оправдавшись «неоднозначностью оценки российским обществом данных исторических событий». Об этом сообщается в ответе нумизмату, оставившему запрос в интернет-приемной. В интервью нумизмат заявил, что был возмущен объяснениями причин. По его мнению, «не включение в план выпуска монет на 2017 год серии, посвященной 100-летию Октябрьской революции, в целом противоречит целям и задачам Центробанка», который обязан выпускать «в обращение памятные монеты из драгоценных металлов к юбилейным датам, знаменательным событиям истории и современности».

КИМОВСК, 11 ноября — ИА Красная Весна

Глава Тульской области Алексей Дюмин подвергся критике местных либеральных СМИ за то, что принял участие в торжественном открытии Музея 100-летия Великой Октябрьской революции в Кимовске, а также за использование эпитета «великая» по отношению к Октябрьской революции в новости на правительственном портале. В то же время патриотические издания высоко оценили размах торжеств, приуроченных к 100-летию революции 1917 года в Тульской области.

Россия существует в ситуации, когда представителями некоторых стран наша Великая революция воспринимается гораздо положительнее, чем нашими чиновниками. Октябрьская революция является одним из самых значимых событий мировой истории в целом и истории России в частности. Как показывают многочисленные опросы, это событие большинство граждан нашей страны оценивает как положительное. Власть дистанцировалась от события, которое многие считают судьбоносным для России и мира: пресс-секретарь президента России Дмитрий Песков заявил, что он не видит повода отмечать столетие революции. Подобное отстранение вместо попытки беспристрастно взглянуть на собственное прошлое и оценить его значимость, приводит к тому, что Россия теряет лицо, причем как для уважающего русскую революцию Китая, так и для враждебно настроенных по отношению к СССР США. При этом политики левого направления есть практически в каждом городе России, и празднование этого события всё равно проходит. Интерес проявляют даже граждане, не участвующие в политике. Несмотря на почти гробовое молчание российских властей в отношении столетия Великому Октября, видно, что в обществе тема революции и ее значение в отечественной и общемировой истории не забыты. Граждане несут цветы к памятникам революционным деятелям, организуют праздничные акции, выражают свое отношение в искусстве.

Мы видим, как всё больше поляризуется общество по вопросу о революции, нарастает раскол между просоветским большинством и антисоветским меньшинством. При этом элита, официально заявляя о примирении в обществе, как правило, предпочитает опираться на меньшинство, что проявляется во всех областях. Например, Центробанк, отказываясь принимать тему Октября в качестве значительной даты, выпускает монеты, посвященные таким фигурам, как Петр Столыпин, чья деятельность до сих пор вызывает массу противоречивых оценок. Планируется выпуск памятной монеты к 100-летию со дня рождения Александра Солженицына, чья личность вызывает резко негативное отношение у многих россиян из-за того, что он распространял фальсифицированные данные и призывал США вмешиваться во внутренние дела СССР. Можно ли выстроить хоть какое-то будущее при поддержке сил, раздувающих скорбь и покаяние, лелея чувство собственной неполноценности, отказываясь от продолжения роли первооткрывателей?

Торжественное заседание актива «Суть времени», посвященное 100-летию Великой Октябрьской социалистической революции

Сергей Кургинян выступает 7 ноября 2017 г.

Когда начиналось то, что потом породило и Великую Октябрьскую социалистическую революцию, и победу в Великой Отечественной войне, и выход в космос, и многое другое, людей, которые начинали эту цепь преемственных событий, было гораздо меньше

Речь Сергея Кургиняна

Товарищи! Оглянитесь вокруг. Вспомните, как говорилось в 2011–2012 году, что через шесть месяцев нас не будет.

Мы, «Суть времени», — практически единственная организация сейчас, которая по-настоящему празднует 7 ноября. Мы не радуемся по этому поводу. Нам бы хотелось, чтобы таких организаций было 50 или 100. Но что есть, то есть.

Мы собрались в этом зале с твердой решимостью достойно отпраздновать великое событие мировой истории — Великую Октябрьскую социалистическую революцию, ее столетнюю годовщину.

Сто лет — это не просто прошло столько-то дней и часов. Это какая-то такая огромная петля времени, внутри которой что-то возвращается. И я лично хочу верить, что где-то тут, рядом с нами, находятся те, кто делал эту революцию, те, кто строил нашу страну, те, кто ее нам оставил. И что они хотя бы понимают, что они не забыты, что нет у нас, потомков, ощущения, что всё это прошло — и ладно.

Чуть позже я прочту доклад, как полагается на торжественном заседании. Потом будет концерт, тоже, как полагается на торжественном заседании. А сейчас мы начнем с того, что, в принципе, уже совсем забыто, но что является неотъемлемой и высшей традицией для тех людей, которые делали эту революцию, а потом строили страну.

Мы всё начинаем тем гимном, под которым началась революция и под которым шли все ее высочайшие деяния.

[Все поют «Интернационал».]

Я хочу сказать, открывая наше торжественное заседание, что здесь присутствуют люди разных поколений. И это прекрасно, что тут есть кому передать традицию и есть кому ее принять: здесь очень много молодежи.

Когда начиналось то, что потом породило и Великую Октябрьскую социалистическую революцию, и победу в Великой Отечественной войне, и выход в космос, и многое другое, людей, которые начинали эту цепь преемственных событий, было гораздо меньше. Но они изначально ставили перед собой очень амбициозные цели, они верили в то, что они их реализуют.

И в конечном итоге они их реализовали. Потому что они готовы были не абстрактно фантазировать по этому поводу, не мечтать — неважно, лежа на диване или мирно осуществляя какую-нибудь «среднетемпературную» деятельность, — а они горели этим огнем, они верили в свою правоту. Это были сильные люди, а по ходу того, как они достигали своих целей, они набирали силы всё больше и больше.

От собравшихся здесь зависит то, чем обернется данное начинание: созданием одного из гражданских очагов, которые способны чуть-чуть подогреть нынешнюю остывающую ситуацию, или чем-то бо-

лее крупным. Тут нельзя ничего заранее предполагать. Мечтать хочется о многом, а на что способны люди, зависит от самих людей.

Но что-то же их собрало сюда. Что-то их собрало шесть лет назад, что-то дало им силы для того, чтобы воплотить всё то, что в течение этих лет выполнялось. И тут стоит посмотреть и на этот путь, и на его смысл. Ибо смысл любого праздника заключается в том, чтобы оглядываться назад с тем, чтобы видеть, что будет впереди.

К тому моменту, как коммунистическое мировоззрение в виде движения, уже опирающегося на определенный тип научности, который привнес Маркс, начало набирать силу, в мире (я имею в виду западный мир, который тогда единственный двигал куда-то вперед исторический процесс) воцарилось некое отчаяние. Это отчаяние было порождено тем, что великие лозунги Французской революции — «Свобода, равенство, братство!» — обернулись торжеством сил, очень хищных и беспощадных по отношению к обездоленным людям. Ни о каком равенстве, ни о каком братстве и даже о свободе для этих людей речи не было — началась их чудовищная, беспощадная эксплуатация.

Вдруг оказалось, что разрушение словных перегородок и все другие свершения Великой французской революции не привели ни к счастью, ни к справедли-

вости. В каком-то смысле эксплуатация только усилилась. Более того, буржуазия, как говорится в «Манифесте Коммунистической партии», «в ледяной воде эгоистического расчета» утопила всё то, что еще как-то согревало человечество. Люди перестали верить в историю, перестали верить в то, что эта история движется к какому-то осмысленному и благому результату.

Более того, появившееся на философской и мировоззренческой арене гегельянство — а именно Гегель взял эстафету у классической религиозности в смысле постановки дальнейших целей для человечества — фактически было приспособлено глубокого пессимизма. Ибо оно говорило о конце истории: мировой исторический дух должен был, проведя какую-то работу, завершить ее в виде нового духа, а затем всё это должно было свернуться. И когда сегодня зловещим образом звучат слова о конце истории, конце искусства, конце человека и так далее, то эти слова зарожжены Гегелем и его последователями Кожевным, Фукуямой и другими. Эта школа в мировой философии истории, которая, казалось бы, восславляла всячески историческое движение, на самом деле была исполнена колоссального пессимизма.

Романтики, которые в этот момент как бы приватизировали, говоря современным словом, это отчаяние по поводу того, что Французская революция ничем не завершилась в смысле счастья для че-

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ АКТИВА «СУТИ ВРЕМЕНИ» 7 НОЯБРЯ 2017 ГОДА

ловечества, — они частью проклинали буржуазию, а частью грезили о возвращении назад. Возник так называемый реакционный романтизм, в рамках которого было сказано, что феодализм — это лучше, чем капитализм, и давайте мы как-нибудь вернемся назад, к рыцарству и так далее.

Маркс появился в этом историческом контексте. Он появился в момент глубочайшего интеллектуального и духовного отчаяния, порожденного тем, что, казалось, всё — история не имеет благого содержания. А если она его не имеет, то зачем жить?

Маркс стал великим историческим оптимистом и главным оппонентом Гегеля. Выйдя из рядов младогегельянцев, взяв что-то у своего учителя в смысле диалектики и всего остального, Маркс противопоставил гегелевскому финализму, а значит, и историческому пессимизму то, что привнес он: возможность неограниченной, бесконечной человеческой истории, когда будут сняты преграды в виде того, что он называл «отчуждением». Отчуждение людей от продуктов их труда, отчуждение людей друг от друга и отчуждение людей от высшего творческого смысла — вот что должно было быть снято, как утверждал Маркс, в ходе преодоления тех препятствий, которые капитализм поставил на пути исторического развития.

Маркс грезил этими высшими целями, и те, кто шли за ним, — тоже. Никогда и ни одно великое историческое движение, которое создает крупнейшие результаты, не бывает мелкотравчатым. Оно не бывает замкнуто на мелочи, даже если этой мелочью является право человека на кусок хлеба (а это священное право), даже если этой мелочью является право на образование. Никогда великие делатели великого нового мира на этом не останавливаются, они идут дальше, они провозглашают большее. И, конечно, марксисты провозгласили бесконечность возможностей освобожденного человека и освобожденного труда, бесконечность истории, окончательную победительность человека во Вселенной в мире, который насковил историю.

Теперь мы знаем об этом гораздо больше, чем при Марксе, ибо исторично всё: исторична материя, исторично — в этом смысле движения вперед — всё живое и тем более всё человеческое, историчен разум. Но уже тогда было сказано: мы зажжем новое солнце, мы преодолеем второй закон термодинамики, Вселенная не будет остывать, человек станет богом, он решит все задачи, которые возложены на бога. Этот освобожденный человек, создавший братство в человечестве, способен на всё — и ради этого высшего гуманистического результата мы идем на борьбу.

Так говорили те, кто всё это основывал. Они верили в беспредельность возможностей человечества, которые надо раскрепостить.

Это одна сторона произошедшего, но есть и вторая сторона.

В Гори, где родился Сталин и не он один, однажды (когда будущим молодым революционерам было кому 10, кому 12 лет) были скачки — конкуренция кавказских мужчин за то, кто из них первым прискачет к финишу. И один из князей, который хотел победить на скачках, сказал молодому парню, который только-только должен был обзавестись семьей: «Слушай, я знаю, что ты этого жеребца выращивал, ты его выкармливал молоком, ты его холил и лелеял, он у тебя мощный, но ты не вздумай прийти первым на скачках! Не вздумай, первым придешь! Если ты этому не подчинишься — плохо будет». Молодой парень тогда сказал: «Слушай, ты тогда запрети нам скакать рядом с тобой. Мы — мужчины, мы на Кавказе, мы так не можем». Тот ответил: «Только не вздумай прийти первым!»

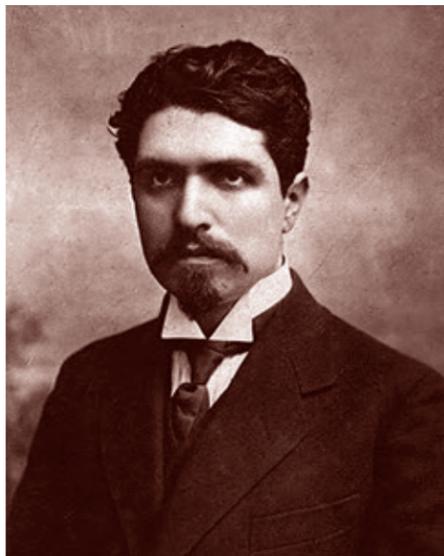
Молодой парень пришел первым. Тогда князь вместе со своей дворней и со своей дружиной или, скажем так, бандой (что та-

Симон Тер-Петросян — Камо. 1920-е

Молодой Сталин

Степан Шаумян

кое в Грузии князя?), изнасиловал невесту этого парня. Безвестного, простого кавказского парня. В ответ парень и его побратим убили князя из дробовиков. И всё Гори верило в то, что они поступили правильно, и что в худшем случае им дадут 5-летний срок на каторге.

Их приговорили к смертной казни — этих двух ребят. Апелляция пошла к государю-императору. Государь-император подтвердил справедливость этого приговора и сказал, что казнь должна быть публичной. На площадь, где казнили двух этих грузинских ребят, вышло всё Гори. Ребята пели песню, оттолкнули палачей, сами надели петли и, перед тем как отбросить табуретки, сказали, что если Гори за них не отомстит — будь оно проклято.

В той толпе стояли мальчики: Симон Тер-Петросян — будущий Камо, Степан Шаумян и еще десятки таких же, включая молодого Горького. Там же, сбегав из семинарии на сутки, стоял и молодой Сталин. И было совершенно ясно, что мальчики, увидевшие всё это, будут мстить, потому что на их глазах совершилась во-

Молодой Горький

пиющая несправедливость. Им было сказано: «Вы — рабы, и либо вы признаете, что вы рабы в полном смысле этого слова, либо вы восстанете, одно из двух».

Уже через несколько лет все эти мальчики (а Симона Тер-Петросяна — будущего Камо — русскому языку учил Сталин, они были соседями) вывели на улицы Баку и других городов многотысячные демонстрации. Ничего более умного, чем казнить тех ребят, правительство не придумало. Как только оно это сделало — всё замкнулось. Было сказано: «Мы не рабы, рабы не мы». Эта шибка, это твердое понимание того, что если ты не будешь бороться, то ты будешь раздавлен до конца, что ты будешь обращен в такое рабство, что у тебя не будет ни права на невесту, ни права на законную победу, никаких прав вообще...

Вот внутри этого родилась волна русской революции. С одной стороны — великая надежда на абсолютное благо, с другой стороны — ощущение вот этого ада на земле, который строится. С этим пошли в бой девочки и мальчики: Симон Тер-Петросян привел в революцию своих сестер, которые по сегодняшним меркам не являлись совершеннолетними, по тогдашним — тем более. Люди шли, вдохновляемые великой яростью и великой мечтой. Это была та ярость, про которую потом было сказано: «Пусть ярость благородная вскипает, как волна».

Это особое свойство господствующего класса — отказывать тем, по отношению к кому он осуществляет господство, в праве быть людьми в самом элементарном и окончательном смысле этого слова — вот это и есть ад, который строился и против которого восстали люди. А их великая мечта — это и есть тот рай на земле, которого они добивались. Это были очень сильные люди, люди, стремительно осуще-

ствлявшие образование, люди, создававшие глубокое братство между собой, люди, готовые на лишения.

Давайте из этого прошлого посмотрим в сегодняшний день и в то, что случилось после того как рухнул Красный проект. Совершенно ясно, что у тех, кто был обуреваем этим абсолютным историческим оптимизмом, абсолютной верой в возможности освобожденного человека и кто называл себя поэтом марксистами, у них было нечто кроме теории. У них была своя теология или телеология, неважно. Телеология — это целелогагия, теология — надежда на бога. В них была вера. Та вера, которая движет горами. Та вера, без которой ничего вообще не может быть.

Внутри этой веры был и культ Прометея, который исповедовал зять Маркса и верный марксист Лафарг и к которому имел причастность какую-то и сам Маркс. Ленин боготворил Лафаргов и говорил об этом Сталину.

Но это не всё, что было. Маркс твердо верил в одно — в то, что капитализм — это последняя стадия сгущения абсолютной тьмы. Вот тьма сгущается до конца, а согласно религиозному коду, религиозной основе, которая плотно сидела в этих мальчиках, сколько бы они ни говорили об атеизме, после предельного сгущения должна ударить молния, и всё очистится, и все должны увидеть свет — новую землю и новое небо.

Это называется эсхатологией, так выглядит для верующего конец света. И для Маркса последней стадией сгущения этой тьмы был капитализм. Маркс твердо верил, что когда молния ударит, всё, пусть и с кровью, но очистится. И дальше засияет солнце.

Продолжение на стр. 4

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ АКТИВА «СУТИ ВРЕМЕНИ» 7 НОЯБРЯ 2017 ГОДА

Продолжение. Начало — на стр. 6-7

Выступление хора на торжественном заседании актива «Суть времени», посвященном 100-летию Великой Октябрьской социалистической революции 7 ноября 2017 г.

Что видим мы? Стал ли капитализм последней стадией развития этого гущения тьмы? Мы видим, что не стал. Мы ясно видим, что перед нами есть некое устройство мира или, точнее, западного мира, в котором, безусловно, нет никаких черт классического капитализма, как бы широко мы это ни рассматривали. Мы видим явно, что капитализм сумел создать нечто, что можно назвать посткапитализмом, — он сумел спасти себя путем самоликвидации, самоотказа от всех своих фундаментальных человеческих констант, в которых все-таки был гуманизм и было определенное человеческое содержание.

Да, Киплинг — певец британского империализма — говорил: «Несите бремя белых». Да, он этим воспевал колониализм, но он же дальше говорил: «Принесите всё им». Принесите им свет прогресса, свет восхождения, свет новой науки, свет просвещения. Даже самые зловещие певцы империализма всё равно верили в то, что они идут под знаменем прогресса и гуманизма, что они идут к новому этапу развития человека.

Это нес с собой классический капитализм. Это нес с собой империализм как высшая стадия развития капитализма, о котором написал Ленин. В этом и внутри этого гуманистическое всё же существовало.

Когда капитализм увидел коммунизм рядом с собой и понял, что этот коммунизм обречен победить, капитализм сделал то, чего от него не ждали. Он отказался от всех своих фундаментальных оснований.

Энгельс написал «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Семья, частная собственность и государство — главные основы классового общества. А что происходит на современном Западе?

Беспощадная неограниченная атака на семью, которая вообще проблематизирует понятие «капитализм». Ведь последняя надежда на что-нибудь хорошее в этом капитализме была в том, что будут созданы мощные династии и тогда хозяева производств будут думать о своих производствах через 50, 100, 1000 лет — потому что будут династии. Но семьи разрушены. Разрушена семья как таковая. Какова основа наследования частной собственности в условиях разрушенной семьи? Ее нет. Нет никакого смысла в этой категории.

Государство. Мы слышим постоянные крики о кризисе, крахе Вестфальской системы. Что такое Вестфальская система? Это система национальных государств. Значит, национальное государство рушится. Рушится ли оно само? Мы видим, как в Ливии, Сирии, Египте, повсюду беспощадно разрушается даже самая несовершенная национальная государственность. Во имя чего? Что реально приводится

к власти? Разговоры о том, что там приводятся к власти силы демократии, бессмысленны. Значит, там приводятся к власти самые темные средневековые силы. Силы такого исламского радикализма, которые не имеют уже никакого отношения к мировым религиям. И не только радикализма.

Что мы видим на Украине? Мы видим приход к власти — открытый, декларированный приход к власти — сил, которые не имели права оказаться на современной западной сцене. Три дня они не должны были там просуществовать! Три дня Польша не должна была позволить строить на Украине государственную власть с идеологией Бандеры, память о зверствах которого по отношению к полякам будет храниться еще 1000 лет, если будет польский народ. Но они же позволили это сделать! Они обнялись с кровавыми палачами своего народа! Не коммунизма, не русских — а своего народа. Как же нужно, чтобы не какие-то там абстрактные антирусские демократические силы, а именно бандеровская сволочь возглавила процесс и вела этот процесс в определенном направлении! Зачем это нужно?

Европа, которую мы сейчас видим, весь Запад, который мы сейчас видим, находится в транзите. Запад движется от псевдодемократии, уничтожающей все устои гуманизма, просто к фашизму нового типа, возможно, более беспощадному, чем предыдущий.

Пройдет 10, 20, 30, 40 лет, и научно-технический прогресс, который движется сам по себе и ничем не отменяем и который окажется в руках у этих зловещих сил, позволит тремстам-четыремстам миллионам людей завалить своими производственными результатами, своими товарами весь мир в неограниченном количестве. Возникнет серьезный вопрос: а что делают остальные миллиарды? Если они всегда были нужны для того, чтобы их эксплуатировать, то теперь они уже не будут нужны для того, чтобы их эксплуатировать. А зачем они нужны будут вообще? Рано ли поздно движущаяся вперед в этом направлении сила задастся вопросом: зачем нужны эти миллиарды людей, которые не нужны для производства? Если вся цель — в производстве, значит, эти люди вообще не нужны! Обосновать их уничтожение можно, только отказавшись от единства рода человеческого, только провозгласив разделенность человечества на непересекающиеся виды. Ближайшая традиция, которую мы знаем, — это гностическая традиция: пневматики, психики и хилики не могут перейти из одной категории в другую.

Значит, внутри существующего процесса идет посягательство на самые базовые константы гуманизма. А зачем на них посягают? Только для того, чтобы потом начать ликвидацию «лишних» — ту или иную. А чем окажется меньшинство, ли-

квидировавшее большинство? Оно останется гуманистическим, оно останется демократическим, оно останется хоть сколько-нибудь человеческим? Оно идет во тьму, в абсолютную, полную тьму, причем достаточно быстро.

Недавно прошел XIX съезд Коммунистической партии Китая. На съезде глава китайского государства и руководитель партии очень аккуратно, осторожно и деликатно вел себя и говорил очень правильные, сдержанные, вежливые вещи. Он говорил, что Китай не претендует ни на какую гегемонию, что Китай будет одной из стран мира, что Китай просто медленно-медленно, за 30–40 лет обеспечит полное благосостояние своего населения.

Вы представляете, как это слушали в Вашингтоне и в других местах? Вы вообще представляете себе Китай, который получит с помощью честного труда, в условиях уклонения от любой войны (а китайцы не очень любят воевать) всё то, что получает европейский или американский гражданин? Что каждый китаец получит коттедж, две машины, энергию к этому коттеджу и всё остальное. Может ли это позволить сегодняшнее мироустройство? Тем более что индийцы, глядящие на братский Китай, пойдут тем же путем. Когда я спрашиваю об этом серьезных американских экспертов, значащих гораздо больше, чем господ Трамп, Клинтон и так далее, они отвечают совершенно равнозначно: «Это не будет никогда! Мы этому свершиться не позволим!»

Все вежливые слова Китая ничего не значат, потому что на самом деле Китай стремительно движется к роли державы № 1. Могут ли американцы позволить Китаю стать державой № 1? Американцы не могут позволить никому занять хотя бы второе место и бросить вызов первому месту, потому что они немедленно отскакивают на 3-е, 4-е, 5-е место. А отскочив на 3-е, 4-е, 5-е место, они теряют свое государство. Они раскормили свой народ так, что как только они рушатся с первого места, им кормить народ нечем. Мы увидим такие бунты в Соединенных Штатах, по отношению к которым любая Индия и любая Африка покажутся раем.

Англосаксонская элита не отдаст власть, а экономическая мощь теряться. Мы с вами буквально находимся в той же ситуации, в которой находилась Европа перед Первой мировой войной, потому что Вторая мировая война была идеологической, а Первая мировая война была вот той войной неравномерности развития, о которой писал Ленин и при которой Германии не было позволено обогнать Великобританию. Теперь Китаю не будет позволено обогнать Соединенные Штаты. Каким способом это будет сделано — это следующий вопрос, но это будет сделано.

Россия объявлена врагом № 1. Включить Россию после 20 лет, когда говорили: «Вот русские, перестройка, новые русские, часть европейского мира, боже мой, как мы вас любим...» — после всего этого включить Россию в тройку стран зла, где другие два места у Кореи и Ирана (и значит, Россия определенным образом является номером один в качестве «зла», потому что только она обладает стратегическим ядерным оружием), — это можно сделать только для того, чтобы дальше начать действовать.

Никто такие «включения во зло» просто так не осуществляет. Элита не настолько выродилась в Соединенных Штатах, чтобы просто так начать устраивать такие фокусы. Да, она выродилась существенно с конца 1940-х годов, но это не значит, что она выродилась настолько, чтобы за такими словами не было бы действий, и эти действия будут. Будут они осуществлены в этом году или в следующем — это вопрос другой, но они будут осуществлены. Россия какой-то странной исторической силой, вопреки всему, что в ней происходило последние 20–25 лет, вдруг встала на ось борьбы с Соединенными Штатами. Не Китай, который обладает гораздо большей экономической мощью, не кто-нибудь другой, а Россия. Почему?!

Как могло быть, что после такого поражения, после таких «господ» Козыревых, которые поднимали платки с пола, чтобы услужить американцам, после всего этого вдруг именно Россия сказала: «Э-э-э... это что-то не то. Вонючий ваш гегемонизм... Что-то вы не то делаете, не выполняете правила... У вас всё так плохо, вы никакие нам не братья, вы для нас — главные силы зла». С той стороны это слышат каждый день.

Это означает, что постепенно, после Крыма, Донбасса и всего остального, у элиты победителей в холодной войне отнимают главный приз — эту победу. Эта победа стоила (по сегодняшним ценам) триллионы долларов. На нее работали целые поколения. Она ощущалась как самое вожаемое, что может быть: победить и поставить ногу на голову побежденного. Теперь им показывают каждый день, что этой победы нет. А ничего нет слаще власти для тех, кто победил. Они не просто сдержанно рычат по этому поводу, они преисполнены беспредельной ненависти, которая обязательно оформится в те или иные политические действия. Но и это не всё.

Что такое третий том «Капитала»? Это куски, обрывки Марксовых работ, собранные Энгельсом. Энгельс что-то понимал в Марксе, хотя меньше, чем многим кажется. Но он что-то как-то собрал.

Сестра Ницше, которая собирала главную его историческую работу «Воля к власти», не понимала в ней ничего. Она

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ АКТИВА «СУТИ ВРЕМЕНИ» 7 НОЯБРЯ 2017 ГОДА

взяла черновики, как-то их склеила, и это называется теперь главной работой жизни Ницше.

Но зато это всё понимал вполне конгениальный Ницше немецкий философ, вполне близкий не просто к консерватизму, но и к фашизму, Хайдеггер. И Хайдеггер сказал, о чем написал Ницше: Ницше написал, что если метафизики нет — вообще нет, то последней метафизикой будет воля к власти. После метафизики будет воля к власти. Абсолютная воля к власти, лишённая всего остального.

Именно эта воля к власти в мире, лишённом метафизики, сейчас и возникает. А воля к власти — это воля господина к тому, чтобы подавлять раба. Мир движется к этой воле к власти. Потому что высокий смысл с крахом коммунизма исчез. Остался религиозный смысл, который согревает серьёзные группы людей, но этого недостаточно для того, чтобы согреть человечество — в существенной степени светское.

Мы движемся к посткапитализму, который вполне обладает чертами Царства тьмы, который на порядок хуже капитализма, который порожден желанием элит сохранить власть даже ценой обрушения всех капиталистических гуманистических констант, которых было немного, но которые были. Мы движемся в эту тьму, которая для религиозного человека является, конечно, концом времен, а значит, и пришествием Зла.

Но даже для светского человека... Как светский человек должен слушать слова Фукуямы о том, что грядет конец истории? Или слова Данто о том, что грядет конец искусства? Или слова постмодернистов о том, что наступает конец проекта «Человек», что этот проект, который длился три века, закончен? Как должен слушать это светский человек, верящий в историю и понимающий, что история — это развивающееся человечество? Что кончается? Кончается развитие человечества. Что тогда начинается?

Мы знаем этого Фукуяму. Это не ахти какой умник, хотя и ученик Кожева, который был умнее и гораздо более зловец. Но почему так раскрутили работу Фукуямы в 1991 году — там ничего не сказано? Потому что нужно было сказать о конце истории. А почему нельзя было сказать, что мы убрали коммунистов как главное препятствие на пути истории и история теперь будет двигаться вперед быстрее без коммунистов? Ведь сказали прямо противоположное. Почему? Потому что действительно хотят, чтобы история кончилась как творческое развитие человечества, и делают для этого всё возможное — всё то, против чего религиозный человек восстает, потому что он видит в этом Содом и Гоморру. Всё это для светского человека является разрушением всех базовых констант человечности вообще.

Человек построен на неких основаниях. Эти основания беспощадно рушатся людьми, которые говорят, что они завершают проект «Человек». Значит, эти люди де-факто уже заявили о своем антигуманизме, о том, что антигуманизм становится их идеологией. Они это заявили де-факто. Когда они это заявят де-юре, до конца? И не для того ли нужен Бандера на Украине, чтобы потом такие же бандеры появились повсюду? Не является ли это точкой разложения некоего вируса? Зачем иначе они [Запад] это терпят?

Там ведь не только польский народ пострадал, который это терпит. Там [от рук бандеровцев] и еврейский народ пострадал страшно. Там не только русские пострадали, там много кто пострадал, и все терпят это [прославление Бандеры на Украине].

Когда в Израиле постарались вырастить рощу деревьев, посаженных бандеровцами, то участники некоего движения, которое я не буду называть и которые, возможно, сидят в этом зале, взяли —

и в одну ночь спили всё, что было посажено. Консервативно настроенная часть государства была очень рада этому, никого даже не преследовали за этот поступок. Но ведь посадил же кто-то эти деревья. Кто эти безумцы?

Теперь о том, какое место в этом процессе можем и должны занять мы и вообще левые силы. Чудовищный разгром коммунизма не мог состояться без вины самой Компартии. Говорил и повторяю: за крах, последовавший за сбросом власти, отвечает власть и никто больше. За крах Российской империи отвечает одно лицо — Николай II, он лично ответствен за этот крах. За крах коммунизма отвечает правящая партия.

Разговоры о том, что на это работало ЦРУ, мировая система империализма и кто угодно, лишь добавляют что-то к этой картине. Конечно, работали. А почему ЦРУ не должно было работать? Почему? СССР был главный геополитический враг [США] — они и работали. Но почему КГБ не развалил Америку?

Когда уже сформировался Съезд народных депутатов СССР, и на этом съезде предложили отменить 6-ю статью Конституции, то молодые и часто беспартийные ребята, которые пришли на этот съезд уже на волне перестроечной демократии, отказались это делать. Они сказали: «Мы не будем рушить основы своего государства. Не будем!»

Что сделал Горбачев? Он собрал пленум партии, и на этом пленуме при одном человеке против все остальные проголосовали за отмену 6-й статьи, то есть сами приговорили себя. Тогда верхушка партии пришла на съезд и сказала: «Слушай, съезд. Партия сама хочет себя ликвидировать. Почему ты препятствуешь?»

До сих пор распространяются странные сплетни о Тбилиси по поводу того, что наши мальчики, не являвшиеся профессиональными убийцами, а призванные в армию десантники, рубили женщин и детей саперными лопатками и гнались за ними через все площади, а главное — за старушками гнались и не могли догнать их. Потом старуха прыгнула на второй этаж, за ней прыгнул десантник и ее изрубил... Эти сплетни сейчас вызывают очень странное чувство в обществе, но они же вызывали какой-то подъем. Я помню, как мне кричал, глядя в глаза, Библер, который у меня тогда читал лекции, что это правда, что ему это рассказывал Мамардашвили, что это действительно так.

Мы тогда организовали на Съезде народных депутатов СССР демонстрацию каждому члену съезда всех материалов: военного прокурора, который объяснял, что этого на самом деле не было; Международного Красного Креста, который говорил, что на площади только от асфиксии погибли — от сжатия грудной клетки, а не от рубленых ран. Все наши материалы были распространены, и даже тогда еще находившийся не в нынешнем состоянии Невзоров сделал по этому поводу какую-то телевизионную небольшую передачу. Мы положили на каждый стол съезда эти материалы.

Зал светился от генеральских погон. Но только несколько человек проголосовали за реальность, за версию военного прокурора, все остальные проголосовали за версию Собчака с саперными лопатками. То есть верхушка армии проголосовала за самоликвидацию.

И наконец, чем бы ни были события 1991 года, но в 1993 году все знали — все! — что пришедшая власть их грабит и бросает в унижение и нищету: 1991 и 1992 годы уже были и это показали. И что же? На референдуме в 1993 году, на котором не было возможности ничего подтасовывать (ведь чтобы подтасовывать, должна быть сильная система, и она должна это уметь), Ельцина поддержало большинство. Когда абсолютно незаконным образом был

разогнан Верховный Совет, и всё руководство этого Верховного Совета, плюс вице-президент и все прочие подняли свои, так сказать, флаги и штандарты с тем, чтобы сказать: «Народ, поддержите нас!», — поддержать пришло максимум 20 тысяч, максимум.

По существу, во всем том, в чем мы оказались, участвовали очень широкие группы и населения, и элиты. К власти пришли антисоветчики. Они обладали разным мировоззрением. Кто-то из них был псевдодемократом — такой либеральный фашизм, который почему-то называет себя демократией. Кто-то из них был технократом-прагматиком, кто-то — националистом, а кто-то — откровенным фашистом. Все они ненавидели коммунистов и пришли вместе. Когда постепенно так называемая демократическая группа стала лишаться своего влияния, вместо нее начали приходить другие группы из этой же элиты.

Что странного в том, что у нас в стране власть не празднует 7 ноября? Это глубоко закономерно. Это определяется и идеологией победителя, и его особым нежеланием разговаривать на тему о революции. Потому что для победителя любая революция есть «оранжевая» революция. И когда говорится о той революции, заодно думается о том, не будет ли революции впереди.

Как нужно было относиться и можно относиться ко всему этому в текущей ситуации, находясь по другую сторону от такой победившей власти?

Мне говорили тогда: «Откажитесь от книги «Постперестройка», скажите, что вы пошутили, входите в правительство. Вы же не хотите быть с проигравшими? Они же всю вашу жизнь будут проигравшими». Я сказал: «Хочу быть всю жизнь с проигравшими, но только не с вами».

Как можно и нужно к этому относиться?

Уже в 1994 году мы услышали в коридорах новой победившей власти слова о том, что Чубайс хуже Басаева. Ко мне пришли и сказали: «Давайте, поддержите Басаева против Ельцина. Рухнет вся эта система, тогда будут новые возможности». Я твердо сказал, что поддерживать Басаева против существующей власти не буду, и фактически поддержал то, что делала российская армия в Чечне.

Одна из констант нового коммунистического движения заключается в том, что коммунистическое движение в России не будет играть в любую игру под названием «[Сначала] разрушение этого государства — и тогда мы начинаем действовать». Эта игра невозможна в нынешней ситуации. Это была крайне рискованная и гениальная игра Ленина, которая была связана с тем, что шла мировая война, силы капитализма были ею во многом парализованы. Тогда и потому эта рискованная игра завершилась победой. Но если сейчас всего на 20 минут парализовать государство, то через 30 минут здесь будут американцы. И будут уже навсегда.

Потому мы заявляем в качестве первого своего приоритета о том, что мы будем бороться за осуществление принципиально другого проекта в государстве. Но мы не будем бороться за это, во-первых, путем разрушения государства, и во-вторых, путем союза с очевидно прозападными силами. Этого не будет. И это не пустое заявление.

Это то, что было сделано нами в 2011 году, когда мы вывели людей на ВДНХ и на Поклонную гору в 2012-м. Мы это сделали сознательно, прекрасно понимая, кто сейчас пытается орать: «Долой эту плохую власть!», понимая, что эти люди еще хуже, чем эта власть, и что за ними нередко просто стоят американцы.

Мы знаем, что перед событиями на Поклонной горе было почти на официальном уровне заявлено, так скажем, либеральными башнями Кремля, что если в России начнется хаос, то американцев

попросят проконтролировать наши ядерные объекты. Мы прекрасно понимали, что еще один шаг туда, в сторону «Болотного» майдана, еще нескольких крупных людей, например, Патриарха или даже Зюганова, означал, что этот шаш, этот майдан в Москве развернется в сторону полной отмены нашей государственности, нашего полного порабощения.

И мы тогда поддержали людей, которые этого не хотели, никоим образом не солидаризовавшись с их позицией. Я первым выступал на Поклонной горе и начал выступление так: «Здесь собрались люди с разными убеждениями, — сказал я в первой фразе, — как сторонники, так и противники Путина. Я противник политики Путина. Я призываю всех объединиться и разгромить майданную сволочь». И мы это сделали, майдан в Москве не состоялся.

Но новый майдан готовится. Мне сообщили, что Навальный купил рекламу на сумасшедшие деньги вперед на год. Такие вещи не делают случайно. У нас впереди новые события. И ситуация, которая состоится в 2017–2018 году, будет острее, чем ситуация в 2011–2012 годах. И к этому надо быть готовыми.

Но за этими конкретными политическими действиями стоят определенные константы теоретического и стратегического характера, о которых я обязан сказать в столетие революции. Они таковы.

Сегодняшнее мировое противоречие № 1 — это противоречие между оставшимися силами классического капитализма и глобалистической посткапиталистической тьмой. Так расставлены силы на мировой арене. Именно поэтому уничтожают Мубарака, уничтожают Асада, и это еще не вечер. Врагом глобальной посткапиталистической олигархии самого темного типа является национально-буржуазное государство как таковое. Внутри этого конфликта мы не можем не протягивать руку союза национально-буржуазным силам классического образца, то есть консерваторам. Мы обязаны протянуть им руку союза, оговорив, что мы не разделяем их позицию.

В конце концов, на нас как участников коммунистического движения лежит ответственность за то, что коммунизм рухнул. Но Россия — это наша страна, она для нас важнее идеологии. Мы должны ее отстаивать. Этим вызвано наше стремление к созданию — я подчёркну еще раз здесь, в этом зале, может быть, впервые с такой силой — лево-консервативного альянса, альянса левых и консерваторов. Мы считаем, что именно за этим альянсом будущее в ближайшее десятилетие.

Ровно тем же самым является и наш альянс с Церковью или, точнее, со здоровыми силами Церкви. Мы понимаем, что у Церкви большой счет к коммунизму, и что там есть разные силы, в том числе и достаточно антикоммунистические. Но мы протягиваем Церкви руку союза.

Когда мы боролись против ювенальной юстиции, то православные бабушки, оглядываясь на огромное количество красных флагов, кричали: «Христос воскрес!», а коммунисты отвечали им: «Воистину воскрес!». После этого коммунисты кричали: «СССР 2.0!», а бабушки отвечали: «Воистину 2.0!», может быть, и не очень понимая, что они говорят, но говорили.

Внутри Церкви, во многих епархиях, зреют разумно просоветские настроения. Нам совершенно непонятно, почему мы не можем использовать опыт Фиделя Кастро и других, — при том, что совершенно ясно, что Кастро не случайно создавал и «Теологию освобождения», и Институт Леопольда Сеа, и многое другое. Будучи воспитанником иезуитов, он понимал, что он делает.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ АКТИВА «СУТИ ВРЕМЕНИ» 7 НОЯБРЯ 2017 ГОДА

Окончание. Начало — на стр. 6–9

Почему необходимо на этом новом этапе такое отчуждение Церкви от коммунистических сил? Почему мы не можем протянуть руку всем силам исторического христианства, исторического ислама, исторического буддизма, — всем, кто грезит, как и мы, об истории? Внутри всех этих движений всегда были левые силы. Почему мы не можем объединиться с ними? Ведь если мы с ними не объединяемся, мы действительно тогда становимся сектантами и фундаменталистами, которые не признают, что внутри самого Красного проекта были ошибки, что без исправления этих ошибок идти в новое наступление бессмысленно. Что в этом новом наступлении нужно смотреть на новый расклад исторических и постисторических сил.

Наши ориентиры: союз со здоровыми силами Церкви, союз со здоровыми силами консерваторов, образование этого левоконсервативного альянса и исправление Красного проекта таким способом, чтобы на новом этапе он стал бы наследником всего того великого и победительного, что было в Советском проекте, но не позора брежневского застоя и горбачевского предательства, той самой измены номенклатуры, которая решила отменить коммунизм. Которая решила снести надстройку именно потому, что она хотела приватизировать базис, но даже этого не сумела сделать как следует. В отличие от китайцев, которые сделали гораздо больше, ни от чего не отказавшись.

Это наши принципиальные ориентиры. Во имя этих ориентиров мы проводим определенную политику.

Мы твердо уверены в том, что на горизонте действительно появилась посткапиталистическая олигархическая тьма, и что именно ей должна быть объявлена война не на жизнь, а на смерть. Речь идет о конкретной войне. Наши соратники воюют на Донбассе, воюют не символически, а буквально, и воюют именно с этой бандеровской тьмой, являющейся олицетворением большей тьмы, гораздо большей... Кто создавал эту антирусскую Украину? — иезуиты. Кого они там делали — василиане, грекокатолики и так далее. Кому они же помогли на Западе? — они помогали фашистам. Где-то рядом с этими недобитками находятся недобитки немецкие и другие, они тут, близко, в двух шагах от этих бандеровцев, и они ждут своего часа.

Мы убеждены, что полный и неизбежный крах псевдогуманистической толерантности, свойственной нынешней западной цивилизации, издаваемой над основами настоящего гуманизма, приведет к реваншу именно этих посткапиталистических сил. И если мы вовремя не остановим этот реванш с помощью союза левых и консерваторов, то нам — грош цена.

Это — одна сторона вопроса. Но есть и другая. Что такое очень многие левые сегодня? Это левые, которые поддерживают перверсию, это левые, которые поддерживают какие-то гендеры, а там уже скоро можно будет идентифицироваться не только с мужчиной или женщиной, но и с пещухом, павлином, змеей и неизвестно чем еще. Докуда дойдет это сумасшествие? Эти левые, которые говорят о такой терпимости, что если бы это услышали основоположники марксизма — Ленин, Сталин и другие, а также Маркс и Энгельс, — они бы перевернулись бы в гробах.

Кто такие эти левые вырожденцы? Это такие же постмодернистские левые, как и правые, и все прочие! Всё вырождается у нас на глазах. Нет готовности защищать действительную классику, действительный коммунизм. Оставшиеся немногие сталинские и прочие партии — это чистое ретро, это люди, отказывающиеся от главного, что мы признаем, — что без исправления коммунистического проекта, без новой фазы в его развитии бессмысленно говорить о возврате коммунизма на историческую сцену. Бессмысленно!

Сначала — это исправление, реальное доказательство того, что оно осуществлено, демонстрация не на словах, а на деле неких возможностей, потом — всё остальное!

Далее. Неужели вы думаете, что в сегодняшних политических условиях, при возможности вот так собираться и использовать все возможности гражданского общества, Ленин бы от этого отказался?! Да никогда бы он от этого не отказался! Никогда! Мы существуем в новой ситуации, с новыми возможностями гражданского общества, мы должны использовать эти возможности не на 100, а на 1000 процентов! И защищать их от постоянно нависающей над страной диктатуры. Потому что все эти хулиганства Стрелкова и прочих в Донбассе фактически были очередной попыткой навязать стране белую диктатуру. А перед этим были попытки Лебеда, и эти попытки будут продолжены!

Интересы наши и власти совпадают понятно в чем. Власть хочет избираться и быть избранной, получив легитимность от большинства. Но ее конкуренты хотят белой диктатуры, а белая диктатура означает уничтожение всего, что есть сейчас. Не так, как сейчас, будут навязывать антикоммунистические константы (а они сейчас навязываются так, что 89% населения — просоветские) — они тогда будут навязывать свою позицию с полной беспощадностью. И всякие разговоры о том, что эту диктатуру надо приветствовать, совершенно очевидным образом не отвечают ни интересам Красного движения, ни интересам страны.

Они отвечают интересам небольшой олигархической верхушки, внутри которой, поверьте мне, рано или поздно крайние монархисты и крайние «либералы» сомкнутся в едином братском порыве. Их ничто не отделяет друг от друга. А самое страшное в этих наших монархистах, прославляющих всё что угодно, заключается не в том, что они монархисты, и не в том, что они антикоммунисты, а в том, что они так давно обвалились в ЦРУ, что там уже пробы ставить негде. Это уже не внутренние силы страны, это международные силы. Поэтому мы действительно поддерживаем левый центр и мы поддерживаем демократическое развитие процессов, и это тоже наш ориентир.

И, наконец, мы твердо убеждены в том, что именно путем гражданской борьбы и гражданского сопротивления абсолютной тьме можно прийти к новому историческому результату. Мы говорим здесь о нашей верности идеям Антонио Грамши, согласно которым в определенных ситуациях в мире коммунистами берутся почта, телеграф и телефон, а в других ситуациях — берутся клубы, школы и масс-медийные точки. На сегодняшний день вопрос в том, чтобы задействовать для наших

целей вот эту теорию Грамши постольку, поскольку это дает возможность развития в России гражданского общества.

Как только кто-то эти возможности свернет, вопрос будет поставлен на повестку дня иначе — гораздо более беспощадно и радикально. Но сейчас такие возможности есть, и в соответствии с этими возможностями мы ставим на повестку дня вопрос о таком типе борьбы. Наше сопротивление есть культурное сопротивление, информационное сопротивление, социальное сопротивление, гражданское сопротивление и в каком-то смысле — сопротивление метафизическое, ибо мы видим, что речь идет об абсолютной тьме.

Коммунисты грезилли идеей нового человека, но к концу брежневской эпохи место этой идеи ренессансного человека, нового человека, место высших идей заняло потребление. У нас фактически был создан советский тип потребительства, который был чище западного потребительства, но это было то же самое общество «ням-ням», которое, как говорил один мой друг, может зарезать один волк. Так он и зарезал!

Мы здесь сейчас в рамках этой действительности ищем ответ на вопрос о том, как нам в реальной жизни искать и делать этого нового человека. Мы создаем коммуны. Мы говорим о том, что определенная часть молодежи видит окружающую жизнь как абсолютную скверну и отстраняется от нее, в то же время не отстраняясь от общественной деятельности в масштабах страны. И мы уже видим результаты этого.

Мы ставим на повестку дня задачу новой интеллектуализации, задачу построения новой патриотической интеллигенции. Наши противники назвали определенную категорию людей «новыми русскими» — давайте назовем новую категорию, которую мы строим, «новейшими». Мы строим новейшую патриотическую интеллигенцию. Мы призываем к освоению и развитию гуманитарного знания, к самообразованию среди наших сторонников так же, как призывали к этому в эпоху марксизма в школе в Лонжюмо и в других школах.

Но у нас есть большие возможности. Ибо наши предшественники учились в тюрьмах и на каторгах, а у нас есть возможность учиться в таких залах. И мы будем учиться!

При праздновании столетия Великой Октябрьской социалистической революции мы не должны были, не могли, не имели права ограничиться только тем, чтобы сказать, как мы любим Советский Союз, спеть песни и на этом разойтись.

Мы, конечно, должны всё это делать и делать это оптимистично.

Но мы должны были сделать нечто большее. У вас в руках первый выпуск журнала, который называется «Исторические тетради». Четыре года мы будем выпускать каждый месяц такие исторические тетради на основе ваших наработок, на основе наработок двухсот людей из «Суть времени», которые пошли в это гуманитарное знание и добились там результатов.

Этих людей будет больше. Мы будем развивать это в масс-медийную сторону и в другие. Мы не оставим камня на камне от их лжи по поводу советской истории. Она будет разоблачена объективно и окончательно! Наши дети и внуки не будут обучаться по лжи Солженицына, еще и заявившего вдобавок «ни капли лжи» и налгавшего всё что угодно по поводу советской истории. Этого не будет!

Мы не хотим быть мракобесами. Солженицын — крупный русский писатель. «Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор», «Случай на станции Кочетовка», опубликованные у нас, и что-то, опубликованное потом за границей, — очень хорошо, читайте, как и всё остальное. Солженицын не писатель ранга Шолохова. Моя мать, крупный советский филолог, говорила, что он, может быть, вырастет в нового Чехова. Но он не вырос в нового Чехова, он выбрал себе другую судьбу. Так пусть читают его литературу. Но надо раз и навсегда сказать, что каждая цифра Солженицына есть махровая ложь, есть антиисторические данные, и что с исторического подиума эта фигура должна быть убрана. И это должно быть поставлено в качестве цели № 1.

Наверное, вы понимаете, что если эта цель будет реализована, то рядом и следом за ней будут реализованы и другие цели. Антисоветский рельеф без Солженицына как псевдоисторика — это уже совсем не тот антисоветский рельеф, который есть сейчас.

Задачи должны решаться поэтапно, решим эту — посмотрим, что будет дальше. Но мы не обсуждаем это на уровне крика «Долой, долой!» и сбора писем — мы и этим можем заняться, но не это главное. Мы выпускаем свои материалы, мы привлекаем своих историков, мы хотим быть в интеллектуальном авангарде российского общества — в том новом его интеллектуальном авангарде, который повернет за собой гуманитарные процессы, а не просто в виде людей плачущих и ностальгирующих.

Долой ностальгию! Да здравствует искупление вины тех, кто погасил Красное пламя, тех, кто погасил Красный огонь. И да здравствует новый, нужный человечеству Огонь великого обновленного Красного проекта в XXI столетии!

Гелий Коржев. Поднимающий знамя. 1957–1960

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ АКТИВА «СУТИ ВРЕМЕНИ» 7 НОЯБРЯ 2017 ГОДА

Выступление
Джульетто Кьезы

Джульетто Кьеза (Италия) — руководитель Генуэзского объединения Итальянской коммунистической партии (1970–1979), депутат Европарламента (2004–2009), Президент ассоциации «Альтернатива»

С праздником, товарищи, поднимающие знамя!

Действительно я сегодня вечером испытываю чувство облегчения, потому что вижу, что вы есть, и вы уже сила. Я думаю, что вы можете стать и чем-то большим. В эти дни празднования и обращения к исторической памяти, в дискуссиях на эти темы я много раз слышал один вопрос: Октябрьская революция была чем-то важным, значительным?

Ответы были противоречивыми, но я хочу сказать о моем личном опыте.

Я итальянец. Когда в 1991 году здесь произошла контрреволюция, в Италии еще были мощные левые силы, способные себя защитить. И, несмотря на то, что итальянский коммунизм был совершенно другим по сравнению с русским, советским коммунизмом, но когда рухнул Советский Союз, все защиты итальянских левых были сломаны.

В течение 25 лет не только пролетариат, который здесь и на Западе трудно найти, но и вообще население, люди — шли назад. Было гигантское — 25 лет! — отступление гражданского общества.

Почему я это подчеркиваю? Потому что, несмотря на то, что я — итальянский коммунист (я был членом партии) — и коммунисты советские были разные люди: разного опыта, разной истории — тем не менее, когда исчез Советский Союз, это был удар для всех левых, и все мы его почувствовали.

И после этого казалось, что всё потеряно.

Почему я сейчас чувствую облегчение? Потому что вижу, что есть у вас в России сопротивление, и это очень важно. Если у вас получится, у нас тоже получится. Есть еще в Европе, не только в Италии, огромное число людей, которые, потеряв партию, потеряв организацию, оказались в одиночестве. Но эти люди есть.

Здесь я просто говорю о новом своеобразном интернационализме. Надо работать вместе. Ваш успех будет нашим успехом тоже.

И поэтому мы должны знать, и вы должны знать, что вы не одиноки: на Западе полно людей, которые абсолютно не удовлетворены тем, что происходит в мире, которые боятся, но не знают, как защитить себя.

Надо найти такую силу. Я здесь сегодня вечером видел, что есть такие, которые могут создать эту силу. Поздравляю вас с этим!

Выступление
Иньяки
Иразабалбейтия
Фернандеса

Иньяки Иразабалбейтия Фернандес (Испания) — депутат Европарламента (2013–2014), член правления политической партии «Аралар»

Добрый вечер, друзья, товарищи! Я очень рад праздновать вместе с вами 100-летие Октябрьской Революции — события, которое изменило мир и которое привело нас в тот мир, в котором мы сейчас находимся.

Можно критиковать революцию, можно говорить, что что-то можно было сделать лучше или другим способом, но нет никаких сомнений, что мы должны быть благодарны тем мужчинам и женщинам, которые столетие назад поднялись, чтобы творить, воплотить мечту в жизнь.

Как представитель баскского народа могу сказать, что мы благодарны Советскому Союзу, например, за его поддержку республиканцев в Гражданской войне в Испании, в то время как правительства находящиеся рядом с нами стран смотрели в другую сторону, а по сути — помогали фашистскому режиму.

Мы, баски, должны быть благодарны за то, что 80 лет назад Советский Союз, русский народ, принял сотни мальчиков и девочек из Страны Басков и других регионов Испании, чтобы спасти их от ужасов войны.

Все европейцы должны быть благодарны за ту жертву, которую принесли миллионы и миллионы мужчин и женщин, которые сражались против нацизма и которым удалось победить Гитлера.

Люди всего мира должны быть благодарны Советскому Союзу за его противодействие американскому империализму и помощь национально-освободительным движениям всего мира.

И мы, жители Западной Европы, должны быть благодарны Советскому Союзу, поскольку благодаря ему мы живем в государстве благосостояния, которого в ином случае мы никогда бы не достигли.

Завершаю свою речь баскской поговоркой: «Мы есть потому, что они были. Они будут, потому что мы есть».

Большое спасибо.

Выступление
Димитриоса
Константакопулоса

Димитриос Константакопулос (Греция) — редактор портала Defend Democracy Press

Дорогие друзья, дорогие товарищи, я очень счастлив быть здесь с вами, чтобы отметить 100-летие такого действительно определяющего события мировой истории, каким была Великая Октябрьская социалистическая революция. Чем дальше мы от этого события, тем яснее для всех нас становится его значение.

25 лет назад, когда Советский Союз распался (или, может быть, лучше сказать, совершил самоубийство: его правящая элита решила распустить государство), мы услышали много победных глупостей о вечном мире, конце истории, о появлении нового мира. Нам сказали, что всё, что произошло в русской истории, Русская революция (а до нее — Французская революция), было своего рода отклонением от правильного пути. А сейчас, мол, человечество пришло в себя, и, наконец, наступил новый мир, новая ситуация, новая цивилизация, которая останется с нами навеки.

Но сейчас, после того карнавала распада СССР, приходит осознание реальности. Что это за реальность?

Народы Советского Союза уже знают то, что сказал ваш президент: распад СССР — это геополитическая катастрофа. Но распад Советского Союза стал также глобальной социальной и культурной катастрофой, может быть, самой крупной с момента начала промышленной эры, по крайней мере, в мирное время.

На Ближнем Востоке, в Африке и Азии мы видели десятки катастрофических войн, кульминацией которых является угроза ядерной войны в Корее и на Ближнем Востоке, и это представляет на самом деле прямую угрозу Китаю и России.

И даже в так называемом более продвинутом западном мире, в Европе, мы наблюдаем новый тип войн — долговых, таких, как та война, которая была проиграна моей страной и которая тоже привела к огромной социальной, экономической и политической катастрофе.

Поэтому, как бы мы ни критиковали советскую систему, чтобы мы ни говорили относительно ее недостатков и серьезных

Выступление иностранных гостей на торжественном заседании «Суть времени» 7 ноября 2017 г.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ АКТИВА «СУТИ ВРЕМЕНИ» 7 НОЯБРЯ 2017 ГОДА

проблем, исторический опыт налицо и подкреплен фактами, а не словами, не пропагандой. Он очень негативный. Ситуация очень плохая в мире, и она становится все хуже и хуже. Такой же, как она была для России в прошлом: в 1905-м, в 1917-м, в 1941 году.

Я надеюсь, что складывающийся новый мировой порядок, который является угрозой нашей цивилизации и даже нашему существованию, будет воспринят как неприемлемый. Это еще один критический момент в нашей истории и в вашей истории. Мир нуждается в вас, но я полагаю, что и вы нуждаетесь в мире.

Я не согласен с фразой Александра III на плакате, который я увидел при входе в холл¹, что единственные союзники России — это ее армия и флот. В XX веке многие сотни тысяч людей в мире считали Советский Союз родиной. В том числе благодаря им вы победили во Второй мировой войне. Они внесли свой вклад и в другие усилия Советского Союза, в создание им ядерного оружия. Россия добивается большого успеха, когда выражает общие, интернациональные интересы.

Я хочу поблагодарить и поздравить Сергея Кургиняна, у которого, как мне кажется, есть ясное понимание необходимости сочетания русского национального и общественного интереса с нуждами мира, который борется за свою цивилизацию и даже за свое существование!

С праздником и с новой победой!

¹ Торжественное заседание актива «Суть времени», посвященное 100-летию Великой Октябрьской социалистической революции, состоялось 7 ноября 2017 года на ВДНХ, в павильоне № 57 («Россия — моя история»). Упомянутый плакат расположен в холле павильона № 57.

Выступление Захари Захариева

Захари Михайлов Захариев (Болгария) — президент Фонда «Славяне»

Во-первых, я хотел бы поздравить всех вас от имени самой большой общественной организации в Болгарии, которую я возглавляю, от «Федерации дружбы с народами России и стран СНГ». Это самое мощное общественное движение в Болгарии.

Во-вторых, я хотел бы поздравить вас от имени Фонда «Славяне», который объединяет выдающихся интеллектуалов нашего государства в области искусства, в области академической деятельности. Имею право и на это.

И в-третьих, я как член центрального руководства Болгарской социал-демократической партии

хотел бы поздравить всех вас от имени болгарских социалистов. Я думаю, что тоже имею на это полное право, несмотря на то, что не являюсь лидером этой партии, потому что в эти дни по всей Болгарии и по линии болгарской социал-демократической партии, и по линии болгарской интеллигенции идут собрания, дискуссии, встречи, круглые столы, которые связаны с этой величайшей датой.

Когда я увидел, что здесь происходит по вашей линии, я был рад, что мы идем единым маршем под звуки нашего пока что маленького оркестра, цитируя Булата Окуджаву. Но звук этого оркестра уже слышат, он уже звенит не только на территории всей России, но и в Болгарии, и во всех демократических обществах нашего мира.

Есть такой анекдот. Идет всем известный Иван Сусанин. Зима, оккупанты идут сюда, лес дремучий, становится всё темнее и темнее. Оккупанты спрашивают: «Куда ты нас ведешь, старик проклятый?». Сусанин отвечает: «Если бы я сам знал...»

Почему я говорю об этом? Потому что то, что мы сегодня услышали от моего друга Сергея Кургиняна, то, что я слышал в эти дни от моих друзей из практически всех уголков Европы, обнадеживает меня в том, что мы уже знаем направление, в котором мы идем.

Мы уже знаем, каким образом мы можем выйти из той казавшейся тупиковой и безысходной ситуации, в которой мы находимся сегодня. У нас уже есть четкая, ясная цель. Мы знаем, куда идти, где эта цель.

Эта цель, в общем и целом, связана с одним именем — «демократия». Потому что нам навязали не постсоветский, не посткоммунистический, а постдемократический период в развитии цивилизации. А вот мы — за демократию!

И в этом смысле хочу припомнить определение — некоторые говорят, что оно исходит от Платона, другие говорят, что от его ученика Аристотеля, это не имеет значения. В древних Афинах делили людей на две категории: политикос и идиотикос. Политикос — те, которые живут в ритме времени, которые озабочены не только собой, а всем обществом, которые думают о том, что будет завтра, о будущем своих детей, своего народа. Идиотикос — это те, которые думали и думают только о себе.

К сожалению, именно на этой основе сейчас идет и великая битва между теми, кто хочет нас сделать полными идиотами, хочет, чтобы мы потеряли память и цели, — и нами, желающими, чтобы будущее, будущее демократии, было в наших руках.

В добрый час всем вам!

Выступление Януша Нидзвецкого

Януш Нидзвецкий (Польша) — председатель НПО «Европейский совет по демократии и правам человека»

Добрый день! Я попробую по-русски, но не обижайтесь, если мой русский не так хорош, как я бы хотел.

Самое главное — мы здесь потому, что мы вспоминаем идеи Великой Октябрьской революции. Когда я приехал сюда, в Москву, мне не было весело. Не было весело, потому что мы все обсуждали, что мы потеряли из достижений этой революции, какие у нас были ошибки.

Но самый главный вопрос, на который тяжелее всего найти ответ, — какое будущее у этой революции? Потому что мы все знаем прошлое, мы все знаем, что случилось, как шла история. А на вопрос, какое будущее у Октябрьской революции, на этот самый большой вопрос, ответа не было.

Но я уеду отсюда, из Москвы, можно сказать, весело, из-за того, что я здесь увидел, что я здесь услышал. Что касается «Суть времени», мне кажется, что это самое интересное, самое энергичное левое движение в этой части Европы.

Вы знаете, мы все помним героев Великой Октябрьской революции. И мы знаем, кто были герои прошлого. Но никто не знает героев будущего. И мне кажется, что эти герои — между вами.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ АКТИВА «СУТИ ВРЕМЕНИ» 7 НОЯБРЯ 2017 ГОДА

Выступление
Роберто Квальи

Роберто Квалья
(Италия) — член движения
«Альтернатива», писатель

Я очень рад быть здесь. Это большое удовольствие и честь находиться здесь в этот особый момент. Мне очень приятно видеть так много молодых людей, вовлеченных в политику очень конструктивным образом. Я писатель-фантаст, но я занимаюсь политикой, потому что политика становится ну уж очень фантастичной.

Всю свою жизнь я пробовал представить и описать дистопии — ужасные миры будущего. А потом я внезапно обнаружил, что у реальности гораздо больше воображения, чем у меня.

Политика в Европе разрушена, она уничтожена. Я даже не знаю, есть ли вообще сейчас политика в Европе. Есть много актеров, играющих в политику. Есть, конечно, какие-то хорошие исключения, но на высшем уровне власти сейчас находятся только марионетки. То есть отсутствует реальное представительство конструктивных людей в высших эшелонах власти в Европе.

Большая часть СМИ, как и большая часть политиков высшего уровня в Европе в настоящее время, — русофобские. Или, вероятно, они играют в русофобов, потому что должны. Но есть очень много людей, которые думают совершенно иначе, они очень любят Россию. И я мечтаю о том, что в Европе появится политическая сила, которая, наконец, сможет представлять всех этих людей. Потому что все те люди, которым нравится Россия, которые хотят дружить с Россией, — лучшая надежда на мирное будущее. И мы не должны оставлять принятие решений тем, кто предаст интересы всех этих людей сейчас в Европе, потому что они могут привести нас к очень большой трагедии.

Всё это — последствие очень точного плана, старого трюка «разделяй и властвуй». Мне не нужно говорить вам, кто затеял эту игру, но Европу отрывают от России с помощью принципа «разделяй и властвуй». Внутри европейского общества существуют и используются различные механизмы, основанные на политике «разделяй и властвуй». Приведу только один пример. В то время как нам нужно решать много важных политических проблем, большинство людей в Италии или в Европе вовлечены в борьбу по поводу разных взглядов на сексуальную ориентацию. То есть правило «разделяй и властвуй» используется в обществе на всех уровнях.

Я надеюсь, что у нас будет прекрасное будущее, несмотря ни на что.

Всего вам наилучшего!

Выступление
Татьяны Жданок

Татьяна Жданок (Латвия) —
депутат Европарламента,
группа «Европейский свободный
альянс», сопредседатель партии
«Русский Союз Латвии»

Дорогие друзья, я поздравляю вас с величайшим праздником, с 100-й годовщиной Великой русской революции.

Я человек оптимистичный. И я вам поэтому просто прочитаю стихи великого латышского поэта, современника революции, работавшего и писавшего в начале XX века, совмещавшего этот литературный труд с политической деятельностью, одного из видных деятелей Латвийской социал-демократической рабочей партии — Яниса Райниса.

Стихотворение написано в 1901 году. И я посвящаю его всем, кто считает, что сегодня праздник. И я еще назову несколько имен ушедших уже от нас людей, моих соратников, соратников по движению «Равноправие». Это всё люди с латышскими фамилиями. Стихотворение называется «Сломанные сосны». И вот эти люди для меня символизируют эти стройные, негибающиеся сосны.

Это Фрицис Бергс, ставший депутатом Сейма в 1932 году от рабоче-крестьянского списка и арестованный там же, в здании Сейма, в 1934-м, когда был совершен фашистский переворот. По отношению к социал-демократам были более мягкие средства, а вот всех депутатов от рабоче-крестьянского списка арестовали. Фрицис Бергс поддержал движение «Равноправие» на начальном этапе его создания. Он ушел от нас в 1994 году.

Это Милда Кандате, которая тоже была арестована в те же 30-е годы (представляла Рабочую партию).

Это Юрий Рубенс.

Это Лайма Плуце.

Это Владимир Груздупс.

Это Гунарс Минценбергс.

Это всё люди левых убеждений, очень много отдавшие в своей жизни за то, чтобы эти убеждения шли в народ.

А стихотворение я чуть-чуть начну читать по-латышски, чтоб вы поняли, как оно звучит. Переводов на русский язык есть даже четыре, один из них принадлежит Роберту Рождественскому, но я вам прочитаю тот, который мне больше нравится, — перевод Александра Ревича. По-латышски это звучит так:

*Vējš augstākās priedes nolauza,
Kas kāpās pie jūrmalas stāvēja.
Pēc tālēm tās skatieniem gribēja sniegt,
Ne slēpties tās spēja, ne muguru liekt.*

*Приморские сосны сломал ураган,
К песчаным припали они берегам, —
Тянулись к просторам, стремились к воде,
Не стали скрываться и гнуться в беде:*

*«Мы сломаны, грозная сила, тобой,
Но рано ликуешь, не кончен бой,
Еще мы вздыхаем о даях в тоске,
Гневные ветви шумят на песке...»*

*И, мачтами став, над раскатом волны
Взмыли поверженных сосен стволы,
Грудь — против бури, нарус крылат,
Бой против бури, мачты гудят:*

*«Грозная сила, швыряй нас на дно, —
В счастливую даль доплывем все равно!
Ломай, сокрушай нас — идем напролом,
К солнцу, к восходу плывем. Доплывем!»*

Выступление
Марии Мамиконян

Мария Мамиконян (Россия) —
председатель общероссийской
общественной организации
защиты семьи «Родительское
Всероссийское Сопротивление»

Товарищи, мы подошли к этому юбилею с очень, я думаю, неплохими результатами нашей шестилетней работы.

Мы не только сохранили верность идеалам, за которые погибали наши отцы и деды. Мы сумели в сегодняшней очень непростой ситуации — ситуации затухания настоящей политической жизни, ситуации, когда общество душат, как подушкой, пошлейшими выдумками по поводу революции, по поводу Великой Отечественной войны, по поводу Советского Союза, вот в этой действительно очень непростой ситуации мы начали заниматься работой идеологической и социальной в то же время.

Мы обращаемся к обществу с некоей проповедью, можно так сказать, когда пишем статьи, занимаемся информационной работой, готовим материалы для конференций, проводим эти конференции. Но мы занимаемся и прямым социальным действием, которое сегодня в огромной степени выражается в том, чтобы защищать те самые библиотеки, клубы, образование — всё то, о чем, как уже упоминали здесь, говорил Антонио Грамши.

Мы это делаем потому, что понимаем, что народ погибает. А погибает он именно от истощения этой культурной жизни в стране, от попарания всех идеальных представлений о том, что такое человек, что такое человеческое общество. Жить без этого нельзя нигде, но в России без этого жить абсолютно невозможно. Нас пока что не так уж и много, хотя сегодняшний зал — это очень приятное и вдохновляющее зрелище: актив, который сумел приехать, — ясно, что приехало бы намного больше людей, если бы они могли бы добраться из своих дальних концов нашей большой страны.

Нас много. Мы работаем, мы будем работать, и нас должно быть еще больше. Потому что, как верно было сказано, «лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой». Чем больше людей в нашей стране это осознает, чем больше людей станет выходить каждый день на бой, — тем меньше останется шансов у тех, кто сейчас правит бал, лишит наш народ, да и, в общем-то, народы во всем мире, жизни и свободы. А сейчас их цель — эта.

Чудовищное расслоение на человеческие касты, такой вот социал-дарвинизм, который уже не стесняется о себе заявлять, мы видим здесь и сейчас — у нас в стране. И мы с этим бьемся на всех фронтах, начиная с культурного, идеологического, информационного и, безусловно, на том, очень суровом фронте, который сейчас представляет из себя борющийся Донбасс. Наши ребята тоже там борются, воюют.

Мы достойно встретили 100-летие великого события, перевернувшего мир на весь XX век. И мы потихоньку поднимаем то самое знамя, которое так бездарно и самым обидным образом выпало из рук тех, кто взялся его нести в позднем Советском Союзе. Но мы его поднимаем, а это значит, что не всё потеряно.

С праздником, товарищи!

Сергей Кургинян:

Торжественное заседание, посвященное 100-летию годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, завершается. Пусть все — и мертвые, и живые — во всех странах знают, что мы готовы праздновать это, и праздновать по-боевому.

Мы исправим ошибки Красного проекта, мы сплотим ряды, мы нарастим силы каждого из участников и нашу численность.

И враг не пройдет.

Наше дело правое, победа будет за нами!
Ура, товарищи!

ЗАСЕДАНИЕ КЛУБА «СОФИЯ» 5 НОЯБРЯ 2017 ГОДА

В современной Европе и современном мире почти ни с кем нельзя поговорить. Это ужасная ситуация

Я хочу услышать разумное слово, наконец!

Сергей Кургинян

Дорогие друзья! На протяжении многих лет мы знакомы с Татьяной Жданок. Уже Татьяна познакомила меня с Джульетто Кьезой и с остальными.

У меня к Татьяне есть совершенно личное отношение, которое не зависит от того, какое место она занимает в политическом истеблишменте. Она может быть президентом Латвии или «простым» членом-корреспондентом Академии наук, мне совершенно это неважно. Потому что в самое мрачное время (а я считаю, что конец 80-х, эпоха распада Советского Союза — это очень мрачное время) Татьяна Жданок, занимая к тому моменту блестящее положение в Латвии, имея все возможности продвигаться во время горбачевской перестройки, будучи, кроме всего прочего, выдающимся математиком (есть даже теорема Жданок), имея все позиции и в истеблишменте, и в науке, принципиально выступила за сохранение СССР, поддержала «ужасные консервативные силы» и абсолютно так же, как и я, превратилась вдруг из «любимого дитя прогресса» в «ужасную реваншистку — сторонницу СССР». Очень редко люди, которые обладают всеми возможностями для того, чтобы вкушать вкусный виноград успеха, вдруг начинают вместо этого есть горькие плоды проклятий.

Я никогда не забуду очень экзистенциально важный для меня момент моего приезда в Латвию к Татьяне Жданок уже после того, как Советский Союз распался. Мы были у нее на квартире. А когда мы уже простившись, выходили из ее дома, один из абсолютно подавленных членов тогдашнего латвийского прорусского актива сказал: «В соседнем доме, в соседнем дворе немцы убивали людей в душегубке, только не надо всё время напоминать об этом Тане». Потом я шел по улице, и на меня напало несколько человек. Но я был в такой ярости от того, что было сказано, что успешно справился с этой ситуацией.

За спиной брюссельского благополучия, которое я не люблю (и не скрываю этого), стоят люди, в том числе такие люди, как Жданок. Они прошли определенный путь, ничего не сдали на этом пути, сумели победить, выстояли, не выпали в осадок и сохранили полностью всё то, чем они обладали в героический момент, который я буду помнить до своего смертного часа.

Когда Таня начала приглашать меня в Европарламент и на различные организованные ею мероприятия, я принимал ее приглашения. Друзья Татьяны — мои друзья.

В современной Европе и современном мире почти ни с кем нельзя поговорить. Это ужасная ситуация. Политиков, спецслужбистов, дипломатов — до и больше, а интеллектуалов мало. И их становится всё меньше и меньше. Очень мало людей, которые с подлинным интересом могут обсуждать национальную стратегию.

Я — рядовой гражданин моей страны. Мое мнение ни к чему не обязывает. Но я убежден, что Россия на современном этапе не заинтересована в том, чтобы управлять курсами тех или иных стран. Мы были в этом заинтересованы и, может быть, когда-нибудь будем. Но пока что,

Сергей Кургинян и Джульетто Кьеза

как я вижу ситуацию (а иногда я вижу довольно точно), мы в этом не заинтересованы ни в Европе, ни в мире, ни, в конечном счете, даже в сопредельных нам государствах. Мы заинтересованы только в одном: чтобы в этих государствах осуществлялась национальная стратегия в национальных интересах — и всё. Потому что ровно с того момента, как это начнется, всё будет в наших интересах. Ну, кроме, может быть, ряда отдельных особо важных государств. Но даже если бы господин Трамп действительно, как он обещал, вдруг начал двигаться в русле американских национальных интересов, мы были бы не против. Возможно, эти интересы находились бы в сложном отношении с нашими, но это тоже было бы поправимо.

Но вся-то беда в том и заключается, что этого нет. Как нет и того, чтобы внутри стран, особенно стран, возникших на постсоветском пространстве, стран Восточной Европы, вдруг возник круг людей, которые начнут обсуждать свою стратегию так, как будто для них это по-настоящему важно и они могут по ее поводу сказать что-нибудь умное.

Одним из величайших советских актеров был грузинский актер Серго Закариадзе. Лучшая роль, которую он сыграл в кино, — это роль в фильме «Отец солдата». У него там есть такие слова: «Одни говорят — не надо воевать, другие... Я хочу услышать разумное слово, наконец!»

Так вот, это разумное, ответственное слово интеллектуалов — оно почему-то потеряло ценность, интеллектуалы перестали верить в свою способность влиять на национальную стратегию. И вообще в ее существование. Но я убежден, что если у данного собрания есть какая-нибудь миссия, то эта миссия состоит именно в том, чтобы вести такой диалог. А какой еще надо вести диалог? Дипломаты ведут свой. Спецслужбисты — свой. Политики — свой. Путаться у них под ногами бессмысленно. Единственный вид диалога, которого нет, — нет диалога элит, интеллектуальных элит в том числе.

А поскольку ситуация странная: в российском истеблишменте после долгих лет мучительного поиска нет ощущения того, что Европа, например, суверенна (тут я могу сказать не только за себя), — то вот

это уже надо называть не только диалогом элит, но еще и диалогом контрэлит. Процессы развиваются быстро, и никто не знает, что произойдет завтра и насколько радикально будет изменен рельеф Европы. В общем-то, мы знаем только одно: он не будет таким, каким он является сегодня. Возможно, к власти придут совсем правые элиты, возможно, — левые. А может быть, будущее, как мы считаем, за левоконсервативным альянсом, парадоксальным, которого пока что нет. Потому что слишком часто левизна сегодня становится синонимом постмодернизма, то есть синонимом бесконечной заботы о правах сексуальных меньшинств или чего-нибудь еще — каких-то там бактерий... Возможно, нам пора обсудить вопрос о том, что консерватизм в некоторых фундаментальных своих качествах и эта левизна в чем-то совпадают. Что классическая левизна не может быть так сильно связана только с вот этой постмодернистской левизной, что есть два типа левизны.

В последние годы я много занимался Карлом Марксом, потому что тут нашлись любители говорить, что Маркс ненавидел русских и т.д. Знаете, у нас тоже есть националисты, и они как националисты зачастую придерживаются тех или иных теорий заговора. На самом деле Маркс русских обожал — в отличие от Энгельса. Энгельс был классическим немцем и в этом смысле к русским относился очень сдержанно. А Маркс — это такой вариант русско-еврейского диалога, где всё сложно, где всё мучительно и всё одновременно очень тянется друг к другу. Он то влюблялся в Бакунина, то называл его свиньей... кипели страсти. Маркс думал о том, что такое община, учил русский язык.

В частности, я занимался тем, как его зять Лафарг изучал Прометея. Я не знаю, верил ли Маркс в Прометея, была ли у Маркса вера. Третий том «Капитала» — это обрывки, собранные Энгельсом, второй том — это черновики «Капитала». Марксом полностью написан только первый том. Может быть, если бы Маркс успел сам завершить свою работу, он бы что-то сказал на эту тему. Но я знаю твердо, что у Маркса есть эсхатология. Маркс считал, что капитал — это конец темного мира, что тьма стукнется до конца в преде-

лах капитализма, а потом ударит молния, и будет свет — коммунизм.

Мы сейчас видим другое. Мы видим, что после капитализма может возникнуть нечто более мрачное, чем капитализм. И что оно на нас надвигается. И в этом смысле классический капитализм, как бы он ни был холоден (блестящие строки в «Манифесте Коммунистической партии» говорят о том, что «в ледяной воде эгоистического расчета» утоплено все), все-таки несет в себе хоть какое-то гуманистическое содержание. А то, что надвигается, является абсолютным антигуманизмом. Поэтому возможно, что консервативные элиты, которые отстаивают гуманистические ценности классического образца (к таким элитам я, например, отношу и президента нашей страны Путина), и левые элиты, которые отстаивают будущее нового гуманизма, могут сойтись на том, что гуманизм все-таки нужен. И хотя какие-нибудь постмодернистские элиты будут всё время говорить «гуманизм, гуманизм, гуманизм», но мы же уже слышим «конец истории», «конец человека», «конец искусства», «конец гуманизма».

Может быть, на самом деле пришло время для диалога тех сил, которые раньше не могли вступить в диалог. Правда, Бисмарк пытался вести диалог с Марксом и очень хотел его вести. Но подобный диалог был парадоксален в то время. Маркс от него отказался и правильно сделал. Но, может быть, сейчас настало время для такого диалога? И для такого консенсуса?

На Поклонной горе, где решалось, будет ли в России майдан, фактически возник диалог консервативных, классических капиталистических элит и левых элит вот этого нового образца, вновь говорящих о новом гуманизме и о советском прошлом. Никаким образом не объединяясь плотно, мы тогда все-таки сумели дать отпор, и украинский сценарий в России не прошел.

Может быть, сейчас стоит вопрос о глобальном процессе такого типа? Может быть, мы просто пока не различаем в нашей действительности стратегической новизны, а она есть и требует от нас тривальности?

Помимо Джульетто Кьезы, Татьяна Жданок познакомила меня с блестящим болгарским интеллектуалом Захари Захариевым. Это замечательный человек, интересный, оригинально мыслящий интеллектуал, не потерявший желания влиять на политический процесс. Я убежден, что все остальные приехавшие на эту встречу члены клуба «София» являются такими же замечательными, яркими, интересными людьми. Людьми, явно влияющими на европейский процесс именно тем способом, который я описал только что. И мне представляется важным, чтобы они выступили перед собравшейся здесь российской молодежью, которая готова отстаивать и левые ценности, и державность.

Сергей Кургинян (Россия) — лидер общественного движения «Суть времени», президент Международного общественного фонда «Экспериментальный творческий центр»

ЗАСЕДАНИЕ КЛУБА «СОФИЯ» 5 НОЯБРЯ 2017 ГОДА

Сейчас очень важно думать о многих действительно глобальных и принципиальных концепциях, заложенных вершителями Великой Октябрьской революции

Настало время для прозрения

Татьяна Жданок

Поскольку мы собираемся здесь в канун 100-летия Русской революции, скажу пару личных слов. Меня назвали Татьяной в честь бабушки, умершей во время войны, после блокады. Она родилась и жила посредине между Москвой и Ленинградом — в городе Валдае. И была портнихой, а очень хотела быть учительницей. У нее в таблице было написано «умница», но она не могла пойти учиться на учительницу: семья не могла себе этого позволить. Ее старший брат пять лет учился в учительской семинарии, а она те же самые пять лет училась шить. И потом, после революции, перешивала много-много раз из своих старых платьев платья для моей мамы и для другой своей дочки. Еще у нее было двое сыновей. И все четверо детей стали учителями — благодаря революции. Бабушка рассказывала моей маме, что хотя в годы своей молодости она была самой красивой и самой красиво одетой молодой женщиной в городе, ей приходилось ждать своей очереди на каком-то празднике, чтобы выйти танцевать, потому что выходили по ранжирам. Эти ранжиры тоже были революцией отменены. Вот такая небольшая личная история.

Если в связи со столетием Русской революции проводить какие-то параллели, то мне кажется, что сейчас очень важно думать о многих действительно глобальных и принципиальных концепциях, заложенных вершителями этой революции. И одна из них лежит на поверхности в связи с тем, о чем говорит наша партия «Европейский свободный альянс». Нас называют еще в Европарламенте регионалистами или сепаратистами, потому что мы представляем партии национальные, партии регионов с разным уровнем автономии — от Шотландии, или Каталонии, или Страны Басков, которые имеют свои территориальные автономии, до русскоязычной (или русской, как мы говорим) общины в Латвии, не имеющей даже культурной автономии, поскольку русский язык не имеет здесь никакого статуса, и до сих пор нет гарантии сохранения языка через образование для последующих поколений. Все вместе мы говорим о Европе другой, не о Европе 28 государств, из которых одно сейчас находится в процессе выхода, а о Европе регионов, Европе народов, Европе людей, и эти идеи восходят к идеям Ленина — к праву наций на самоопределение.

Мы знаем совершенно противоположный подход, изложенный Солженицыным в его книге «Как нам обустроить Россию», где он говорит о губерниях исключительно. И сейчас мне кажется, что в Европейском Союзе вопрос о том, как и каким образом объединять очень разные, очень многообразные народы, населяющие наш континент — Европейский, Евразийский — является принципиальным вопросом.

Национальные государства, с моей точки зрения, ушли и остаются в XIX веке. Россия, очевидно, не является национальным государством. Но некоторые, такие как Испания, например, заявляют, что это национальные государства, и что там не может быть внутри никакого многообразия. То же самое заявляет моя страна — Латвия, беря пример еще и с Франции. Опять же: «Одна страна — один язык». Но забывают, что во Франции все-таки еще и одно гражданство. А вот в Латвии у нас половина русскоязычных еще и лишены гражданства и, соответственно, гражданских прав, начиная с права участвовать в любых выборах.

И Европейский союз, с нашей точки зрения, должен строиться заново, должен строиться снизу. И это как раз то, о чем никто не говорит вообще на уровне Европейского союза. Правильно Сергей говорит — о чем угодно говорят, что угодно обсуждают, только не основные проблемы, не основные вопросы. Как создать это здание?

Необдуманное расширение Европейского союза за счет стран Восточной Европы на самом деле, де-факто оказалось неокOLONиализмом. Наши пространства были использованы как рынки сбыта западных товаров, что, по мнению многих экономистов, оттянуло кризис конца XX века где-то на 10 лет. И он, названный финансовым, а на самом деле — глобальный, по нашему определению, членов клуба «София», случился уже в 2007–2008 годах. А сейчас Европа получает бумерангом последствия тех процессов, что были заложены, поскольку поначалу это были плюсы определенные, в первую очередь для бизнеса — расширение рынков сбыта. Убита была наша собственная промышленность, наше собственное производство. Но раз нет промышленности, производства, значит, нет рабочих мест, и люди переезжают. Появился в Европе такой пылесос определенный из стран Восточной Европы в Западную, и в первую очередь — в Британию, она открыла сразу свой рынок рабочей силы, и там просто уже переполнение произошло определенное. И это было одной из главных причин «брексита». И к нам, с другой стороны, начинают уже подсасываться трудовые ресурсы из соседних стран, в первую очередь с Украины, в Польшу, в страны Балтии. А сюда [в Россию] — из республик Средней Азии... Я только что побывала в Таджикистане с официальным визитом. Как известно, половина национальной денежной массы в обращении этой страны приходит из России. И все эти процессы, очевидно, надо как-то оценить. Что это? Почему это? Как это происходит?

К сожалению, мы поначалу пытались обсуждать это в рамках классических левых партий. Приглашали Die Linke из Германии, приглашали других... Но мы слышали только идеи... чисто такие... какого-то поверхностного уровня: больше социальные пособия или меньше социальные пособия, что-то в налоговой системе так изменить или так изменить. То есть никакого глобального видения, к сожалению, не предлагали ни социал-демократы, ни другие партии левого толка. И нам вместе с Джульетто Къезой довольно трудно было найти единомышленников.

Мы в первый раз действительно уже смогли сформироваться на уровне нашего программного документа осенью 2013 года, за два месяца до начала [украинского] майдана, в октябре. Как известно, в ноябре Янукович отказался подписывать договор об ассоциации с Европейским союзом, в эти же дни появился майдан, и пошло-поехало. Мы тогда приняли декларацию клуба «София», где в принципе всё это было уже предсказано, все эти события. Об этом, я думаю, будет подробнее говорить Джульетто, который является автором наших проектов, общих деклараций клуба «София», их уже четыре. И мы будем о нашем видении, изложенном в этих декларациях, говорить.

Поскольку я выступаю во введении, я не буду очень долго занимать ваше внимание, я попрошу возможности побольше поговорить в конце. Но пару слов все-таки об актуальной проблеме, а именно о всё той же конструкции, которая была опреде-

Татьяна Жданок

лена Лениным как право наций на самоопределение. Мы знаем, что это право после кровавой Второй мировой войны было включено во Всеобщую декларацию прав человека.

К сожалению, современные так называемые либералы, когда трактуют общепринятые концепции, под которыми стоят подписи их государств, предпочитают почему-то использовать двойные стандарты. То есть у Косово есть право провозгласить независимость, при этом даже не проводя референдум, а просто заявляя через парламентское большинство об этом праве, и при этом международный ооновский суд в Гааге говорит, что это имеет полное обоснование, что это не противоречит никаким международным договоренностям. Вот такая односторонняя — именно так и записано в решении суда от 2012 года — односторонняя декларация независимости не противоречит международному праву. И совершенно другая оценка появляется, когда речь идет о Крыме, о Приднестровье, о Южной Осетии, о Нагорном Карабахе, об Абхазии, о Каталонии, в какой-то степени о Шотландии, хотя там референдум все-таки был проведен при согласии Лондона. Вот эти двойные стандарты вдруг возникают.

Я хотела бы провести параллели между событиями в Каталонии и событиями в Крыму не в 2014 году, где я была наблюдателем на референдуме 16 марта, а в 1991-м. Почему-то об этом сейчас никто не вспоминает, а тут полные параллели с процессом распада Советского Союза, потому что там было несколько референдумов.

В январе 1991 года в Крыму был референдум, на котором был поставлен вопрос: «Хотите ли Вы, чтобы Крым был независимой республикой в составе обновленного Советского Союза?» Сравните с вопросом в Каталонии: «Хотите ли Вы, чтобы Каталония была независимой республикой в составе Евросоюза?» Не кажется что-то созвучным?

Референдум был в 1992 году еще в Южной Осетии. События в Приднестровье были, к сожалению, кровавыми тогда, в начале 1990-х. Но мнение народа тоже было различными способами потом, в 1995-м, продемонстрировано, и при этом никто не говорит и не вспоминает о праве людей и их общностей на самоопределение. Опять двойные стандарты. Мне кажется, что сейчас как раз время более подробно и более глубоко начинать проводить параллели, исторические параллели, это всегда очень полезно.

Я пыталась несколько лет назад, во время дебатов по тому же Крыму со своими оппонентами из Европейского парламента, апеллировать к процессу распада Советского Союза, когда обсуждали, например, Украину, и говорить о том, что тогда тоже никто не послушал мнения людей, мнения регионов, мнения общин. Всё время отмахивались те же англичане, другие западные европейцы — они не хотели задумываться, они все на ура приветствовали распад Советского Союза, появление 15 новых государств. Почему именно 15, в каких границах эти 15, — это почему-то никого не волновало, никто не вспоминал о праве на самоопределение.

Вот сейчас, в связи с «брекситом»... В Великобритании чуть более 50% проголосовало за выход Великобритании из Евросоюза, но неравномерно проголосовали: в некоторых регионах большинство проголосовало за то, чтобы остаться. Причем эти регионы — как раз те, которые хотят использовать свое право на самоопределение: это Шотландия, Северная Ирландия и Гибралтар. И вот тут можно полные параллели проводить с распадом Советского Союза — тогда тоже регионы никто не хотел слушать. Каталония — я уже проводила параллели.

Сейчас мы очень внимательно обсуждаем (говоря «мы», я имею в виду европейские структуры и представителей, в частности, Европейского парламента) с руководством Великобритании, что будет с гражданами Европейского Союза, находящимися в Великобритании, — это более трех миллионов, и с гражданами Великобритании, находящимися в странах Европейского Союза, — это миллион двести тысяч как минимум. Все они передвигались согласно принципу Европейского Союза о свободном передвижении рабочей силы.

Но ведь точно так же и мы передвигались и переезжали в рамках Советского Союза из одной республики в другую. Очень часто по распределению, после окончания вуза. И затем вот эти передвижения вдруг, в случае трех прибалтийских государств, были объявлены оккупацией, колонизацией, русификацией и бог еще знает чем. И этот принцип был применен для объявления тех, кто приехал в Латвию, в Эстонию после Великой Отечественной войны, людьми, не имеющими права на признание их гражданами соответствующих республик. Литва не пошла по этому пути только потому, что тогда встал бы вопрос о территории довоенной, которая была гораздо меньше, чем они получили по итогам Великой Отечественной войны.

Завершая свое выступление, я хочу призвать вас всех использовать вот это наше время для того, чтобы обратить внимание ваших собеседников, ваших, может быть, оппонентов, на то, что всё больше и больше появляется параллелей, исторических параллелей с событиями на пространстве бывшей Российской империи 100-летней давности, с событиями 26-летней давности. И, может быть, это как раз время для прозрения, когда люди начинают оценивать, в каком мире они живут, каким они хотят видеть этот мир, и как мы можем весь этот мир перестроить. Только не так, как это было сделано 26 лет назад.

Татьяна Жданок (Латвия) — депутат Европарламента, группа «Европейский свободный альянс», сопредседатель партии «Русский Союз Латвии»

ЗАСЕДАНИЕ КЛУБА «СОФИЯ» 5 НОЯБРЯ 2017 ГОДА

Надо определенно сказать: нет никакой левой силы в Европе на сегодняшний день. Существуют те, кто считает себя левыми, но большинство из них являются представителями постмодернизма. По существу, они глобалисты в полном смысле слова

Мы не знаем, куда идет Европа

Джульетто Кьеза

Хочу поблагодарить Сергея Кургияна, который предоставил нам, клубу «София», такую площадку для дискуссий. Я знаком с позицией Сергея, но, откровенно говоря, сегодня услышал в его выступлении вещи интересные и новые, которые мне очень созвучны.

За пять минут до начала этой встречи ко мне подошел журналист и задал два вопроса — неожиданные, но такие четкие, что они позволят мне начать этот разговор. Первый вопрос был: «Есть ли еще возможности бороться с капитализмом сегодня?» Я ему ответил: «Невозможно бороться с капитализмом, потому что капитализма больше не существует». Мы должны найти другой термин. Капитализм, который мы знали в нашей жизни, давно умер. Перед нами — нечто другое, которому пока никто не дал точного названия. Конечно, это переходный период. Существуют большие следы старого капитализма. Но тот, кто управляет сегодня тремя с половиной миллиардами людей, — это не капиталисты. Это люди другого характера, другого порядка, другого менталитета, их поведением движут другие структурные причины.

Капитализм занимался производством товаров. А сейчас производство товаров еле-еле составляет одну двадцатую того основного «товара», который, по сути, производится. Производятся деньги — искусственные деньги, бесконечные деньги. Мы находимся в мире, где товары являются намного менее важными, чем деньги. Это не капитализм, это — другое. В мире, где мы живем, рынок — это полная фикция. Эти деньги — без содержания. Обман, гигантский обман. И он идет параллельно с обманом, который происходит в идеологии, поскольку мы живем — я использую это слово — в матрице, и вся наша жизнь — ментальная, интеллектуальная — тоже матрица. А иначе не может быть.

Маркс был очень дальновидным. Методика, которую он предоставил, поможет нам разобраться, где мы живем. Чтобы бороться, нам нужна теория современного общества, которой у нас нет. Нужна новая система. Маркс описывал систему, которая существовала триста лет, двести пятьдесят лет. А вот описание нынешнего мира у нас не существует. Правильно говорит Сергей — нет интеллектуальной элиты, способной это сделать. Нет ни в Америке, ни в Европе, ни в России, к сожалению.

Второй вопрос, который мне задал журналист: «Существует ли еще левая идея в Европе?» Ответ — нет. Левые силы исчезли. Здесь надо определенно сказать: нет никакой левой силы в Европе на сегодняшний день. Существуют те, кто считает себя левыми, но большая их часть, как сказал очень точно Сергей, сейчас являются представителями постмодернизма. По существу, они глобалисты в полном смысле слова. Они проповедуют теорию «денег» со всеми ее последствиями. Социал-демократы в массовом порядке, полностью: не на 90, не на 60 процентов, а полностью! — разделяют точку зрения правых. Голосуют все единодушно, кроме, конечно, определенного меньшинства, которое идет против течения, не имея никакой теории и только ностальгируя. Другой левой силы нет.

И правильно сказал Сергей, что после капитализма может наступить что-нибудь хуже капитализма. Структура власти — антигуманистическая. Демократия уже

давно исчезла, она утратила всякий смысл, кроме церемониального. Сегодняшняя религия — деньги. Поэтому лозунг «или социализм, или варварство» в какой-то мере может сейчас вернуться в повестку дня. При этом о том социализме, какой мы знали, речь идти не может. Нужна другая теория. А новый социализм — это будущее другой фазы человечества. Но точно, что этот капитализм ведет нас к варварству.

Я резюмирую так: доминирует технология. Всё, что происходит, продиктовано технологическими процессами. При этом производящие эти процессы люди не понимают их и не управляют ими. Борются в таких условиях — очень сложно. Но, как я считаю, безнадежно. Коротко попытаюсь объяснить свою позицию.

Многие, в интернете особенно, говорят о новом мировом порядке. Существует ли такой новый мировой порядок? Нет, на данный момент не существует никакого нового мирового порядка. Существует очень большой мировой беспорядок Запада и его окружения. Здесь надо попытаться понять, о чем идет речь. Есть примерно триста-четыре тысячи человек, не больше, которые, конечно, управляют. Они существуют, и не я их придумал. Называются «хозяева Вселенной», по определению Пола Кругмана, нобелевского лауреата по экономике, который сказал: «Да, существуют такие люди».

Но они не хозяева «мирового порядка», нет. Они находятся тоже в серьезном, трудном положении. Сказать, что они управляют миром, уже невозможно. Потому что существуют и другие силы, которые они не предвидели, несмотря на то, что у них есть гигантское количество информации, в тысячу миллионов раз больше, чем у нас всех, вместе взятых. Они не предвидели, что именно сформируется внутри этого мира, на планете Земля. Процесс глобализации-то уже пошел. Мы говорим о Земле сейчас — ни больше, ни меньше. Они думали, что они могут управлять всем. Они отформатировали примерно три с половиной миллиарда людей. Все форматированы. Даже мы, сидящие здесь интеллектуалы левого толка, — форматированы. Наши дети уже намного больше форматированы, чем мы. Через поколение форматирование этих миллиардов людей будет закончено. Это будут уже не люди, наши дети не будут людьми, они будут продуктом технологических процессов. Вероятно, через 20–30 лет будет сформирован новый человек, который сможет подключиться в прямом смысле слова из мозга к интернету. Как вы думаете, это совместно с демократией? Справедливость, разум, искусство не имеют ничего общего со всем этим.

Значит, они не контролируют ситуацию. Поэтому можно еще бороться с ними. Можно потому, что существуют гиганты, которые могут им противостоять. Китай, Россию, Индию, Африку они не контролируют. Точнее, они не могут контролировать всё, что там происходит. Россию они, конечно, контролируют сильно. Всё, что я вижу в эти дни, — это мощно. Их форматирование чувствуется каждую минуту. Включаешь телевизор и сразу чувствуешь, насколько они контролируют большую часть русской интеллигенции, которая думает по-американски в прямом смысле слова. Но они не контролируют весь мир. Они думали: мы захватим с нашими информационными, коммуникационными

средствами, где мы преобладаем на 90 процентов, 99 процентов мощностей и будем всё форматировать, как нам нравится. Но они не форматировали Китай — Китай вне этой операции. Они не могут отформатировать Китай, даже если отформатируют часть китайской молодежи. Я три часа сидел в поезде, идущем из Милана до Рима. Около меня сидели шесть молодых китайских ребят. Вся эта компания в течение трех часов не обменялась ни словом. Они вместе смотрели в айфоны три часа подряд. Никакого общения. Ноль. Приехав в Рим, они поднялись все вместе и вышли из поезда, дружно смотря в айфон, который был у одного из них в руках.

Они отформатировали какую-то часть китайцев, но не могут отформатировать Китай. Почему? Потому что есть китайский народ, а выключить целый народ — это мероприятие, которое они не смогли пока осуществить. Один человек вчера вечером задал мне в фейсбуке вопрос: «А как вы думаете (вы в Москве), Путин — это член нового мирового порядка?» Я сказал: «Путин мог бы быть членом нового мирового порядка, если бы он был президентом Люксембурга. Но президент России не может быть членом мирового нового порядка». И Си Цзиньпин не может, потому что он председатель Китая. А там культура народов такая, что они могут сопротивляться. Вот это мое новое убеждение, которого у меня как у марксиста раньше не было.

Я сейчас чувствую, что сила интеллекта и духа имеет гигантские возможности сопротивления. Вот мое нынешнее убеждение. Знаете, когда я в первый раз почувствовал это? Когда был майдан. До этого русский народ был, на мой взгляд, очень запутавшийся. А когда вдруг началась прямая атака против русского народа, русский народ осознал (частью своей, конечно; не ваша интеллигенция, которая ничего не может понимать), что происходит. Люди реагировали. И таким образом можно объяснить даже поведение вашего президента, который не мог по-другому тогда поступить. Не мог. Понимаете, какое значение имеет сила духа народа, который что-то осознал? Думаю, это действует не только для русского народа. Мы пока не умеем такую силу использовать, но надо на это работать.

В Европе то же самое. Мы, европейцы, отформатированы все до последнего. Наша Европа, я имею в виду Европейский Союз, — это американское производство. Полностью. Тем не менее они не могут экспортировать американский образ жизни в Европу, которая им ближе всего. Это невозможно, потому что мы разные люди. Есть ли сопротивление в Европе? Есть. Только раздробленное. Потому что нет места, где можно было бы формировать новую теорию современного мира. Наша попытка, Софийский клуб, — это попытка создать площадку, где разумные люди могут вместе думать о том, где мы находимся.

Скажу о том, что представляется мне важным. Нам нужен сейчас совершенно новый интеллектуальный центр мирового масштаба. Из того, что я говорил до сих пор, следует, что этот центр не может быть ни русским, ни западным, ни китайским. Можно создать центр, где все цивилизации мира будут думать о будущем Земли вместе со своими народами. Но кто может создать такой центр? Только несколько

стран. И среди этих стран я вижу Россию первой. В Африке нет потенциала для этого. В Китае это тоже невозможно, Китай находится в особой ситуации — он начинает руководить миром, не имея никакого опыта для этого. А Россия способна понимать и одних, и других, и третьих. Она может их объединить.

Это предложение очень серьезное. Вы все — интеллигенты, которые находитесь здесь, — будете влиять на это. Мы не знаем, куда идет Европа. А Европа — ключевой элемент. Я не против европейцев, я за Европу. Если Европа развалится, она потеряет все возможности влиять на мировые процессы. У нас есть пять-шесть лет, максимум — десять, потому что процессы ускоряются стремительно. Сопротивление, как я считаю, возможно, но только процессы дегенерации, нынешний международный кризис, сумасшествие, происходящее на наших глазах, — всё это идет такими темпами, что я считаю самым вероятным исходом третью мировую войну.

Но если нам будет отпущено время, надо строить что-то совершенно новое, что сблизит нас и даст нам возможность найти разумных людей, которых миллионы. Проблема в том, что каждый сам по себе, каждый работает независимо от всех других, думая, что он сам может принимать самостоятельное решение, а это невозможно. Вот это оружие фундаментально.

Я слышал в эти дни от одного человека (это не моя мысль), что в числе величайших завоеваний Ленина — создание организационного оружия. Партия была оружием совершенно нового типа, которого не было до этого. Оружие — нам нужно сейчас новое оружие сопротивления, организационное. Надо вернуться к этому. Надо быть организацией интеллектуалов, имеющих достаточно знаний и внутреннюю духовную силу. Вот такое оружие надо создать. И поэтому я считаю, что есть еще надежда. Но надежду можно осуществить, если мы успеем вовремя. Процесс разрушения идет стремительными темпами.

Пол Крейг Робертс говорит: «В Америке есть уже сумасшедшие люди в полном смысле слова. Сумасшедшие люди, управляющие самой мощной страной в мире». Они считают, что могут победить. Они уже проиграли с точки зрения контроля над всем миром. Но полагают, что можно всех насильственно скрутить. А поскольку скрутить не получается, они организуют войну. Крейг пишет, что через 5–6 лет, когда Пентагоном будет управлять определенная группа людей, считающая, что, имея действующую антибаллистическую систему, можно ударить первыми, — они ударят, если их не остановить. Но есть предел иллюзии о том, что можно доминировать через войну.

Джульетто Кьеза (Италия) — руководитель Генуэзского объединения Итальянской коммунистической партии (1970–1979), депутат Европарламента (2004–2009), Президент ассоциации «Альтернатива»

ЗАСЕДАНИЕ КЛУБА «СОФИЯ» 5 НОЯБРЯ 2017 ГОДА

Когда видишь всё то, что сегодня печатается в левых СМИ, складывается впечатление, что на машине времени перенесся в 1960-е годы, потому что тогда обсуждалось ровно то же самое. Очевидно, что с 60-х годов прошлого века испанские левые практически не претерпели никакого развития

Каталония переживает демократическую революцию

Иньяки Иразабалбейтия Фернандес

Поскольку я приехал с Пиренейского полуострова, то не могу не упомянуть о том, что происходит сегодня в Каталонии. Я говорю о каталонском процессе обретения независимости, который, на мой взгляд, является ключевым как для будущего Испании, так и для будущего всей Европы. Это процесс активизации общества, мирный и демократический, аналогов которому за последние годы в Европе не наблюдалось. В этом процессе представители гражданского общества и государственные органы Каталонии работают совместно, в тесном взаимодействии.

Почему я считаю, что данный процесс так важен для будущего Европы? Потому что от того, как европейские институты решат каталонскую проблему, зависит, в какую сторону двинется Европейский Союз, Европа.

Если Европейский Союз решит полностью поддержать действия правительства Испании, то остальной Европе будет дан четкий сигнал: «Вы можете делать всё, что угодно, если это не затрагивает наши рынки». Какой сигнал будет послан гражданам Европы относительно их демократических и гражданских прав? Они поймут, что их права никого не волнуют, если не затронуты экономические интересы.

Если же европейские институты намерены встать на путь мирного и демократического решения конфликта, где главным является голос гражданина, то сигнал тоже будет ясным: Европа защищает права человека и права граждан.

Как уже говорил Сергей Кургинян, традиционные левые силы в Европе испытывают достаточно много проблем. Эти проблемы серьезны. Однако самая главная проблема заключается в отсутствии ощущения, что национальные левые движения могут стать союзниками европейских государств в деле изменения общества. Почему я это утверждаю? Дело в том, что каталонская борьба за независимость четко продемонстрировала, с одной стороны, франкистские корни правительства, правящей «Народной партии» (Partido Popular) и значительной части испанского общества, а с другой стороны — неспособность определенной части традиционных левых Испании понять истинный масштаб каталонского процесса.

Эти левые теоретически защищают право народов на самоопределение, о котором говорил Ленин и о котором здесь упоминала Татьяна Жданок, однако, когда эти процессы проходят не где-нибудь в Западной Сахаре или в Палестине, а в Каталонии, они начинают сомневаться и обнаруживают в себе испанских националистов, которых я глубоко уважаю, поскольку сам являюсь представителем левого Баскского национального движения. Эти левые критикуют и порочат борьбу Каталонии за свой суверенитет.

При обсуждении переходного периода к демократии в Испании нам нередко приходилось слышать от испанских интернационалистов, центром которых был Мадрид, что национальные движения — это буржуазные или контрреволюционные движения. Но как бы то ни было, в действительности мы видим, что очень многие левые силы, которые защищают на словах право на самоопределение, в том числе

Иньяки Иразабалбейтия Фернандес

право на самоопределение различных наций, проживающих на территории Испании, испытывают сомнения и страх, когда дело доходит до практики.

Однако эта проблема свойственна не только испанским левым, это огромная проблема французских левых и большинства левых Европы. Пожалуй, единственным исключением в этом отношении являются левые силы Португалии, которые занимают более открытую позицию и более готовы к диалогу по вопросу самоопределения народов Европы.

Что говорит, например, бывший лидер коалиции «Объединенные левые» (Izquierda Unida) Гаспар Льямазарес? «Притязание Каталонии быть независимой и республиканской одновременно содержит противоречие в самой формулировке», «Нельзя совместить Каталонию и Республику». А действующий лидер коалиции «Объединенных левых» заявляет, что рабочий класс не поддерживает каталонский процесс, и если коммунист борется за независимость, то в этом есть противоречие. И наконец, приведу последний пример. Вот что говорит Мануэль Гарсиа, выдающийся член Рабочего комитета и Объединенной социалистической партии Каталонии (PSUC): «Национализм является естественным противником левого политического движения». Более того, он смешивает в одну кучу и Ле Пен, и Орбана, и «Альтернативу для Германии», и сторонников Brexit, и тех, кто поддерживает независимость Каталонии.

Когда я вижу всё то, что сегодня печатается в левых средствах массовой информации, у меня складывается такое впечатление, что я перенесся на машине времени в 60-е годы, потому что тогда обсуждалось ровно то же самое. Очевидно, что с 60-х годов прошлого века испанские левые силы практически не претерпели никакого развития.

Честно говоря, я не понимаю, в чем заключается противоречие между «Республикой» и «независимой Каталонией». Почему такое же противоречие не возникает между «Республикой» и «независимой Францией»? Если, как говорит Гарсон, народные массы не поддерживают каталонский процесс, откуда взялись два с лишним миллиона людей, которые проголосовали

за отделение Каталонии на референдуме 1 октября, при том, что население Каталонии составляет менее семи миллионов? Потому что совершенно очевидно, что эти два с лишним миллиона не являются представителями крупной буржуазии, ввиду бегства крупного бизнеса с территории Каталонии. Правда, возможно, что это была мелкая буржуазия.

Утверждение, что национализм является естественным противником левых сил, было верным в первой половине прошлого века для определенной части земного шара. Но утверждать это сегодня — значит отрицать эмпирический опыт. Такие движения, как «Шинн Фейн» в Ирландии или Шотландская национальная партия, являются левыми националистическими движениями Европы, действующими в рамках Евросоюза. В своей речи кубинские лидеры часто обращаются к Родине, однако Куба является также и образцом международной солидарности. Противопоставлять национализм и интернационализм — это лицемерие, прием, позволяющий скрыть собственные государственнические взгляды. В соответствии с этим видением, Испания имеет право существовать как независимое государство, а Каталония, Страна Басков или Галисия — нет.

Я полагаю, что левые Испании демонстрируют несоответствие своих слов и поступков, которое каталонский процесс сделал очевидным.

В этой ситуации левые государственники занимают равноудаленную от обеих сторон позицию и ставят на один уровень действия правительства Испании и действия Каталонии, чем делигитимируют последние. Левые государственники призывают к диалогу и забывают, что правительство Испании годами отказывается вести такой диалог, отказывается пойти по пути Шотландии и Квебека и решить проблему цивилизованным и демократическим путем. При этом забывается, каким образом ситуация дошла до нынешнего состояния, и какую ответственность несет за это испанское правительство, а также какова ответственность испанского правительства за арест на этой неделе ряда членов каталонского правительства. Часть испанских левых не видит, что на кону стоит нечто большее, чем право Каталонии на самоопределение. На кону — качество демократии Испании и фундаментальные права граждан.

Приведу размышления Альберто Арреги, члена координационного совета коалиции «Объединенные левые»: «Каталония переживает демократическую революцию на фоне изумления и непонимания со стороны левых Испании. Даже переход от франкизма к демократии не вызывал такого общественного подъема! По степени участия народа, географического распространения, длительности процесса и объединению «улицы» и государственных институтов [Каталонии], его не с чем сравнить в прошлом».

Спасибо.

Иньяки Иразабалбейтия Фернандес (Испания, Страна Басков), депутат Европарламента (2013–2014), член правления политической партии «Аралар»

Татьяна Жданок:

Я думаю, что для российской публики важно услышать эту точку зрения. Поскольку позиция, которую, по моим наблюдениям, излагают российские СМИ, — очень странная. С какой-то такой усмешкой говорится, в частности, о руководителях Каталонии, о политиках и о движении в целом. Но у меня было совершенно другое личное ощущение: мы с Иньяки, будучи 1 сентября этого года наблюдателями на референдуме в Каталонии, наблюдали подъем и убежденность.

При этом общественности не сообщается о том, что уже восемь членов правительства Каталонии находятся за решеткой. Среди них двое бывших членов Европейского парламента, наши прямые партийные соратники. Это Ориоль Юнкерас, глава Лево-республиканской партии Каталонии, бывший член партии зеленых, вице-президент правительства Каталонии, и Рауль Ромева-и-Руэда, министр иностранных дел правительства Каталонии, тоже в прошлом депутат Европарламента от зеленой партии. Оба арестованы, им грозит 30-летнее заключение по обвинению в антигосударственной деятельности.

ЗАСЕДАНИЕ КЛУБА «СОФИЯ» 5 НОЯБРЯ 2017 ГОДА

Национализм — это обоюдоострый меч: он может быть прогрессивным, а может быть реакционным. Нет национализма, который хорош во всех ситуациях. Нельзя сказать, что любой национализм прогрессивен

Мы должны мобилизоваться

Димитриос Константакотулос

Хочу поблагодарить Сергея Кургина и Татьяну Жданок за приглашение. Для меня огромная честь и удовольствие быть в Москве в столетие одного из решающих моментов в истории современного мира. Кроме того, мне интересно принять участие в обсуждении левых альтернатив в Европе. Я не уверен, существуют ли такие альтернативы в Европе, возможны ли они. Я не знаю, есть ли у Европы какое-либо будущее. Но по крайней мере я уверен, что если какие-то левые в Европе имеют перспективу, то эта перспектива во многом связана с Россией.

Почему? Потому что среди европейских левых уже не менее ста лет идет дискуссия по поводу того, что делать с нашим западным империализмом. Эта дискуссия нашла свое отражение и в российской среде. Подобным отражением является дискуссия между меньшевиками и большевиками. Что, по сути, говорили «эволюционисты» Плеханов и Мартов? Что капитализм сам, автоматически, может привести к социализму того или иного вида. И с этой точки зрения, мне кажется, что Ленин и Троцкий... хотя я немножко рисковую, упоминая Троцкого в этой стране. Кажется, вы рассматриваете его чуть ли не как агента дьявола. Но даже если он и был представителем некоего вселенского зла, то все-таки следует подумать о том, зачем дьявол направил его как своего представителя в Россию... Чтобы убедить русских сделать что? Я шучу, конечно, коллеги.

В прошлом году я был на Манежной площади, и там была экспозиция, посвященная истории Российской армии. Я действительно восхищаюсь тем фактом, что в рамках этой выставки получилось потрясающим образом представить историю армии. Но при этом удалось ни разу не упомянуть, кто, собственно, создал Красную Армию, кто ее возглавлял во время Гражданской войны и иностранной интервенции. Такое могло произойти только здесь. Но, послушайте, я, конечно же, шучу. Я использую юмор для того, чтобы представить вам в некоем более легком ключе гораздо более важные и сложные вопросы. И это касается, конечно, не только России, но и всего мира.

Даже сейчас, через сто лет после революции, мы по-прежнему не можем позволить себе глубокие, откровенные и максимально содержательные дебаты по данному вопросу. Какой из этого можно сделать вывод? Мы можем сказать, что вопросы, которые стояли не только перед Россией, но и перед всем человечеством в преддверии Октябрьской революции, до сих пор не решены, эти вопросы по-прежнему нас глубоко разделяют. Именно поэтому мы до сих пор не можем рассматривать революцию спокойно. Дискуссия о смысле советского эксперимента, на мой взгляд, будет продолжаться на протяжении нескольких веков — если, конечно, человечество просуществует несколько веков. И мне кажется, что, действительно, стоит рассматривать произошедшее как некий эксперимент. Это был бы один из самых эффективных способов увидеть и положить результаты, и отрицательные результаты.

Итак, что касается европейских левых сил. Для того чтобы таковыми быть, они должны бороться за независимость Европы. Бороться за независимую Европу,

Димитриос Константакотулос и Иньяки Иразабалбейтия Фернандес

которая не будет оказываться под лидерством НАТО, означает, в частности, поддерживать очень теплые отношения с другими глобальными центрами, такими, как Россия. Чтобы понимать это, не нужно быть коммунистом. Даже Шарль де Голль, который поддерживал независимую демократию Европы, был, как вы помните, сторонником идеи единой объединенной Европы «от Атлантики до Урала».

Но, конечно, не только левым европейским партиям нужна Россия. России тоже нужны европейские левые. И хотя я не уверен, что Россия знает об этом, я уверен, что они ей нужны. Почему?

Вчера я присутствовал на спектакле Сергея Кургина «Стенограмма». Вступил в полемику с тем, что сказано в этом спектакле. Я не знаю, возможно или невозможно построение социализма в отдельно взятой стране. Я, например, в этом сильно сомневаюсь. Но если бы я хотел продолжить те дебаты, которые вели вчера на сцене герои спектакля, я бы, наверное, мог сказать, что да, конечно, наверное, стоит восхищаться Сталиным за то, что он сделал в рамках индустриализации Советского Союза и победы над Гитлером. Но в то же время мы не должны забывать об ужасных событиях в 30-е годы, в результате которых было уничтожено большинство интеллектуальных лидеров России. Это ужасная цена, которую пришлось заплатить. Во-вторых, индустриализация, как вы знаете, имела много изъянов — еще одна «темная сторона». И еще одной платой за индустриализацию стал отказ от европейской революции, которая была весьма вероятна (при иной политике немецкой коммунистической партии — весьма вероятна). Да, Сталин выиграл Вторую мировую войну, но в результате того, что он не смог точно предсказать, что именно будет происходить и как именно будут развиваться события, немцы оказались в нескольких километрах отсюда и, может быть, даже дошли бы до Кремля. Они остановились лишь в нескольких километрах от победы над Советским Союзом. Тем не менее почему я провожу эти параллели?

Сегодня мы живем в той системе, в которой все регионы мира очень сильно взаимосвязаны. И мы не можем отделять то, что происходит в одном регионе, от того, что происходит в другом регионе. Очевидно, что российское руководство на протяжении многих десятилетий, начиная даже с советского коммунистического режима, хотело стабильных отношений с Западом. Оно хотело, но оно их не достигло и никогда не достигнет. Почему? Не потому, что Клинтон хуже Трампа или Трамп хуже Клинтон. А потому, что суть мировой системы такова, как Джульетто Кьеца обрисовал ее в своем выступлении. Сама система провоцирует катастрофы и войны. Если мы посмотрим на то, что происходит в мире, то что мы увидим за последние 10–25 лет? Мы видим постоянное накопление тяжелейших экономических проблем, смертельных экологических проблем, геополитических проблем — каждый месяц, каждый год, каждое десятилетие.

С 2008 года мы живем в условиях глубокого системного кризиса капитализма. С момента создания этой системы это уже третий такой кризис. Первый кризис был в 1870-х и привел к Первой мировой войне. Второй кризис случился в 1929 году и привел к началу Второй мировой войны. Сейчас мы видим признаки того, что Третья мировая война возможна. Вы скажете мне, что наличие ядерного оружия делает ее невозможной. А я отвечу вам, что это не совсем так, потому что, прежде всего, если мы так говорим, то мы проецируем на современную систему такую степень рациональности, которой нет больше нигде. Мне кажется, что в рамках международной системы есть некоторая экстремистская клика, которая хочет эту ядерную войну и нуждается в ней. Потому что, по их мнению, нет никакого другого способа сохранить себя.

Несколько недель назад я читал выступление Лаврова, который говорил о том, что ослабление США — это объективная тенденция. Он мне напомнил некоего Мартова и Плеханова. В истории нет ничего объективного. Империя, которая видит то, что видит господин Лавров, —

что есть некоторая «объективная тенденция» к потере ею гегемонии, — безусловно, будет реагировать на это. Например, Британская империя находилась на спаде со времени окончания Англо-бурской войны в 1902 году. До того момента, когда Британская империя приняла в 1947 году факт своего упадка, случились две мировые войны. Если американцы ничего не предпримут (вернее, империя — это не совсем американцы), если они не предпримут каких-то новых шагов для серьезной эскалации — то что будет в результате? Им придется делиться своими позициями на Ближнем Востоке с Россией. Чего они, разумеется, не хотят — это будет стратегическое поражение, большее, чем во Вьетнаме. И при этом им придется принять, что Китай растет и укрепляет свои позиции и в экономическом, и в технологическом плане. И поэтому они боятся, что Китай достигнет уровня США. Любая империя, которая оказывается в подобной ситуации, как правило, выбирает войну. А поскольку идея эта кажется безумной, им необходимо убедить другие стороны пойти на уступки. Для этого нужен человек, который казался бы достаточно безумным, чтобы угроза начала войны выглядела правдоподобной.

Я не знаю, как будут развиваться события. Но я могу сделать как хороший прогноз, так и плохой прогноз относительно происходящего в Северной Корее. Гораздо важнее послушать, что говорится внутри американского истеблишмента. Господин Коркер, председатель комитета Сената США по международным делам, республиканец, не так давно сказал, что Трамп доведет нас до Третьей мировой войны. Бывший директор ЦРУ господин Бреннан (он организовал все известные события в Киеве) также сказал о том, что есть 25-процентная вероятность конфликта в Северной Корее. Вероятность конфликта с Ираном — вторая после конфликта с Северной Кореей. Я не думаю, что мы можем игнорировать подобные заявления.

Но самое важное — это сам президент Трамп и его выступление на Генассамблее ООН с заявлением, что он намерен уничтожить страну с 25 миллионами жителей. При этом никакой серьезной реакции от остального мира не последовало. Подобную ситуацию можно было представить только во времена Адольфа Гитлера в Германии. Конечно, Трамп — это другой феномен, мы не в 30-е годы живем и т. д. и т. п. Но это подобная угроза или даже хуже.

В 2003 году миллионы людей выходили на демонстрации и выступали против планов американского вторжения в Ирак. Господин Доминик де Вильпен, в то время министр иностранных дел Франции, выступая на Совбезе ООН, осудил подобный план и выразил мнение всего цивилизованного человечества. А сейчас ничего подобного не происходит. Может быть, вы скажете, что вопрос войны еще не решен политиками, но я думаю прямо противоположное. Существование оружия и особенно ядерного оружия модифицирует, но не меняет в корне данное Клаузевицем базовое определение войны как продолжения политики другими средствами.

Приведу два практических примера. И Первая, и Вторая мировые войны начались потому, что никто этого не ожидал. И ситуация в этом напоминает сегодня-

ЗАСЕДАНИЕ КЛУБА «СОФИЯ» 5 НОЯБРЯ 2017 ГОДА

шний день. С 1945 по 1949 год США обладали монополией на ядерное оружие. Основываясь на этом, они могли бы начать Третью мировую войну. И если они этого не сделали, — а мы знаем из исторических исследований, что влиятельные политические силы внутри США и внутри британского истеблишмента во время Второй мировой войны, начиная с 1943 года, готовили эту войну, — если они не начали эту войну, то только потому, что политические условия для этого не подходили. Они не могли начать войну с Советским Союзом сразу после того, как Советский Союз победил фашизм, с учетом той политической ситуации, которая существовала в Европе.

Второй пример — это кубинский кризис. Во время кубинского кризиса ядерное оружие было и у США, и у СССР. Как правило, в такой ситуации нельзя даже думать о начале ядерной войны. Но при этом о ней думали, и думали весьма серьезно. И два человека, чье присутствие остановило кубинский кризис и развитие процесса, который привел бы к войне, — это президент Кеннеди и его брат. На критическом совещании, где решалась судьба мира, только Кеннеди и его брат были против войны. Все остальные были за войну. Но это не было случайностью — президент Кеннеди и его брат представляли свое время, свою эпоху. И это была гораздо более прогрессивная и демократичная эпоха, чем наша.

Вот почему я думаю, что опасность очень близко, и то, что происходит — это фундаментальный отказ от осознания миром не только проблем ядерной войны (что, конечно, ярчайшим образом демонстрирует болезнь нашего общества), но и проблем экологии, социальных проблем, проблем третьего мира и тех проблем, решения которых не видит никто. И именно поэтому, в долгосрочной перспективе, война кажется неизбежной, если только мы не сумеем выработать новое видение. И это проблема левых. Именно поэтому, и здесь я согласен с Джульетто, левые партии как бы не существуют, потому что именно левые партии, по определению, должны возглавлять эту борьбу.

Я не хочу сейчас говорить о феномене Трампа. Скажу лишь одно, вытекающее из сказанного мною ранее: важно понимать, что мы имеем в виду под словом «глобализация». Что такое глобализация? Кто-то скажет, что это мир «айпадов», легких путешествий, мир интернета и так далее, — и это те люди, которые защищают глобализацию и представляют международный средний класс. Но есть вторая категория, которая скажет, что глобализация — это машина, которая уничтожает государства и народы, и так оно и происходит. Но до сих пор это всё описание, просто описание, а не объяснение. Я убежден, что мы должны определить глобализацию как режим доминирования со стороны стратегически связанных элементов мировой финансовой системы. Пока что финансовая элита не может сама править и поэтому вынуждена заключать альянс с сильнейшими государствами, такими, как США. Но после распада Советского Союза финансовая элита становится всё более влиятельной и сильной. Я думаю, что теперь она сильнее, чем сами США, это новый фактор. Это как переход от империи США к империи финансов. Если мы признаем такое определение глобализации, то мы лучше поймем, как с ней бороться. Мы не можем с ней бороться, просто приняв некий общий национализм для всех, включая принцип «Америка в первую очередь». Потому что национализм может быть прогрессивным и реакционным.

В моей стране «Сириза» и союзные ей европейские левые силы получили историческую возможность начать сражение не только за Грецию, но и за фактически новую альтернативу для Европы. К сожалению, они этого не сделали. Они не смог-

ли и не захотели это делать. Борьба греческого народа была предана, и в результате мы остались теми же, с теми же результатами, которые были в 1939 году. Греция сегодня под атакой финансов Европы — это всё равно что Испания между 1936 годом и 1939 годом, это как бы экспериментальный полигон по созданию новой тоталитарной империи.

Мы проанализировали и объяснили это поражение, потому что это было не только поражение «Сиризы», но и поражение «Подemos», Die Linke, поражение наших итальянских друзей, которые несерьезно отнеслись к проблеме, которая перед ними встала. И что мы видим теперь? Brexit, Frexit, Grexit — мы видим выходы разных стран из Европы: все откуда-то уходит, но никто никуда не входит. Хорошо, я поддерживаю тот факт, что у каталонцев есть право на самоопределение. Но знаете, у нас у всех есть право на развод, но мы же не разводимся все подряд. Кто-то должен показать пример альтернативы — какое-то новое видение Европы. Каким оно может быть? Такие политические проекты, как «Германия в первую очередь», «Франция в первую очередь», «Америка в первую очередь»... все хотят быть в первую очередь, хотят быть «first», но куда нас поведет такой путь?

Джульетто, Вы выдвинули очень интересную идею о создании такого глобального аналитического центра, который не должен ассоциироваться только с одной страной — с одной державой. Потому что, если он будет ассоциироваться с одной страной, даже очень дружественной к проекту, всегда будет риск, что не получится осуществить задуманное. Это очень важно. Поэтому нам необходим международный аналитический центр, международное движение, которое представит новое видение. Я не знаю, назовут это социализмом или как-то еще. Мы действительно движемся к катастрофе и в Европе, и во всем мире.

И еще одно хочу сказать о Европе: в рамках Евросоюза мы объективно живем в одном государстве, но субъективно, психологически, интеллектуально, эмоционально — в 28 разных государствах. Мы организуем нашу политическую жизнь вокруг национальной идеи, которая нерелевантна — это мой второй вопрос к Каталонии. Потому что я понимаю: каталонцы хотят сами решать (или хотя бы часть каталонцев хотят сами решать), что происходит. Но 60, 70, 80, 90% решений, влияющих на все европейские страны, всё равно

принимаются брюссельской бюрократией, которая находится в руках международных финансов и НАТО. О чем мы вообще говорим?

Я когда-то знал г-на Ципраса, я ему предложил — не надо идти в Европейский Совет как Греция со своими министрами и советниками, возьмите Меланшона, возьмите Лафонтена, возьмите Лучано. Где Лучано? Возьмите Джульетто тогда — кого-то возьмите! Не одной страной идите, а чтобы была объединенная левая сила, которая вроде как предложила Ципраса на европейских выборах 2013 года. Не идите отдельной страной, потому что вы в одиночку против других 27 стран не выиграете — они представляют международные банки, а не свои страны.

Если говорить о европейских левых, то я считаю, что им, чтобы преуспеть, нужны три вещи. У них, конечно, должна быть национальная идентичность, потому что любая политика остается местной, локальной, национальной — это правда. При этом у них должна быть четкая европейская координация, некая общеевропейская партия. И еще должны быть международные принципы, в том числе борьба за многополярный мир.

И последнее, что я хотел бы сказать. Международный финансовый капитал может доминировать над миром по модели, которую предлагал Фукуяма: путем размывания национальных идентичностей, народов, любого рода идентичности — на национальной, социальной, идеологической, религиозной и даже половой основе. Но это не единственный тип доминирования.

Другой тип доминирования — через национализм, по модели Хантингтона. То есть национализм — это обоюдоострый меч: он может быть прогрессивным, а может быть реакционным. Нет национализма, который хорош во всех ситуациях. Нельзя сказать, что любой национализм прогрессивен.

Например, в Советском Союзе в 1990 году был режим, нуждающийся в изменениях. Его можно было изменять по-разному, и был выбран худший вариант. Не думаю, что Молдова и Таджикистан обладают реальной национальной независимостью, которой можно было бы гордиться. Даже прибалтийские государства: миллионы граждан прибалтийских государств уезжают — эмигрируют. Что это за прогресс? Этот распад, развал — я даже могу назвать это самоубийством

Советского Союза в определенном смысле — не только следствие его внутренних противоречий и проблем, которые у него были. Это также следствие сознательного выбора, сделанного номенклатурой, которая решила интегрироваться с Западом на условиях Запада, и мы видим, что это привело к отступлению в историческом смысле. Это стало не только геополитической катастрофой, как назвал это событие президент Путин, но также и культурной, социальной и экономической катастрофой. Как происходило в период между войнами, помните, тогда был второй большой кризис капитализма — сейчас третий. А второй кризис развился после 1929 года, на него были разные варианты ответа. Россия ответила насильственной коллективизацией, Германия ответила нацизмом, Франция ответила народным фронтом, а США ответила новой политикой Рузвельта. То есть это, отчасти, зависело от геополитического положения стран: более сильные страны, такие, как США, склонялись к реформе капиталистической модели, другие применяли более жесткие или драматичные решения.

Такие кризисы всегда имеют два разных исхода. Один из них — прогрессивный. Если мыслить глобально, то Русская революция была прогрессивна. При этом процесс может пойти и по очень негативному, очень реакционному сценарию, как было в Германии с нацизмом. То же самое может произойти и сегодня. Просто отрицания негативного более недостаточно: нам то не нравится, другое — нужно предлагать решения, потому что когда решения не предлагаются, в результате мы получаем войну.

Я надеюсь, что ваше движение, товарищ Кургинян, если Вы мне позволите называть вас товарищем, клуб «София» и наша инициатива «Дельфи» получат идеальный веб-сайт, я вас всех приглашаю его посетить: defenddemocracy.press — если вы не будете его читать, вам будет трудно понять, что происходит в мире, я должен предупредить вас.

Видю, что вы начинаете понимать — это хорошо. Послушайте, нам необходимо оставаться практичными. Я давал рекомендации на предыдущих встречах клуба «София» и не стану повторять их здесь. Если господин Кургинян, если товарищ Кургинян (или господин товарищ Кургинян — это будет синтез всего вышеперечисленного) может поддержать, я думаю, эта идея международного института реального производства альтернатив — самая важная идея, которую мы можем продвигать.

Я думаю, мы можем клубом «София» начать сейчас, завтра или на следующей неделе. Нам необходимо начать международную кампанию по вопросу готовящейся войны, говорить об опасности ядерной войны в Корею и Иран. Нам необходимо обратиться к каждому, к кому возможно, особенно интеллектуалам, особенно к людям, у которых есть возможность воздействовать на общественное мнение — международное общественное мнение. Мы должны начать привлекать внимание к этому. Это первый шаг. В конце концов, как мы будем производить эти желанные левые альтернативы, если мы не сможем мобилизоваться для решения какой-либо важной для всех проблемы?

Надеюсь, что эта встреча в Москве послужит лучшей координации между русскими силами и европейскими по-настоящему левыми силами. Спасибо большое.

*Димитриос Константакопулос
(Греция) — редактор портала
Defend Democracy Press*

Заседание клуба «София» 5 ноября 2017 года

ЗАСЕДАНИЕ КЛУБА «СОФИЯ» 5 НОЯБРЯ 2017 ГОДА

Либо в мире метафизика исчезла — тогда конец, либо она есть

В Советском проекте не хватило духа

Сергей Кургинян

У меня странная родословная, очень определяющая, что такое Красный проект. Мой отец из очень бедной кавказской деревни. Он стал профессором, доктором наук, заведующим кафедрой. А по материнской линии моя прабабушка — это княжна Мещерская. Это такой род, который считал, что Романовы — это не та ветвь, которая должна управлять империей. Значительная часть вот этой аристократии перешла к красным. Вы говорите о Троцком, а мой дальний родственник Бонч-Бруевич, который занимался разведкой, в том числе в Российской императорской армии, рассылал шифротелеграммы, чтобы все переходило к красным. И когда его спрашивали, что там, — он говорил: «Великие князья и всё дворянство предали Россию, они хотят только отстоять свои поместья и разделить страну на части». Дальше делал паузу и продолжал: «А этому Троцкому зачем-то нужна огромная армия, и он ее делает». Дальше он снова делал паузу и потом говорил: «А когда будет армия, не будет Троцкого. Поможет Троцкому. Когда будет армия, не будет Троцкого».

Шли невероятно сложные процессы. В результате этих процессов мой дед, который воевал офицером на фронте в Империалистическую войну, а потом перешел к красным и, в частности, стрелял по Кремлю, был репрессирован Сталиным. Что естественным способом сильно повлияло на жизнь моей матери и бабушки.

В конце 80-х годов, когда уже и бабушка, и мать умерли, я сказал, что моя семья снимает претензии к Сталину. Мне это далось нелегко, но это было абсолютно необходимо, потому что мы увидели, что антисталинизм является орудием разрушения страны, просто инструментом разрушения.

Никто не собирается воспевать всё, что было, все фигуры трагичны. И в спектакле, который вы видели, Троцкого блестяще играет блестящий актер. Никто не говорит там, что Троцкий является шутком гороховым. Разговоры о темных силах просто недостойны, потому что теория мирового еврейского заговора идет рука об руку с теорией о комплексе русской неполноценности. Теория еврейского заговора унижает русский народ. И она ничему не соответствует. Троцкий — русская фигура. Человек, который обожал Есенина и дружил с ним, за что Есенин и пострадал, как я считаю.

История наша безумно сложна. Мы действительно заплатили высочайшую цену. Но я хочу сказать два слова о нашем понимании процессов. Всё это, весь этот ужас — а все понимали, что это будет ужас, то, что начнется с коллективизацией, индустриализацией — был ответом на два процесса: на абсолютное фиаско европейских революций и на начало мирового кризиса, который не мог не привести к фашизму. Так это видели все деятели большевиков. Все. Троцкий, все! Никакой разницы по методам работы между Сталиным и Троцким не было. Троцкий был чуть-чуть более жестокий, чем Сталин.

С того момента, когда мы поняли, что европейские революции провалились, произошёл комплекс разочарований.

Люди были разочарованы тем, что придется действовать самим.

Тем, что самим нам надо выходить с 6–7-го места на хотя бы 2-е место в мире, а это невозможно делать без страшной муки.

Тем, что теория Маркса не осуществилась в том виде, в каком все ждали.

Сергей Кургинян

Тем, что нас, по существу, предал европейский пролетариат.

Это ощущение было безумно сильным.

Всё дальнейшее — это поиск самого мягкого политика из тех, кто может это сделать, вот этот ужас. Самым мягким был Сталин. Его выбрали.

Называть это всё не трагедией, а «триумфом, лишенным ужаса», могут только люди, которые не хотят видеть историю. Называть это «чистым ужасом» и оставить за скобками триумф могут только люди, которые хотят комплекса исторической неполноценности страны и продолжения этих десталинизаций под американским руководством.

Летом 1993 года (в то время я являлся советником Хасбулатова, а он считался вторым лицом в государстве) мы с супругой побывали в Китае, я — в качестве гостя Политбюро ЦК китайской компартии. Так получилось, что в итоге я встретился там с очень-очень пожилым человеком, который смотрел на меня, как на букашку моллуду, из вечности уже, в которой он находился. Я что-то начал говорить и вдруг упомянул имя Сталина. А у него глаза были белые от старости, он устал, был жаркий день.

Он сказал: «Да, Сталин всё сделал хорошо, кроме одного — он не обеспечил преемственность власти. А вот у нас всё будет иначе. У нас великий Дэн Сяопин стал преемником великого Мао Цзэдуна, великий Цзян Цзэминь стал преемником

великого Дэн Сяопина. Я не знаю, кто будет следующим, но знаю, что он будет великим и будет преемником».

В этот момент его глаза вдруг из белесых стали ярко-голубыми (каждый, кто занимается актерским мастерством, знает, что когда актер находится в глубоком состоянии, у него при любом цвете глаз глаза кажутся голубыми). И он добавил: «Ибо таково веление Поднебесной!» Он не сказал ни о Китае, ни о Компартии.

Я говорю: «Смотрите, если один становится преемником другого, другой — третьего, третий — четвертого, значит, есть кто-то, кто их ставит».

Он отвечает: «У вас очень хорошо развито рациональное мышление».

Я говорю: «Имя! У нас вот-вот будут события в России. Имя! Я приехал для диалога».

Он мне говорит: «Скажите, а у вас в вашем Верховном Совете есть такие люди (и дальше перечислил всех): Астафьев, Аксютин, Константинов (кто их сейчас помнит?), Бабурин... Вот когда они победят, как вы думаете как умный человек, через какое время они вцепятся друг другу в горло? Через неделю или через две? Или есть кто-то, кто их сдержит? Кто-то, кто помешает им вцепиться друг в друга? Так это кто?»

Я говорю: «Вы спрашиваете меня об имени?»

Он: «Да».

Я: «Но я же спросил первым».

Я примерно понимал, что в Китае это что-нибудь типа «Красного дракона», который это всё держит.

Вопрос о том, что Сталин не обеспечил преемственность власти, — глубокий. В советском проекте не хватило духа для того, чтобы он не остыл. Он великий, с великими свершениями и быстрым остыванием.

Для того чтобы было иначе, в этом проекте нужно больше духа. И я хотел бы в какой-нибудь интеллектуальной среде поговорить, например, о Вальтере Беньямине и других людях левых идей, которые есть ветви будущего на дереве, где крона стала увядать, а ветви живут. Это и есть обновление левого.

Если Энгельс что-то понимал в Марксе, когда собирал третий том «Капитала» (он был проще, чем Маркс, но он был очень умным человеком), то сестра Ницше, которая собирала «Волю к власти», не понимала ничего. Что-то понимал Хайдеггер. И он сказал: «Когда метафизика умирает, то последней остающейся метафизикой будет воля к власти».

В Америке и в становлении глобального государства мы видим волю к власти, лишённую метафизики. Борьба с этим, не противопоставив этому метафизику, невозможно.

Либо в мире метафизика исчезла — тогда конец, либо она есть.

Маркс был главным оппонентом Гегеля. Потому что Гегель говорил о конце истории, не Фукуяма. Есть ли этот Дух истории? Есть ли вера в готовность поднять метафизическое знамя?

В этом смысле Сталин для меня ответственен не за то, что он уничтожил моего деда. Он для меня ответственен за то, что выдвинул Хрущёва. Он создал власть, при которой его команда стала справлять на него нужду на следующий день после его смерти. А это значит, что была ошибка. Всё начало быстро остывать, и не было преемственности.

Когда движение «Суть времени» говорит об СССР 2.0 и коммунизме 2.0, это значит — мы хотим исправить фундаментальные ошибки Красного проекта и вернуть его на историческую мировую сцену. И мы готовы обсуждать тут со всеми, кто хочет чего-нибудь сходного, именно это. Мы готовы принять также любую другую повестку дня, если она будет исходить от наших друзей.

Простите меня за это дополнение. Мне кажется, что оно носит не бессмысленный характер. Спасибо.

Мария Мамиконян и Юрий Бялый

ЗАСЕДАНИЕ КЛУБА «СОФИЯ» 5 НОЯБРЯ 2017 ГОДА

Идут какие-то совершенно дикие процессы. Их следствием станет то, что мужчины будут бояться жениться, создавать семьи и рожать детей. А женщины тоже начинают бояться мужчин

Идет наступление на человека как такового

Мария Мамиконян

Несколько лет назад на заседании клуба «София» я говорила именно как руководитель нашей общественной организации «Родительское Всероссийское Сопротивление» о тех процессах, которые, уже полностью захватив Европу, оказались привнесенными в Россию, и с которыми мы начали тогда бороться. Речь о ювенальной юстиции. Мне показалось, что коллеги в «Софии» не до конца понимали в тот момент остроту этой проблемы. Хотя соглашались с тем, что я говорила, и кивали головами, что да, вот этот вот нажим на семью со стороны даже не государственных, а надгосударственных структур — ООН, Европейского Совета и так далее — это неправильно, это опасно, это такое вот неоянтарство, как мы тогда говорили. То есть речь идет о перестройке тех традиционных систем, в которых формируется ребенок, вырастает во взрослого человека, в личность. То есть всего, что связано с семьей.

Когда семья находится в страхе, что ее могут привлечь к любой ответственности (а главная ответственность — это «отдайте нам ваших деток, если вы не готовы соблюдать продиктованные вам нормативы на воспитание»), то она уже не может нормально воспитывать детей. Страх побеждает естественный процесс взаимодействия взрослых с ребенком, родителей с ребенком. Но главное — эти новые нормативы специальным образом (и это сразу было очень видно) нацелены на формирование инфантильной личности. Личности, которая не умеет трудиться, на которую нельзя повысить голос родителям в воспитательных целях, которая не должна им помогать, для которой нет авторитета ни родителей, ни учителя. Такая инфантильная личность неспособна выстраивать отношения в обществе, выполнять какие-то предуготовленные человеку функции, иметь цели. Инфантил остается ребенком и в 40, и в 50 лет.

Поначало это носило еще и очень ярко выраженный социальный характер, поскольку ювенальная юстиция обрушивается прежде всего на семьи, которые не могут сопротивляться, к которым легче придраться и которые не имеют возможности себя защитить. То есть идет уже разделение общества на социальные кластеры. Получается какое-то двухэтажное общество, как минимум. И низы общества — большинство — потихоньку, постепенно лишаются, казалось бы, неотъемлемого человеческого права на создание семьи, воспитание ребенка и так далее.

Вот это было понятно уже 5 лет назад, когда мы этим начали заниматься. Но мировые процессы идут стремительно. И сегодня имеем дело с новым лозунгом, вывешенным на европейских знаменах, — это гендерная идеология. Конечно, данный лозунг идет рука об руку с ювенальной юстицией тоже, но это крупный шаг вперед. И хотелось бы, чтобы все это понимали. Поскольку это не сулит нам ничего, кроме серьезнейшего перестроения уже человека напрямую — не отношений в обществе, не положения семьи в обществе, а вообще понимания, что такое человек. На человека идет невероятная атака. И на данный момент она идет под призывом к гендерному равенству.

Наша сегодняшняя конференция называется «Левые альтернативы для Евро-

пы». При той двусмысленности, которую сейчас носит понятие «левые», это, скорее, дань традиции. Мы отмечаем 100-летие Октябрьской революции, то есть тех социальных изменений, которые привели к уравниванию в правах большинства в Советском Союзе, в социалистических странах. Где-то в середине XX века всё это как бы уже произошло. И мы с тех пор так и понимаем левое — как борьбу большинства за свои права. Именно это было написано на знаменах левых. Но что мы видим сейчас? Мы видим некую парадоксальную ситуацию, когда левые в Европе оказались захвачены идеями самыми крайними, скажем, радикально-феминистскими, радикально-ЛГБТшными. И вот в русле всего этого предложено развиваться новому человеку и обновляться обществу. Поэтому говорить о левых перспективах вообще всерьез не приходится. В чем они? В том, чтобы закабалить общество и человека в интересах глобального государства под лозунгом о некоем невиданном гендерном равенстве? Равенстве, якобы нарушаемом самим существованием полов. То есть речь идет уже не о социальных аспектах существования человека, а о человеке как таковом.

Если говорить о социальном равенстве, то, во всяком случае в Советском Союзе, оно было, безусловно, достигнуто. В частности, права женщин были провозглашены одними из самых первых после революции. И далее, если ограничивались, то с точки зрения интересов самих же женщин. Потому что женщина со своими физиологическими свойствами вряд ли стремилась иметь те нагрузки (физические, прежде всего), которые в ряде случаев несет мужчина. При этом мужчины и женщины были равными в праве получить образование, социальное обеспечение, профессию и так далее. Конечно, женщина была в большей степени ориентирована еще и на семью. Но советской власти как раз удалось пройти по тому лезвию, где женщины получили социальные права, но при этом не свалились в феминизм. В оголтелый феминизм, который всё время кричит о том, что женщины должны получить еще какие-то права, кроме социальных.

Сегодня такой крик сопровождается еще и дикой, совершенно не соответствующей реальности, статистикой о якобы царящем везде насилии над женщинами. Мы очень хорошо знаем, что у нас это не так. И я подозреваю, что и в других странах это не так. Но идет вот такая нарастающая истерия, крик о правах женщин. А дальше возникает тезис о равенстве полов. Якобы пол — это понятие глубоко неправильное, якобы это некая социальная конструкция, придуманная когда-то с целью сохранить определенные традиционные отношения в обществе, в семье и так далее. А гендер, в отличие от пола, понятие социальное. И нужно, наконец, принять это как истину и уйти от ситуации с двумя полами к ситуации с множеством гендеров.

Казалось бы, это всё почти смешно, да? Тем более, что очевидно, что вот эта вот гендерная идеология — она-то как раз и держится на конструкте. Потому что если пол обусловлен физиологическими особенностями, психологическими особенностями и всем остальным, то гендер — это чистая химера. Но эту химеру продавливают и уже продавили в Европе по полной программе. Это уже узаконено, против

этого сопротивляться нельзя. Те, кто сопротивляются, — конечно, мракобесы.

Конечно, это наступление на человека как такового. Это и наступление на семью, потому что под крики о насилии над женщинами возникает — и это уже видно на пилотном регионе, каковым является Испания? — безусловное попрание прав мужчин. Причем из корыстных побуждений, это показано на испанских материалах. Многие женщины там предъявляют мужчинам не соответствующие правде обвинения с тем, чтобы забрать детей, посадить мужа в тюрьму, заполучить квартиру, деньги и так далее.

Идут какие-то совершенно дикие процессы. Их следствием станет то, что мужчины будут бояться жениться, создавать семьи и рожать детей. А кроме того, поскольку тема насилия, которое женщины терпят от мужчин, широко обсуждается и навязывается как якобы очень существенная, женщины тоже начинают бояться мужчин.

В результате мы получим ускоренное упразднение института семьи и сокращение населения. И, конечно, это одна из основных целей. Это неомальтузианская идея, которая нашла вот такое замечательное воплощение. Таким образом уничтожаются семьи и сокращается рождаемость.

Кроме того, это как бы запрет на естественные свойства людей, которые дают им возможность не только жить, но и сопротивляться, бороться. Ну что такое мужчина, лишенный мужественности? А ведь речь идет именно о том, что с детского возраста недопустимо прививать понятие о мужественности. Потому что нужен мальчик, который никогда не вырастет в мужчину, не станет защитником, не сможет сопротивляться.

Женщины имеют свои способы быть сильными. Женщины очень сильные, но у них это иначе организуется, чем у мужчин. Однако женщинам насильственно предлагают стать непохожими на женщин.

Эта атака на женщин и мужчин в равной степени приводит просто к уничтожению человека. То, что мы сейчас видим, бьет уже в сердцевину — в человека, а не в социальные отношения.

Джульетто Кьеза сказал, что негативные процессы в мире идут так быстро, что мы можем не успеть. Я хочу добавить, что процессы, непосредственно направленные на обрушение человека, его идентичности, его способности к борьбе, тоже идут с невероятной скоростью и мощью. А для того, чтобы сопротивляться, мы все-таки должны остаться людьми.

И единственное, что внушает какую-то надежду, — это то, что большую часть народа, я думаю, не так-то легко купить на все эти выдумки. И когда до каждого начнет доходить, какая идет атака, то все-таки возникнет сопротивление.

Наше «Родительское Всероссийское Сопротивление» и было задумано как то, что дает возможность поднять людей на действие в связи с теми проблемами, которые касаются самого дорогого — детей. Ситуация, которая сейчас организуется, еще более острая. Это, конечно, новый фашизм, в чем-то намного более мощный, чем прежний, потому что он действительно кардинальным образом перестраивает человека.

У нас очень мало времени, поэтому я многие темы наметила пунктиром. Темы безумно важные, на нашем сайте об этом немало существует материалов — и наших российских экспертов, и наших экспертов из Испании, где организован полигон гендерной идеологии. И вот эти вот новые аспекты фашизма (в Германии тоже, да, но главное сейчас — Испания, как ни странно), эти новые формы фашизма надо немедленно осознать. Потому что дальше будет поздно, мы не успеем, и не будет никаких — ни левых, ни правых, ни смешанных — альтернатив для Европы. Спасибо.

*Мария Мамиконян (Россия),
председатель Общероссийской
общественной организации
защиты семьи «Родительское
Всероссийское Сопротивление»*

Сергей Кургинян:

Я хотел здесь коротко прокомментировать это с практической точки зрения.

Пункт 1. Эти процессы пойдут, и они будут иметь большое сопротивление в Греции, Италии, Испании, Болгарии, где угодно. В Армении теперь с помощью нашего движения таксисты ругаются в такси не страшными словами, а говорят: «Ну ты, гендер!» А это всё мы! Уже ни один депутат из деревень не говорит, что он за гендер, потому что он боится.

Здесь наши пути вдруг сошлись с путями Церкви. Часть Русской Православной Церкви уже поет советские песни в церквях. Низовая особенно, но не только низовая. Мы поддержаны и руководством ряда епархий.

Я хочу обратить ваше внимание на то, что этот процесс очень напоминает процессы в Латинской Америке, где левая церковь шла рука об руку с социалистическим движением. И не пора ли нам подумать о том, не это ли нам нужно? Тем более что, повторяю, это движение будет иметь массовое сопротивление, зачем его отдавать профашистским силам? Только лево-консервативный альянс может это сделать. И с таким же успехом может быть диалог со всеми церквями. Это первое.

Второе — я хотел сказать, куда идет гендер. Одна женщина заявила, что она заключит брак сама с собой. А потом она заявила, что она разведется... Это всё могло бы быть смешным, но очень умный, хотя и нелюбимый мною Бодрийяр сказал, что это всё называется «шизокапитализм». Но я бы сейчас уже сказал — «шизоолигархия». И если говорить о том, чему мы сопротивляемся, то мы сопротивляемся посткапиталистическому олигархическому глобальному наступлению.

У этого наступления могут быть самые странные эквиваленты. Все эти гигантские митинги в Мадриде рядом с памятником Кибелы — это всё не случайно. Будоражатся очень древние вещи — матриархальные, безусловно, антихристианские. Это всё еще только началось, эта глубинная мусть будет подыматься.

ЗАСЕДАНИЕ КЛУБА «СОФИЯ» 5 НОЯБРЯ 2017 ГОДА

Именно левые силы (реальные левые, беспокойные духом левые, левые интеллектуалы) должны поставить вопрос о новом общественном договоре

Мы должны смотреть в будущее

Захарь Михайлов Захарьев

Недavno я давал интервью для одного журнала Российской Академии наук, и мне задали вопрос: «Какие были самые большие ошибки советского строя, которые автоматическим образом оказались воспроизведены и в других социалистических странах, потому что модель была та же самая?»

Я сделал акцент не на экономике, не на роли и месте рынка, не на противоречиях между базисом и политической надстройкой. Я поставил вопрос насчет политики коммунистических партий по отношению к интеллигенции.

История показывает, что реальный двигатель, то есть реальный центр, который определяет перспективы развития общества и государства, — это именно интеллектуалы. Но, как правило, получается так: в каждом переходном периоде в истории государства «старые» политические элиты всегда находятся далеко от интеллектуальной элиты этого государства. Интеллектуальная элита мстит за это. Она становится во главе протестующих масс, давая им интеллектуальную перспективу, видение, куда надо идти, — без этих ориентиров никакая революция, никакой социальный переворот невозможны. А после этого она направляет развитие общества, его восходящее движение.

Что получилось в первые годы существования советской страны? Интеллектуальные элиты пошли именно по линии поддержки революции. Они видели в этой революции возможность перевернуть мир, причем не только мир экономики и политики, но и мир духовности.

Не случайно к Ленину шли такие люди, как Герберт Уэллс. Не случайно Бернард Шоу написал сильные слова в поддержку того, что происходит в Советской России. Не случайно вся интеллектуальная элита Европы начала восхищаться Советским Союзом — в том числе, как некоторые сейчас выражаются, «кровопийцей» Сталиным. И, конечно, неслучайно и элита большевистской партии в общем была элитой интеллектуальной.

Что получилось потом?

Потом пошел процесс, скажем так, повышения грамотности всей Советской России, борьба против неграмотности, был выдвинут лозунг насчет народной интеллигенции. И началась политика укрепления интеллигенции как особого слоя советского общества. Правда, что революция и в этом плане тоже состоялась. Слой интеллигенции становился шире и шире, она шла глубже и глубже. Но, к сожалению, начала теряться связь между интеллектуалами и этой интеллигенцией. А также связь между интеллектуалами и партийными верхами.

А какая разница между интеллигенцией и интеллектуалами? Разница в том, что интеллигенция — это социальная категория. А интеллектуализм, интеллектуал — это состояние духа.

Советские элиты, особенно после Второй мировой войны, начали отходить от интеллектуалов за счет интеллигенции. То есть начал повторяться тот процесс, о котором я уже упомянул: закат империи перед переходом в новое состояние. Яркие интеллектуалы либо замолчали, сохраняя при этом те блага, которые они получали от советского государства. Либо они в более или менее резкой форме стали диссидентами, выступая не против идеологии социализма или коммунизма, а против реалий, в которых они жили. Понимая, что это тупиковый процесс, что из этого состояния

не будет другого выхода, нежели именно революционные перемены.

К сожалению, маразм, который, в общем, уже установился в самых верхах советского государства, не позволял политическим лидерам понять, что реально происходит в обществе.

Сегодня очень модно произносить громкие и сильные слова против перестройки, против Горбачёва, что он погубил Советский Союз, что он агент империализма и так далее, и так далее. Я не буду говорить, умен ли Михаил Сергеевич или он глуп. Важно другое: он привлек — это делает ему честь — очень яркие личности к себе в качестве советников. Другой вопрос, насколько он их слышал. И еще один вопрос — насколько обстоятельства позволяли ему слушать этих советников и делать то, что они ему говорили. Но оставим эту проблему истории.

Почему я начал с этого? Здесь говорилось насчет того, что мы живем в посткапиталистическом мире. Другие — те, кто справа от центра, — говорят, что мы живем в посткоммунистическом мире. А самое точное определение, что мы живем в постдемократическом мире. Потому что после потери реального оппонента — антипода не только в геополитическом, военно-политическом плане, но и в социальном, экономическом и духовном, в том числе, плане — пошли процессы, которые привели к закату традиционного капитализма и к этой финансово-олигархической монополии над жизнью не только США или стран Центральной или Западной Европы, но, я бы сказал, и к попытке установить монополию (был такой короткий период) над всем миром.

И здесь тоже повторяется тот феномен, о котором я говорю: это связано и с уходом интеллектуального начала из политики всех ведущих западных государств. Идет сильный, яркий процесс деинтеллектуализации высшего политического слоя всех крупных стран — называем ли мы их по-прежнему капиталистическими или как-то по-иному (нового названия пока нет).

Посмотрите, во Франции президентом был Олланд — недоразумение не только с точки зрения политики, но, я бы сказал, с точки зрения интеллектуального начала французской политики... Сейчас во главе Франции Макрон с его бабушкой, которая направляет все его действия.

Схожие процессы идут, в том числе, особым образом, и на территории США. Были люди, которые думали, что Трамп после того, что он говорил во время предвыборной борьбы, откроет новую страницу, как минимум, в области геополитики. Нет, ничего такого не состоялось. Тот человек, который говорил: «Хиллари — означает «война», — сейчас сам, под нажимом военно-промышленного комплекса, толкает мир к войне. Активным образом. Выполняя, конечно, требования этого капитала. И иногда демонстрируя, скажем так, очень низкий интеллектуальный уровень, незнание не только в области большой политики, но незнание в области обычных вещей, которые в общем-то люди изучают в средней школе.

Ничего против тетушки Меркель не имею, но тоже очень показательно. То государство, которое управлялось такими людьми, как Аденауэр, Вилли Брандт (не надо говорить, какие это яркие политики) и Коль (несмотря на то, что он уже ушел немножко вниз именно в интеллектуальном плане), теперь в руках Меркель. А она — обычная хозяйка, химик (ничего против

Захарь Михайлов Захарьев

физиков-химиков не имею), воспитанник Советского Союза, член FDJ и так далее. Уровень не очень высокий, и не случайно. Такой же уровень у Брюсселя и так далее.

Я могу привести более яркие примеры, касающиеся Восточной Европы, в том числе Болгарии. Но не это важно. Я даю это только как пример деинтеллектуализации большой политики.

А на фоне всех этих перемен, в условиях постдемократического этапа развития общества, наблюдается глубокий кризис в оппозиционных партиях.

Мы дошли до того, что левое не означает определенно левое, а правое не означает определенно правое.

Мы дошли до того, что, например, в политической программе «Национального фронта» Франции, который называют крайне правым, записано намного больше социально-экономических целей, присущих коммунистам (не социалистам, а коммунистам!), чем в программе традиционных социалистов.

Мы дошли до того, что Орбан — руководитель, скажем так, определенной консервативной правой партии Венгрии — тоже выполняет программу, которая и во внутривнутриполитическом, и во внешнеполитическом плане более присуща отошедшей от власти Соцпартии Венгрии, которая идет вниз, следуя судьбе польских социал-демократов.

Мы потеряли свой идеологический, политический ориентир в этой новой ситуации. Как мы можем найти его? Здесь самая большая проблема.

Первое. Мы должны думать насчет новой идеологической парадигмы. Потому что одна из причин этого аморфного состояния политического рынка заключается в том, что были потеряны идеологические ориентиры политики. Это относится и к правым, и к левым — ко всем.

И второе. Когда идеологические ориентиры были потеряны, все начали исповедовать одну и ту же идеологическую религию, вне зависимости от того, назывались ли они при этом правыми, левыми или либералами, — идеологию элементарного популизма. Популизм, конечно, всегда был присущ большой политике. Не буду мерить его вес, но раньше соотношение было примерно таким: 10% популизма и 90% реальной программы, которая выполнялась. Сейчас как

раз наоборот — 90% популизма. Обещаем все, но если потом выполняем из обещанного 10% — это уже очень хорошо.

И здесь, по-моему, для нас самый страшный — левый популизм. Потому что он настроивает общество против социализма. Люди говорят: «Какой социализм?! Это полная глупость! Вот видите, они были у власти, что они сделали?»

Это говорят и во Франции, это говорят и в Польше, это говорят везде. Мы должны продумать вопрос именно идеологического состояния левого в Европе и в конкретных странах. То есть начать поиск новой парадигмы. Марксизм и ленинизм дали и дают какие-то ориентиры, но они уже не работают как рецепт, потому что состояние общества новое, мы находимся в новом цивилизационном состоянии. Социальная структура общества тоже другая.

Третье. Думаю, что именно левые силы (я говорю о реальных левых, беспокойных духом левых, левых интеллектуалах) должны поставить вопрос о новом общественном договоре. Именно таком договоре, как тот, который открыл двери Великой Французской революции, как тот, который открыл двери Октябрьской революции и развитию социализма. Мы сейчас нуждаемся именно в таком новом общественном договоре.

И никто не призван это сделать больше, чем мы, левые. Почему? Потому что самое большое отличие социалистического начала в том и состоит, что социализм формирует и развивает свою политику на базе идеологического взгляда, который устремлен в будущее. Он не ищет ответы в настоящем и прошлом, он должен смотреть в будущее. К сожалению, у социал-демократов, у традиционных социалистических партий этого уже нет.

Но есть ли хоть что-то, за что можно зацепиться? По-моему, есть. Мне представляется, что новая парадигма будет мультинациональной. Вряд ли появится какой-то новый Маркс, который сочинит что-то в Лондонской библиотеке. Не будет и нового Ленина. Но, может быть, нам удастся коллективным образом, в том числе на базе развития социалистического мышления (причем не только на Западе — мы почему-то всё время смотрим на Запад, — но и на Востоке, на Юге), получить подсказку, где и как мы должны найти ответы на ключевые вопросы. Пусть не сами ответы, но заявки тут есть у Китая, у кубинцев, у вьетнамцев. Такие заявки появляются и в других странах бывшего третьего мира.

Мне хотелось внести немного более оптимистическую ноту в нашу дискуссию. Война, конечно, реальна, опасность войны есть. Верно, что идеологическая война идет полным ходом, и что она, в общем, стала страшнее, чем та, которая была во времена Советского Союза. Но, с другой стороны, я думаю, что и силы противодействия — они есть. И от нас, от интеллектуалов, зависит, сумеем ли мы совместно противостоять негативным процессам.

У нас только одна беда. Здесь было уже несколько таких выступлений: «Давайте мы объединимся и всё сделаем». Это всё очень хорошо, я всё это поддерживаю и буду работать в этом направлении. Но только назовите мне нашего Сороса.

Захарь Михайлов Захарьев
(Болгария) — президент
фонда «Славяне»

ЗАСЕДАНИЕ КЛУБА «СОФИЯ» 5 НОЯБРЯ 2017 ГОДА

Во всем мире ничего, кроме того, чем кормят мир американские и отчасти британские медиакорпорации, нельзя найти ни в газетах, ни на телевидении. Чтобы найти какую-то альтернативную точку зрения, нужно специально и старательно искать

Инструменты американской гегемонии

Юрий Бялый

Свашего позволения, я вынужден, скажем так, дать свою оценку нынешним мировым процессам несколько более пессимистичную, чем предыдущие ораторы. Хотя внутренний оптимизм у меня есть, и позже я скажу, с чем он связан.

Конечно, здесь я вынужден быть в своем описании очень фрагментарным, пунктирным. И оно, может быть, отчасти покажется конспирологическим.

Почти для нас всех сегодня несомненно, что Соединенные Штаты сохраняют определенные позиции мирового гегемона. Мы от этого никуда не можем уйти и обязаны это признавать.

Каковы, на мой взгляд, основные инструменты американской гегемонии?

Первое — это очевидный и достаточно мощный военно-промышленный и, конкретно, военный (включая спецслужбистский) потенциал США. А также возможность, способность и готовность проецировать этот потенциал и даже его применять, по всему миру. В том числе при поддержке союзников в НАТО и системы двусторонних военных соглашений.

Второй важнейший инструмент американской гегемонии — это, конечно, та финансовая система, о которой здесь уже говорилось, и которой я хочу попытаться дать некое свое определение.

Я считаю, что это не капитализм. Это спекулятивный финансовый турбокапитализм — тот самый, в котором не более 20% мирового ВВП производится реальным сектором, а 80% производится финансовым сектором. А если говорить об обороте денег, то в виртуальном финансовом обороте находится, по различным сегментам экономики, в 30–40 и даже в 400–500 раз больше денег, чем в реальном обороте товаров и услуг.

Этот вот спекулятивный «финансовый воздух» сегодня в гигантской мере, которую мы иногда недооцениваем, определяет экономическую, торговую, инвестиционную и так далее картину мира.

Далее, нельзя сбрасывать со счетов ту специфическую и очень мощную систему глобального кибершпионажа, которую отчасти обнажили Джулиан Ассанж, Эдвард Сноуден и другие. Такую систему, которая позволяет американским спецслужбам выуживать из тайников почти любых корпораций, правительств и отдельных фигур мира — статусных, значимых и влиятельных — неприятные особенности и подробности их деятельности и биографий, а далее шантажировать эти правительства, корпорации, фигуры угрозой публичного предъявления их «скелетов из шкафа». Мой пессимизм подсказывает, что немало нынешних мировых фигур «крупного политического калибра» в значительной мере ведут себя в политике и экономике с учетом этого неприятного «шантажного» обстоятельства, и его нельзя сбрасывать со счетов.

Далее, — и это гораздо более серьезно — сейчас налицо подавляющий американский контроль в мировой системе создания и распространения информации. Я несколько лет назад с изумлением понял, что из примерно полусотни крупных мировых медиакорпораций, примерно равнозначных по мощности, которые были 25–30 лет назад, сегодня осталось пять или шесть. И почти все они целиком и полностью контролируются американским

Януш Нидзвецкий, Юрий Бялый и Татьяна Жданок

капиталом и представляют собой, судя по их информационной политике, единый доминирующий и контролирующий «олигопольный» пул мирового информационного пространства.

Это — именно то, что когда-то, столетия назад, крупный американский интеллектуал и журналист Уолтер Липпман называл механизмами «фабрикации общественного согласия». Это — способность американской информационно-пропагандистской олигополии убедить мир в чем угодно, чего хотят хозяева медиакорпораций, а также играть в политико-пропагандистские игры по образу и подобию знаменитой антиутопии Оруэлла «1984». Поскольку альтернативные голоса, мнения, факты, оценки в этих условиях практически никому не слышны, то можно по своему американскому усмотрению назначать врагов и друзей, затем переигрывать оценки, полностью стирать из памяти общества недавнюю историю событий, и начинать игру как бы заново. Вот такой мощнейший инструмент.

Ну и наконец, в распоряжении Америки очень широкая и разветвленная мировая сеть «как бы неправительственных» и «как бы гуманитарных» организаций и их филиалов, которые активно и очень сосредоточенно действуют в интересах США по всему миру и во всех сферах человеческой деятельности. Ни у кого другого ничего близкого по мощности и охвату нет.

Теперь — о том, что сегодня с этим делает и хочет делать гегемон.

Признаем, что гегемон немножко ослабился после распада СССР. Решил, что он полностью и навечно победил.

А потом он начал оглядываться, думать и увидел, что его гегемонии начинает мешать вся система международных правовых, экономических, социальных институтов, которую создал постъютинский мир.

ООН мешает, в том числе Устав ООН. Мешает право, которое диктует ООН.

Мешает Всемирная торговая организация. Мешают те новые создаваемые торговые блоки, которые попытались создать

взамен ВТО или в поддержку позиции США на уровне ВТО. Мешают Трансатлантическое и Транстихоокеанское торговые партнерства, мешает соглашение НАФТА.

Естественно, тем более американской гегемонии мешают ЕвразЭС, ШОС, МЕРКОСУР, БРИКС и все международные организации, которые устанавливают и контролируют хоть какие-то общие правила, международные правовые обязательства, хоть какой-то закон.

Всё это мешает гегемону, и потому ему хочется максимально избавиться от правил и норм, хоть как-то ограничивающих его гегемонию.

А еще гегемону страшно мешает специфическое явление сохраняющейся — даже в наиболее индивидуализированных обществах «западного» типа — устойчивой коллективистской социальности, в любых ее формах: консервативно-правых, левых и так далее. Потому что устойчивая социальность — это та почва, на которой непрерывно произрастают некие, те или иные, иногда ущербные, иногда достаточно активные и содержательные, формы сопротивления всем аспектам американской гегемонии.

На этой почве устойчивой социальности постоянно возникают очаги создания или самоорганизации неких солидарных коллективностей, которыми невозможно легко и просто манипулировать никакими информационными могуществами и никакими спецслужбистскими «скелетами в шкафу».

Мне кажется, что сегодня мы живем в ту эпоху, когда гегемон пытается решить эти проблемы — для сохранения и упрочения своей гегемонии.

В связи с этим я хотел бы предложить свою гипотезу о том, что есть Трамп. Трамп, который очень неожиданно выскочил на политическую авансцену — и победил. И который очень неожиданно для многих сохраняет позиции, не свержен.

Думаю, что он создан как политический субъект определенным — ну я не знаю, существуют ли эти сто хозяев мира, или четырехста тысяч хозяев мира,

о которых часто говорится, — политическим слоем «делателей королей», кингмейкеров, которые хотят при помощи этого ограниченного, но очень решительного человека максимальным образом долотать мировую систему норм, права и правил.

Отмечу, что Трамп уже начал достаточно решительно ломать ООН. Он уже сломал политикой бесконечных американских санкций систему права ВТО. Он сломал Транстихоокеанское партнерство и перекрыл возможности создания Трансатлантического партнерства, он уже ломает НАФТА. Он уже начинает вмешиваться и диктовать правила Международному валютному фонду, невзирая на его устав. Он уже фактически торпедировал полноценное развитие и имплементацию Парижского климатического соглашения. Отмечу — это Трамп сделал менее чем за год. И это явно не завершение его международной активности.

Отсюда возникает устойчивое ощущение, что гегемон, понимая, что тяжело, издержечно управлять миром при помощи правил — создавать и поддерживать в новых условиях собственный мировой порядок, — хочет сломать правила и управлять миром в свою пользу при помощи создания, организации, поддержания локусов локального, глобального — всякого — хаоса. Ведь управлять хаосом оказывается гораздо менее сложно и издержечно, чем управлять порядком.

Но для такого управления нужно глобальное общество, не способное сопротивляться сползанию в хаос. И потому вторая задача, которую в связи с этим должен решать гегемон — это разрушение любых возможностей создания устойчивой коллективистской социальности. В том числе при помощи пропаганды безальтернативной успешности воинствующего индивидуализма. Совсем радикального антиколлективистского и антисолидаристского индивидуализма, в духе Карла Поппера или Фридриха фон Хайека.

ЗАСЕДАНИЕ КЛУБА «СОФИЯ» 5 НОЯБРЯ 2017 ГОДА

Окончание. Начало — на стр. 23

Заседание клуба «София» 5 ноября 2017 года

Соответственно, реализуется политика дискредитации и ослабления любых — правых, националистических или левых — вменяемых социальных систем, включая церковь, вокруг которых возникают некие очаги организации, некие структуры социальной солидарности. В связи с этим мне вспомнилось несколько раз публично высказанное Маргарет Тэтчер, когда она была в силе и у власти, — кстати, Тэтчер была поклонницей идей Хайека — утверждение: «Общества нет, есть только мужчины, женщины... — и семьи».

То есть речь идет о том, чтобы сломать любые возможности восстановления чего-то социально-коллективистского, чего-то общественного, которое может этим процессам хаотизации сопротивляться. В результате мы видим то, о чем говорила Мария Рачиевна в отношении семьи, в отношении вот этого самого низового уровня солидарности, в отношении разрушения социального человека через ювенальную юстицию, гендерное и околгендерное законодательство. Это всё — разрушение любых ростков возможной солидарности, на которых могут строиться какие-то элементы устойчивого к хаотизации общества. Элементы, способные противостоять и сопротивляться локальному или, тем более, глобальному хаосу.

Отмечу при этом, что Трампу не дают ничего всерьез сломать в самих Соединенных Штатах Америки. Как только он за что-нибудь берется, ему бьют по рукам и говорят: «Нет!» Снаружи, в мире — пожалуйста, а в самой Америке его разрушительному пафосу развернуться не дают. Это, я думаю, не случайный симптом ситуации.

Сегодня, по моей оценке, мы живем в мире, который неуклонно сдвигается гегемоном и его союзниками (в том числе вынужденными союзниками) в направлении глобальной политической, экономической, социальной хаотизации. То есть в «повестке дня» у гегемона не новый порядок и даже не новый беспорядок, а именно направленная и углубляющаяся хаотизация.

Это происходит в условиях, когда подавляются любые попытки обозначить такому курсу хоть какие-то альтернативы. То есть они вот этим воинственным индивидуалистическим (причем в основном потребительским!) эгоизмом, как универсальной нормой, подавляются везде и всюду,

как только они возникают. Мне кажется, что это не стихийный процесс, что поставлена специальная задача уничтожения любых ростков любых альтернатив.

Отсюда я рискну заключить, что, на мой взгляд, в целевом ядре «новой гегемонии», социоконструирующем и концептуализирующем мировой процесс, — одновременно дегуманизация и хаотизация. И подавление любых попыток предъявить какие-нибудь альтернативы. И одновременно создание — мы об этом уже много видели и слышали на примере «Аль-Каиды» (организация, деятельность которой запрещена в РФ), Бен Ладена, «Исламского государства» (организация, деятельность которой запрещена в РФ) — искусственное, специальное создание неких «глобальных демонов», неких квазиальтернатив в виде радикальных исламистских террористических структур.

Как эти квазиальтернативы взаимодействуют с гегемоном — мы в последнее время прекрасно видим, когда американские спецназовские группы проходят через боевые порядки «Исламского государства» (организация, деятельность которой запрещена в РФ) под Дейр-эз-Зором, как

нож сквозь масло, а вслед за ними так же проходят якобы свирепо воюющие с «Исламским государством» (организация, деятельность которой запрещена в РФ) армейские объединения так называемой «Сирийской свободной армии».

Мы это видим, это невозможно оспаривать. Это снято со спутников, это проведено на земле и доказано. Но замечу, в западный, тем более американский, информационный мейнстрим это не попадает. Не попадает в глобальный информационный мейнстрим, который почти полностью захвачен гегемонией пула американских медиа-корпораций, и все то, что делается в мире против управляемой хаотизации.

Я особенно отчетливо это ощутил, съездив в Индию, — подчеркну, недавно совсем дружественную России. Я увидел, что там ничего, кроме того, чем кормят мир американские и отчасти британские медиакорпорации, нельзя найти ни в газетах, ни на телевидении. Чтобы найти какую-то альтернативную точку зрения, нужно специально и старательно искать в интернете.

Но это же так во всем мире происходит! Я только недавно это осознал.

То есть, резюмирую, если описанный процесс десоциализирующей, дегуманизирующей фрагментации и хаотизации мира — а он идет очень быстро — не будет кем-то или чем-то остановлен, мы очень скоро столкнемся с его совсем чудовищными последствиями. Включая нарастающий вал множественных социальных эксцессов и обрушений, а также военно-террористических конфликтов. Не исключая и конфликтов с применением ядерного оружия — ведь в последнее время очень много говорится о том, что сейчас уже созданы «как бы чистые» ядерные потенциалы.

Остановить это, конечно, могут только те силы, которые возвращены на почву левого гуманизма, которые имеют в своем историческом и смысловом базисе и корни, и ростки этого гуманизма. Но этот гуманизм, конечно же, должен быть, во-первых, переосмыслен, во-вторых, он должен быть полностью избавлен от разнообразного постмодернистского гноя, который в него внесен и который мы здесь сегодня уже обсуждали. И, конечно же, он должен быть метафизичен, то есть в нем должен быть высший смысловой уровень.

Такой левый гуманизм, мы убеждены, вполне стыкуется с консерватизмом. Со здоровым, опять-таки, не радикальным национализмом, — не с нацизмом, еще раз подчеркну, — а со здоровым, в том числе умеренно-правым, националистическим консерватизмом.

Но, в любом случае, в ядре таких сил сопротивления должна быть большая идея и метафизические идеалы. Без них что-то противопоставить десоциализации и хаотизации невозможно.

И, конечно же, для этого нужны структуры, в которых что-то такое будет вращиваться. Тут я абсолютно солидарен с предыдущими выступающими, что необходим некий интеллектуальный клуб, который будет способен, по крайней мере, организовать начальное осмысление проблематики и стать точкой сборки для тех еще остающихся в мире интеллектуалов, которым очень не нравится сползание в дегуманизирующий хаос. Это — абсолютно необходимая задача. Под ней я подписываюсь и призываю всех задуматься о ее решении.

Спасибо за внимание.

Юрий Бялый (Россия) — член Политсовета общественного движения «Суть времени», вице-президент Международного общественного фонда «Экспериментальный творческий центр»

ЗАСЕДАНИЕ КЛУБА «СОФИЯ» 5 НОЯБРЯ 2017 ГОДА

Левое движение потеряло свою сущность: социальную чувствительность, способность к энергичному сопротивлению несправедливости, неравенству

Кризис левых налицо

Дмитрий Ремпель

Партия Die Einheit (в переводе с немецкого — «Единство») — это партия центристского толка, хотя за желание наладить контакты с Российской Федерацией нас сразу причисляют к партиям правого толка. К сожалению, так складывается на сегодняшний день в Германии: те, кто выступает за сближение с РФ, сразу причисляются к агентам Кремля и партиям правого толка.

Свое выступление я подготовил на тему «Кризис левого движения в Европе на примере последних парламентских выборов в Германии». Как мы все знаем, в сентябре состоялись парламентские выборы. В Бундестаг прошло максимальное за последнее время количество партий, которые пытаются сейчас сформировать коалиции.

Но кризис левой идеи, конечно же, налицо. Почему? Прежде всего, потому, что левое движение потеряло свою сущность. Социальную чувствительность, способность к энергичному сопротивлению несправедливости, неравенству, попыткам упразднить классовые, общинные, национальные различия. К сожалению, это факт.

По статистике, на сегодняшний день в Европе вообще всем партиям доверяют лишь порядка 30% жителей — это в Северной Европе. В Германии, в Австрии — 25%, во Франции и Италии — порядка 10%.

Значит, что-то идет не так, и надо что-то менять. По последним выборам мы видим, что партии левого толка набирают всё меньше голосов. И если на выборах в 2013 году в общем они набрали порядка 42% голосов, то на последних выборах эта цифра уже была существенно ниже — 38% голосов.

Левым оказалось нечего предложить избирателям. Какие-то социальные выплаты, какие-то социальные программы... Привилегии, против которых всегда боролись левые... Но они сейчас стараются всё это предлагать каким-то меньшинствам, каким-то отдельным группам. Против чего боролись, на то и напоролись, получается.

Но мало того, что на сегодняшний день размылась та грань, которая существует между правыми и левыми. Разговаривая с представителями левых движений, левых партий, спрашиваешь: «а что такое быть левым?» И практически никто не знает — что такое быть левым, кто такие левые.

Вообще в Германии идет падение доверия к старым партиям. Старые партии — это те партии, которые организованы достаточно давно, постоянно избираются в парламент и находятся там фактически непрерывно. За исключением либеральных демократов, практически все три-четыре основные партии находятся в парламенте на постоянной основе.

Но те же самые социал-демократы уже не могут, наверное, называться классическими социал-демократами, потому что еще со времен Шредера начали принимать законопроекты в угоду большого капитала. Это, опять же, подчеркивает то, что нет идеи.

В то же самое время христианские демократы — это партия Ангелы Меркель. В этом случае за поддержкой сексуальных меньшинств последовала политика безграничного приема беженцев без каких-либо оснований.

Ангела Меркель заняла такую интернациональную позицию и, находясь в коалиции с социал-демократами, забрала, наверное, все козыри, все карты из рук, которые

Дмитрий Ремпель

могли бы хоть как-то поднять престиж и уровень социал-демократов. Это огромная проблема. На сегодняшний день движение социал-демократов насчитывает всего лишь 450 тысяч членов. Мы скажем: «Это много». Но за последние 25 лет они потеряли более 60% своих членов. Вдумайтесь, более 60%.

Никто сегодня не работает с подрастающим поколением, с молодежью. Отсутствует преемственность: старшее поколение уходит, с младшим поколением никто не работает. А ведь младшее поколение в Германии на 50% уже состоит из тех, кто приехал из других стран, либо их родители приехали из других стран. Это так называемый миграционный фон, который тоже надо учитывать — специфику, сознание, традиции, культуру, менталитет. Никто не работает с этими группами.

Зададимся также вопросом о том, возможна ли сегодня коалиция на федеральном уровне из партий левого толка? Я, наверное, скажу — нет.

Почему?

Первая причина: недостаточное количество голосов набирается на выборах. Вторая: между ними нет согласия.

Возьмем ту же тему взаимоотношений с Россией. Левая партия Die Linke выступает за сближение. Зеленые во главе с этническим турком Джемом Оздемиром выступают, наоборот, за то, чтобы ввести как можно больше санкций, а Оздемир открыто называет политику Путина неуместной для Европы.

Очевиден кризис идей. Социал-демократы, консерваторы из христианских демократов стали неотличимы друг от друга. Они проводят совершенно одинаковую внутреннюю и внешнюю политику. Прежде всего, в интересах большого бизнеса и в интересах Соединенных Штатов.

Для тех, кто не знает: порядка 100 тысяч войск, представителей военных сил Соединенных Штатов и Великобритании находятся в Германии. Страна до сих пор фактически оккупирована.

Еще один пример. Кроме всего, что я уже сказал, правые и левые слились и неразличимы для простого избирате-

ля. Когда проходили теледебаты одного из видных представителей левой партии Сары Вагенкнехт и одного из тогдашних лидеров партии «Альтернатива для Германии» (это правопопулистская партия), то в 90% затронутых тем партии сходились во мнениях. Они были абсолютно идентичны.

Вдумайтесь, это левые и правые, которые являются антиподами! Чем все закончилось? Тем, что представительница руководства правой партии сказала Саре Вагенкнехт: «Переходите к нам, мы будем вместе править».

Это еще раз показывает, что есть огромный кризис идей.

Кроме всего прочего, левым партиям не добавляет популярности и то, что все три партии — социал-демократы, зеленые и левые — пробивают законопроект о возможности избираться и избирать, коммунальное выборное право для жителей с так называемым миграционным фоном. Для тех, у кого нет немецкого гражданства.

Они пробивают эту модель уже достаточно давно, и я думаю, что рано или поздно, наверное, это случится. Но ведь это большая палка о двух концах. Они надеются сейчас, как я уже сказал, что порядка пятидесяти (а в некоторых городах и больше) процентов молодежи имеют миграционный фон. Это потенциальные избиратели, на которых они рассчитывают.

Но уже сейчас начали образовываться партии мигрантов, партии беженцев различного толка. Особенно активно выступают выходцы из Средней Азии, выходцы из исламских государств, которые очень сплоченно живут своими отдельными общинами.

К чему это приведет — никто не знает. И, конечно же, среди коренного населения, которого в Германии, к сожалению, становится все меньше, эта политика находит поддержку достаточно слабо. И это несмотря на то, что если кто-то выходит на улицы и протестует, его сразу причисляют к правым движениям, к националистам и прочим отбросам общества.

Когда-то, когда мы вышли на демонстрацию после событий в новогоднюю ночь в Кельне... Наверное, многие из вас слышали, пару лет назад о том, что около полутора тысяч заявлений поступило в полицию о том, что были совершены изнасилования, грабежи. Но всего лишь два человека были осуждены — условно.

Эта тема не поднималась. И лишь через шесть дней глава города Кельна выступила с абсурдной речью. Она сказала, что женщинам и девушкам нужно ходить по три, по четыре человека, не приближаться на расстояние вытянутой руки к иностранцам или вообще к мужчинам, к незнакомым людям.

Когда мы вышли на улицы (а вышли, основная масса, как ни странно, это выходцы из бывшего Советского Союза, которых проживает в Германии порядка шести миллионов), то один пожилой немец подошел к нам и сказал: «Я никогда не думал, что этот час придет, когда русские выйдут в Германии защищать какие-то традиционные устои и то, что у нас было раньше. Потому что нас сломили».

Если мы выступаем против раннего сексуального образования — мы неправильно живем, мы нетолерантны. Если мы выступаем против криминала, который приезжает — мы не толерантны. И немцы боятся выступать.

Наверное, единственная сила, которая осталась — это те люди, которые приехали с постсоветского пространства или родились уже в Германии, которые привыкли к традиционным семейным ценностям и не приемлют того, что в школах ставят третий туалет для среднего пола. Того, что просто пишут «пол один», «пол два». Того, что разрешили вступать в браки всем, кто с кем пожелает.

И, к сожалению, все темы, о которых я сказал, являются идеями как раз партий левого толка. Особенно преуспели в этом «зеленые».

Хотели бы мы принадлежать к такой партии левого толка? Лично я — нет. Порядка десяти лет я находился у социал-демократов, был и в комиссии бундестага и возглавлял предвыборную кампанию Шредера и Мартина Шульца. Но те процессы, которые происходят сейчас, — к сожалению, они ужасающие. Поэтому мы должны сплотиться и должны думать о том, как нам объединить здравомыслящих людей. Наверное, не просто левого, правого, центристского толка, а здравомыслящих людей. Которые хотят, чтобы наши дети жили в мире. Которые хотят, наверное, чтобы у них была мама и папа, а не родитель один и родитель два.

Сегодня мы собрались здесь достаточно большим числом, и представители различных стран должны задуматься и искать именно тех людей, которые не побоятся в своей стране, в Европе, высказать свою точку зрения большинству жителей. Тому, которое, к сожалению, во многих странах — уже пассивная группа.

Я считаю, что это важнейшее, что мы могли бы сделать. Вместе, сообща, а не просто делить на левых и правых, правых или неправых. Давайте задумаемся об этом, чтобы предотвратить настоящую Третью мировую войну, с бомбами и ракетами. Спасибо большое.

Дмитрий Ремпель
(Германия) — глава партии
«Единство» (Die Einheit)

ЗАСЕДАНИЕ КЛУБА «СОФИЯ» 5 НОЯБРЯ 2017 ГОДА

Бесконечное количество стандартов, то есть фактически отсутствие стандартов, систематическое разрушение любых правил — вот что по-настоящему ужасно. Систематическое разрушение любых правил в цивилизации имеет название, это называется варварством

Мы живем в совершенно безумной системе

Роберто Квалья

Роберто Квалья

Прежде всего, я хотел бы поблагодарить Сергея Кургиняна и Татьяну Жданок за то, что они пригласили меня на данное мероприятие, и я надеюсь оказаться на подобных мероприятиях и в будущем.

Я писатель-фантаст, а сегодня политика — это в действительности научная фантастика. Это одна из причин, почему я начал, находясь в сфере политики, заниматься журналистикой. Фактически я начал писать эссе о реальности, а не фантастику.

Будучи писателем-фантастом, я в чем-то и философ. Зачастую фантасты — это современные философы, которые рассматривают возможности развития ситуации в будущем и исходят, несомненно, из своего понимания настоящего. Я пришел к выводу, что немногие люди понимают ту реальность, в которой мы живем сегодня, и уровень безумия этой реальности. Если мы экстраполируем эту позицию на будущее и начинаем с неправильного понимания настоящего, то любого рода прогнозы бессмысленны. Если я пишу свои фантастические романы, исходя из неправильного понимания настоящего, то у меня не будет читателей. Я не хочу писать, исходя из неправильного понимания настоящего.

Это некая интеллектуальная проблема. Мы услышали очень интересные дискуссии, мне очень понравилось, как выступали Димитриос Константакопулос и Джульетто Кьеца. Они говорили о проблемах интеллектуалов и интеллигенции, которые исчезают и которые больше не способны воспринять, осознать реальность, смысл реальности.

Будучи писателем-фантастом, я оказываюсь лицом к лицу с этой сложной проблемой, как и мои коллеги. Я дружил с Робертом Шекли, был с ним в России несколько раз, я также дружу с Сергеем Лукьяненко, я знаком со всеми известными писателями-фантастами, но при этом я знаю и новых молодых писателей. Меня очень беспокоит, что я, разговаривая со многими из них, замечаю, что все они живут в какой-то параллельной реальности. Это какая-то иллюзорная реальность, порожденная западным мейнстримом. На сегодняшний день действительно сотворена новая параллельная мифологическая реальность, которая никак не связана с тем, что происходит на самом деле.

Я видел очень интересную цитату, которая появилась сразу после теракта 11 сентября 2001 года. Эту цитату приписывают Карлу Роуву, который был тогда одним из советников Джорджа Буша и выступал перед журналистами. Отвечая на вопрос одного из журналистов, он сказал: *«Послушайте, вы все неправильно поняли. Вы по-прежнему относитесь к тем людям, которые опираются только на реальность. Но вам пора понять, что теперь мы — империя. И когда мы действуем, мы создаем свою собственную реальность. А затем в той реальности, которую мы сами создаем, мы действуем снова. И всё, что мы должны делать, — это сказать, что мы делаем. Потому что нет никакой реальности. Мы создаем ту реальность, в которой мы хотим существовать».*

Это очень интересное заявление. Поэтому что, особенно после теракта 11 сентября, мы видим то, что я называю «онтологическая схизма», — это как бы два различных способа у общественности интерпретировать реальность, воспринимать ее. Особенно четко это разделение заметно на Западе.

Есть люди, которые продолжают верить тому нарративу, который создается мейнстримом. И есть те люди, которые больше не верят этому восприятию реальности. И возникает глубокий политический кризис из-за того, что люди больше не верят тем политикам, которые, по сути дела, являются воплощением этого «нарратива от мейнстрима».

Мы видим, как мала доля людей, которые по-прежнему верят в те партии, за которые они голосуют. Бывает, что люди голосуют за те партии, в которые они уже давно перестали верить. Весь этот нарратив, основанный на мифах и на какой-то воображаемой реальности, слаб, поскольку он ложный, и многие люди начинают переходить на другую сторону. Не могу сказать, что они переходят на темную сторону, это уже фантастическое представление из «Звездных войн». Я бы сказал скорее, что люди переходят с темной стороны на светлую, потому что они начинают осознавать, что реальность совсем другая.

И, безусловно, это открывает большое поле действий для политиков, потому что появляется возможность создать новую политическую силу, которая не левая и не правая, поскольку эти концепции сейчас являются

второстепенными по отношению к основной проблеме. А основная проблема заключается в том, что политическая сила должна работать с реальностью и основываться на реальности, а не на какой-то мифологии, не на мифах мейнстрима. И если мы можем, например, создать какую-то политическую партию, основанную на реальности и здравом смысле, тогда демократия или то, что осталось от демократии, сможет себя снова выразить, найти достойного представителя, потому что на данный момент нет надлежащего воплощения демократии.

Демократия, по крайней мере на Западе — в Западной Европе и Северной Америке, — это уже даже не театр, это некая видимость или даже богослужение, литургия. У нас больше нет самих демократических процессов, есть лишь разговоры о демократии. Это какая-то демократическая мантра, которую нам повторяют снова и снова. И чем меньше реальной демократии, тем больше и чаще мы употребляем слово «демократия», используя его как волшебное, чтобы навязывать свою волю.

Это всё также имеет отношение к очень вдохновенной речи Юрия Бялого. Он начал со слов: «Вы можете посчитать меня конспирологом...» Интересное слово «конспиролог». Вот меня тоже обвиняют в проповедовании конспирологических теорий, и Джульетто Кьецу тоже, — мы с ним оба удостоены этого звания.

Но на самом деле конспирологические теории не значат вообще ничего, потому что теория заговора — это что-то очень простое: заговор придумывают группы людей, как правило, против власти. Не бы-

ЗАСЕДАНИЕ КЛУБА «СОФИЯ» 5 НОЯБРЯ 2017 ГОДА

ваит так, чтобы кто-то из представителей власти замыслил заговор против народа. В таком случае это политическая операция, черная операция, военная операция, но это не заговор.

Концепция теории заговора — это сейчас на Западе главный аргумент против тех, кто разрушает мифы, против тех, кто провозглашает новый, лучший нарратив. Сейчас говорят «конспиролог», а в прошлом говорили «еретик». И это значило только, что «вы не верите в нас». Но «еретик» было очень плохое слово, в прежние времена людей за это сжигали. А теперь сжигают, к счастью, только символически. Но ко-

Сейчас на Земле живут 7 миллиардов человек, которые создают все ценности мира, каждый человек в мире так или иначе работает или работал, и вот эта «ценность» мира создается их работой. Но каждая страна мира без исключения имеет большой долг. Если у каждой страны в мире есть большой долг, это означает, что каждый человек в мире тоже кому-то что-то должен. И возникает вот это странное обстоятельство — все люди, которые работают и создают всю стоимость мирового продукта, всю ценность, вместо этой ценности имеют огромный долг. Это означает, что мы живем в совершенно безумной системе.

наполовину) основана на этом контроле за глобальной стоимостью или ценностью при обмене базовыми товарами.

Второе обстоятельство — их гегемония в информации, которую я могу наблюдать в Италии. 20–30 лет назад экономический вес США в мире был гораздо больше. А теперь он не такой большой. Однако восприятие обратное: как будто вес США еще больше. Так что это опять же война восприятий.

Война восприятий осуществляется очень научно, посредством Голливуда и контроля над крупными средствами массовой информации по всему миру. Об этом

дровый голос описывает вам пространство некой реальности. Такая очень интересная идея. И этот голос не лжет. Он сообщает, что был некий репрессивный режим, который был коррумпирован... Вся правда изложена в нескольких предложениях, всё очень хорошо описано. А затем, все оставшиеся два часа фильма, вам постоянно показывают очень опасных иранцев. Кто будет помнить слова правды, сказанные в начале фильма, знаете того как вам в течение двух часов показывали противоположное? Что вы в итоге запомните навечно? То, что иранцы опасны!

Собственно, это и есть так называемая метаинформация, которая идет между строк. Это такой совсем маленький примерчик. Но ведь таких примеров тысячи и тысячи, половина из которых на тему о том, какие плохие русские. Вот так постепенно на Западе многие оказываются жертвами промывания мозгов, у них складываются ложные представления о России.

Несколько слов о капитализме. Во время круглого стола клуба «София» уже упоминалось, что капитализм рухнул или находится в процессе разрушения. Сейчас он уже превратился в свою пародию. Мы в Европе имеем не демократию, а пародию на демократию. С одной стороны, в странах, где ведутся разговоры о демократии, этническим группам запрещают использовать их языки в качестве официальных языков. А с другой стороны, в странах, которые обычно воспринимаются как страшные диктатуры в рамках западного нарратива, это вовсе даже не запрещается...

«Двойные стандарты» — это какая-то легкая фраза, но на самом деле они больше, чем двойные. Бесконечное количество стандартов, то есть фактически отсутствие стандартов — вот что по-настоящему ужасно. То, что Запад, американцы, делают с международным правом, международными правилами... Для них стандарт — это то, что сейчас им полезно, сейчас, именно в этот конкретный момент. Фактически это систематическое разрушение любых правил. Систематическое разрушение любых правил в цивилизации имеет название, это называется варварством. Сильнейший побеждает по единственной причине, что он — сильнейший. Это никак не связано с цивилизацией. Это использование силы. Разрушая правила, занимаются дегуманизацией, десоциализацией и сопутствующими процессами.

Кое-что хотелось бы сказать о разрушении социальных уровней. Мы видим, как на Западе возникает судорожное преувеличение микроскопических проблем. Например, проблема так называемых сексуальных домогательств стала особенно популярна в последние недели. Один британский политик вынужден был уйти со своего поста потому, что двадцатью годами ранее потрогал за коленку свою коллегу-женщину. В то же самое время есть другие политики, которые бомбили другие страны, убивая людей сотнями тысяч под предлогом недостоверной информации. Они совершали военные преступления, но ничего с их авторитетом не произошло — в отличие от человека, который потрогал женскую ножку 20 лет назад...

Фактически это симптом совершенно психопатического общества. Потому что признавать произошедшее 20 лет назад прикосновение к коленке более страшным преступлением, чем бомбардировки целых стран снарядами с обедненным ураном, который убивает людей через много-много лет...

Я свои основные мысли выразил. Благодарю за внимание.

Роберто Квалья (Италия) — писатель, член ассоциации «Альтернатива»

Роберто Квалья общается с участниками заседания клуба «София» во время перерыва

гда вам говорят: «Вы — конспиролог» или «Вы — приверженец теории заговора» — это как волшебный выключатель, который срывает у людей в головах, и люди перестают думать. Они слышат волшебное слово — «сторонник теории заговора» — и автоматически отвергают всё, что этот человек может сказать.

Эти западные «хозяева наших умов», вероятно, очень умные социальные инженеры, они создают и используют инструменты манипулирования сознанием очень хладнокровно и научно. И вот они придумали эти слова. А теперь используют их, чтобы мешать большинству людей размышлять, чтобы заставить их не осознать то, что им будет неприятно осознать.

Это также приводит нас к пониманию того, что на самом деле значит гегемония США сегодня. Это очень хорошо объяснил Юрий Бялый. Это война восприятий, я не хочу повторять именно его слова, я использую другие слова, но саму концепцию хочу отметить и развить дальше. Потому что ВВП США после Второй мировой войны — это практически половина всей мировой экономики. В тот период США были очень производительной и полезной страной в экономике всего мира, а сегодня реальная экономика сокращается, сейчас это меньше 20% мирового ВВП, и она продолжает уменьшаться каждый год. Большая часть нынешнего ВВП — это финансовые услуги, это не реальное производство. Это просто волшебные деньги, волшебные цифры, которые есть только в компьютерах, и которые создают еще другое «чудо»: чудо «мира в долгах».

Возвращаясь к войне восприятий... С одной стороны, США на самом деле теряют свою гегемонию и контроль над миром и с экономической точки зрения, и с военной точки зрения. В частности, с экономической точки зрения, они сейчас находятся в глубоком кризисе — потому что до недавнего времени практически вся мировая нефть, включая российскую нефть, продавалась за доллары. Что это означает?

Что нефть продается за доллары, а значит, ее нужно покупать за доллары. Если нефть нужно покупать за доллары, нужно что-то отдавать для получения этих долларов. В результате когда вы продаете свою нефть, у вас есть партнер с 50-процентной долей, который сам и печатает эти самые доллары. Иногда даже не печатает, а просто волшебным образом создает их на компьютере, а вы продаете нефть и половину этих денег отдаете тем же людям, которые их сделали на компьютере, там даже купюр нет...

Это искуснейшая схема управления. В очередной раз — это управление информацией. Вы контролируете информацию о ценности того, что является предметом обмена. На самом деле это и была, вместе с гегемонией на информацию, настоящая гегемония США столь долгое время. Сейчас она потихоньку рушится, потому что многие страны, в том числе большие страны, начинают торговать, в том числе и нефтью, в других валютах. И я могу себе представить, что это может стать серьезной проблемой для США, потому что их гегемония во многом (как минимум

говорят как об общем месте. Но на деле это лишь верхушка айсберга, и никто этого даже не скрывает. Существует много документов, документальных фильмов, например, сделанный «Арте» (ведущей французско-немецкой телевизионной сетью) документальный фильм «Операция Голливуд». В нем проинтервьюировали сценаристов из Пентагона, то есть людей, которые корректируют голливудские сценарии, чтобы заложить в них свой посыл.

Большая часть этих корректировок — это небольшие манипуляции. Вы не меняете весь фильм, просто тут и там вставляете несколько маленьких идей, и, в конечном счете, в созданных миллионах часов аудиовизуальной информации, которую вы показываете по всему миру, вы производите определенный эффект. Вы действительно формируете убеждения, создаете мифы и фактически внушаете людям некоторые ощущения. Я недавно написал на эту тему книгу «Голливудский фундаментализм». Создается невидимая идеология, в которой мы все живем, понимая или нет, мы все в ней живем. Я надеюсь, что когда-нибудь эта книга будет переведена и на русский язык. В ней я анализирую все трюки, которые используются для манипулирования нашим сознанием и для того, чтобы создавать такой нарратив.

Приведу один маленький пример. Был такой известный фильм «Операция «Арго» — про освобождение американских агентов в Иране после того, как они были захвачены в ходе иранской революции. Это очень хорошо снятый фильм с Брэдом Питтом. Первые 30 секунд фильма зака-

ЗАСЕДАНИЕ КЛУБА «СОФИЯ» 5 НОЯБРЯ 2017 ГОДА

Мы должны определить некую утопию, которой все бы хотели достичь. Без этого у нас не будет общей цели, которая бы всех нас объединяла в нашем общем стремлении в будущее

Левые в колоссальном кризисе

Януш Нидзвецкий

Прежде всего, хочу начать с констатации грустного, но очевидного факта: если вы ищете левые альтернативы в Европе, нужно признать тот факт, что левые в колоссальном кризисе. Этот факт настолько очевиден, что в этом вас точно не нужно убеждать, а в современном мире не так много фактов, с которыми все так легко согласится. Я думаю, что это показывает, насколько глубок кризис левых. Между тем, я полагаю, что этот кризис неокончательный и его можно преодолеть, но для этого нужно задать себе три фундаментальных вопроса о левом движении. Вопросы следующие.

Первый вопрос — в каком положении мы находимся? Это вопрос истории, исторический вопрос. Кроме того, нам необходимо определить вот этот исторический момент, некий исторический импульс. Если мы говорим о революции, мы должны найти самое слабое звено империализма и должны понять, где мы сейчас, что можно сделать и в какой сфере?

Второй фундаментальный вопрос — это извечный вопрос «что делать?» Этот вопрос, на мой взгляд, самый важный. Но для того, чтобы задать его, этот вопрос, правильно, нужно ответить на исторический вопрос относительно мира, в котором мы живем.

И третий фундаментальный вопрос — какова цель? Это вопрос телеологии или идеологии. Конечно, мы можем задавать практические вопросы относительно того, какая должна быть стратегия для нас, левых альтернативы. Или мы можем говорить об историческом моменте: что происходит в мире. Но в конечном итоге мы должны определить некую утопию, которой все бы хотели достичь. Без этого у нас не будет общей цели, которая бы всех нас объединяла в нашем общем стремлении в будущее.

Вы, возможно, заметили, что точка зрения, которую я высказываю, очень сильно противоречит общему диагнозу относительно левых, что их проблема — это проблема идентичности. Я не согласен с этим мнением. Я полагаю, что поиск идентичности до того, как мы начнем действовать и делать что бы то ни было, — это одна из проблем, с которой мы сталкиваемся. Потому что, если мы начинаем с поиска идентичности и с вопроса: «Кто мы?», то чего мы можем добиться? Мы можем, например, сказать: «Мы поляки... мы русские... мужчины... женщины... черные... белые... гомосексуалисты или нет...» Но это только разделяет нас, не давая ответа на то, что нам делать и в каком положении мы находимся. И, безусловно, это не делает нас субъектами истории, всё это делает нас лишь объектами истории.

В целом, заниматься поиском идентичности — это очень модная тенденция на сегодняшний день. Многие люди говорят, что проблема сегодняшнего общества и политических движений — это проблема идентичности. Она ведет нас к более глубокой атомизации. Поэтому начнем с первого фундаментального вопроса.

Вы, возможно, уже много раз слышали, что мы живем в «последние времена», или что история уже закончилась, или, например, что пришел конец человечества. Я думаю, что это неверный способ выражения того, что мы сейчас переживаем. Это не конец истории, но это начало новой эры. Это не конец человечества, но это начало нового варварства. И важно изложить это иными словами, поскольку если мы только ищем

Януш Нидзвецкий и Юрий Балый

чего-то, что уже закончилось, или чего-то, что мы уже потеряли, то тогда мы сможем быть лишь консерваторами. А если мы партия левого толка, левой альтернативы, если мы будем смотреть только на те факты, которые уже завершились, то что мы можем сделать? В таком случае мы сможем лишь пытаться защищать государство всеобщего благосостояния, мы можем защищать достижения Октябрьской революции, но, безусловно, мы не сможем выработать планы на будущую революцию. Мы не сможем сформировать общество или современный мир такими, какими хотим их видеть. Если мы посмотрим на современный мир с этой точки зрения, то нам следует искать некие геополитические признаки, которые подскажут нам, с чего начать нашу левую альтернативу, или где искать наиболее важные процессы, которые уже начались на горизонте событий грядущего мира.

Я полагаю, что самый важный геополитический процесс для XXI века — это грядущая интеграция Евразии. Как вы, вероятно, знаете, Китай начал план по созданию самого обширного геополитического и геоэкономического проекта интеграции Евразии, он называется «Один пояс — один путь». Наземная часть данного проекта называется «Новый шелковый путь». Этот проект только начинается, но мы уже можем сказать, что он, вне всякого сомнения, будет крупнейшим проектом нынешнего века. И если он будет реализован, то Евразию удастся интегрировать в единый континент.

В истории человечества в целом было два наиболее производительных центра цивилизации. Первый — Западная Европа. Мы можем по-разному определять, что это значит, «Западная Европа», но в целом можем сказать, что это часть Европы от Москвы до Лиссабона. И этот центр был гораздо более производителен и продуктивен, например, чем США или Великобритания. А второй цивилизационный центр был в Юго-Восточной Азии, сегодня Китае.

И вот этот новый геополитический проект, «Один пояс — один путь», — это план интеграции этих двух цивилизационных центров в единый континент, или единый геополитический организм. Вне всякого сомнения, этот проект изменит мир, и мир не будет таким, каким мы его привыкли видеть, с геополитической точки зрения.

Второй факт, который нам нужно осознавать, — это то, что мы переживаем наиболее значимый технологический сдвиг нашего времени. Цифровая революция, которая происходит прямо сейчас, с одной стороны, дает нам невероятное количество свободы. У человечества никогда в истории не было такого шанса получать прямой доступ к огромному количеству знаний, какой у нас есть сегодня. У людей никогда не было, например, возможности получить ответ на любой вопрос, используя Google, и, безусловно, это открывает огромные возможности. Но эта же цифровая революция создает огромную угрозу нового порабощения. Потому что никогда прежде в человеческой истории не было технологических средств, которые позволили бы горстке людей поработить миллионы людей. Потому что всегда нужны тысячи людей для того, чтобы надзирать в качестве охранников или шпионов. Сегодня есть камеры, есть компьютеры, и вы можете получить с легкостью информацию о любом человеке на планете. Контролировать общество стало гораздо проще. Цифровая революция — крупная потенциальная возможность для будущих свобод и в то же время большая угроза будущего порабощения.

И таким образом, возникает вопрос: что делать? Если мы полагаем, что мы — левые, то мы должны ответить на вопрос: нам следует противостоять этим процессам или их следует поддерживать? Мы хотим действовать против интеграции Евразии, может быть, созданием национальных государств в противовес другим государствам, либо поддерживать этот уже начавшийся геополитический процесс? Если мы против этого, то мы уже играем на руку этому атлантическому центру влияния, и тогда мы не можем в целом рассматриваться как левые.

Можно сказать, что у нас в общем-то и выбора нет. Мы должны Евразию интегрировать, но при этом мы должны быть субъектами, а не объектами грядущей истории. И поэтому мы должны гораздо более активно действовать, а не просто наблюдать, как развивается этот процесс. Если мы решим поддержать интеграцию Евразии, то необходимо искать идеи в левой идеологии, которые могут быть полезны в рамках данного процесса.

Мне кажется, одна из самых важных вещей, которые левые движения могут

привнести в интеграцию Евразии, — это их умение создавать социальное доверие. Как вы знаете, самая большая проблема сегодняшней Европы и, в общем-то, всего мира — это даже не столько конфликты, сколько нехватка доверия. Мы совершаем Brexit-ы и иные попытки отделить наши государства или сообщества от других потому, что не доверяем друг другу. И каждый раз, когда мы пытаемся сделать шаг назад, мы делаем это из-за недоверия и желания вернуться в безопасное пространство. Но если мы считаем, что самый важный геополитический процесс — это интеграция, то тогда нужно двигаться в другом направлении. Сначала нужно создать социальное доверие внутри наших самых маленьких сообществ, а затем уже возрождать наиболее прекрасную и важную, на мой взгляд, идею левого политического спектра, а именно идею интернационализма. Без интернационализма нет возможности создать реальное сотрудничество между различными государствами. Иначе могут существовать лишь отношения, основанные на силе: всегда будет некий гегемон — и лишь вассалы этого гегемона. Это не тот мир, в котором хотели бы жить левые политики. Мы должны найти способ воссоздать идею интернационализма.

Если мы сумеем преодолеть эти основные сложности, то мы сможем использовать идеологию левого толка для того, чтобы привнести новые идеи — но не путем воспевания славы Великой Октябрьской революции или попытки создать государство всеобщего благополучия, которое сегодня куда-то испаряется, из-за чего мы теряем социальные достижения. Мы можем те изменения, которые уже происходят в мире, рассматривать как возможность для того, чтобы сформировать новое видение мира, в котором мы сегодня живем.

И последний вопрос: какова цель? Мне кажется, одну из самых главных проблем левых альтернатив для Европы затронул в своем выступлении Сергей Кургинян: мы не говорим, каким должен быть новый человек, новый Ренессанс, новый мир. Мы только обращаем внимание, например, на то, что мы теряем свободы, теряем государство всеобщего благосостояния, теряем социальные достижения, но при этом левым очень сложно создать некоего рода новую утопию, которая сможет не только убедить людей устремиться в эту утопию, но и отказаться от некоторых достижений, которые уже есть. Как мы знаем, революция никогда не бывает легким процессом. При этом она необходима для того, чтобы сделать что-то новое, начать некий процесс.

Поэтому, если мы действительно ощущаем себя левыми, то, на мой взгляд, нам нужно начать действовать, смотреть за горизонт, а не только вспоминать былую славу революции, которую сделали наши отцы и деды. Это единственный способ снова стать субъектами будущего, а не объектами. Если же мы этого не сделаем, то у нас не будет будущего вообще. Потому что, несомненно, что-то с нами происходить будет, но это не будет результатом нашего выбора. Спасибо.

Януш Нидзвецкий (Польша) —
председатель НПО «Европейский
совет по демократии
и правам человека»

ЗАСЕДАНИЕ КЛУБА «СОФИЯ» 5 НОЯБРЯ 2017 ГОДА

СССР имел такое огромное воздействие на мировую систему, что послужил толчком для возникновения левых либералов, левых консерваторов и социал-демократов, которые путем либеральной демократии создали в развитых западных странах социальное государство, основанное на перераспределении материальных благ

Левые должны искать новые пути

Красимир Премьянов

События, которые произошли в конце октября 1917 года, несомненно, являются одним из ключевых моментов, которые формируют образ мира на протяжении всего XX века. Сам факт того, что название Октябрьской революции имеет варианты: Великая Октябрьская социалистическая революция, Октябрьское восстание, Октябрьский переворот, большевистский переворот, большевистский путч и т. п., свидетельствует о многочисленных точках зрения на эти события. Одно не вызывает сомнений, и это точно определено британским историком Эриком Хобсбаумом, — XX век начался с Октябрьской революции и завершился распадом СССР.

Сегодня мы живем в эпоху крайностей и противостояния, когда системные левые партии не смеют достойным образом отметить столетие Октябрьской революции. Сто лет спустя она продолжает поляризовать, но вместе с тем и напоминать о существовании альтернатив, и левые должны ответить на вызовы новой эпохи.

Разделение на левых и правых началось с Французской революции и с противостояния между теми, кто поддерживал радикальные перемены, и сторонниками более умеренных мер, между якобинцами и жирондистами, между либералами и консерваторами. В США до сих пор наблюдаются остатки этого разграничения, при этом демократов как либералов называют «прогрессивными» или «левыми».

В XIX веке подъем марксизма и связанных с ним партий изменил представление о «левом» и связал его с миром, находящимся за пределами капитализма. XX век — это век подъема «левого» в его различных версиях. Октябрьская революция принесла «левое» в форме государственного социализма в виде догоняющей модернизации в странах, отстающих от мирового развития.

СССР имел такое огромное воздействие на мировую систему, что послужил толчком для возникновения левых либералов, левых консерваторов и социал-демократов, которые путем либеральной демократии создали социальное государство, основанное на перераспределении материальных благ в развитых западных странах. Это привело к формированию среднего класса и так называемого потребительского капитализма, а также к подъему «левого» в глобальном масштабе до 60-х годов XX в.

XX съезд и доклад Хрущева положили начало кризису левого коммунизма, что привело к разногласию между Китаем и Россией и к утрате позиций коммунистических партий в Западной Европе. Заговорили о «новом левом», которое нашло выражение в леворадикальных бунтах в Западной Европе и США в 60-е годы XX века.

Любая значительная перемена усиливала недоверие к существующим «левым» и «правым». Появлялись мнения о том, что не существует «левого» и «правого». В 70-х годах XX века начались кризисные процессы в версиях «левого» в развитых капиталистических странах, а также в бывших социалистических странах Восточной Европы.

Выход из кризиса в развитых капиталистических странах ознаменовал появление неолиберализованного и глобализованного капитализма, при котором

Красимир Премьянов

снижение возможностей прироста капитала в рамках национальных государств компенсировалось предоставлением ему пространства для глобального движения в поиске конкурентных преимуществ. Маргарет Тэтчер в 1979 г. и Рональд Рейган в 1981 г. положили конец предшествующему социальному государству и относительному равенству, которое оно обеспечивало, формируя значительный средний класс.

Середина 70-х годов XX века были временем, когда бывшие социалистические страны в наибольшей степени приблизились к развитым капиталистическим государствам, а после этого возник вопрос их приспособления к новой промышленной революции, которая началась на Западе и посредством которой неолиберальный капитализм дополнительно пытался повысить норму прибыли.

В таких странах, как Болгария, начали развиваться ключевые технологические отрасли новой промышленной революции: электроника и биотехнологии, но в социалистических странах в целом и в Советском Союзе безуспешно искали подходящую реформу, чтобы ускорить этот процесс. Этот поиск привел к горбачевской перестройке, которая направила потребность в переменах в крайне неверное русло, в отличие от того, как Китай отреагировал на эту потребность. Результатом явился распад и исчезновение всемирного «левого» в версии советского государственного социализма.

В тяжелом положении оказались и партии левых социал-демократов. Уже после Второй мировой войны социал-демократы отказались от марксизма, а впоследствии и от идеи быть выразителями интересов определенного класса. В 80-е годы XX века левые социал-демократы пережили кризис, из которого вышли благодаря распаду СССР и бывших социалистических стран, откуда были выкачаны гигантские ресурсы, послужившие толчком для развития западных экономик. Тогда социал-демократия отказалась от своих прежних позиций и приняла глобализованный и неолиберальный капитализм, транс-

формируясь в «Третий путь» Тони Блэра и «Новый центр» Герхарда Шредера. Это принесло ей временные успехи в 90-х годах.

Кризис 2008 года стал предпосылкой ускоренного роста всех неравенств — внутри стран, между регионами в государствах, между центром и периферией в ЕС, что привело к процессам распада. Внутригосударственные неравенства привели к усилению этнических и религиозных партий, краху системных левых и правых партий и успеху несистемных сил. Территориальные неравенства в странах привели к «Брекситу», а происходящее в Каталонии — к росту евроскептицизма. Неравенство между центром и периферией вылилось в переселение 20 миллионов человек из Восточной Европы, превращение крупных регионов в этих странах в деинтеллектуализированные гетто и демографические дома престарелых за счет капиталистического центра.

Это имело катастрофические последствия и для социал-демократических партий, занимающих левое системное пространство в рамках неолиберального капитализма. Анализ состояния социал-демократии показывает, что экономический кризис 2008–2009 годов стал поворотным моментом. Показательными в этом отношении являются результаты в основных регионах:

- Северной Европы (Великобритания, Швеция, Дания, Финляндия);
- Центральной Европы (Франция, Голландия, Бельгия, Германия, Австрия);
- Южной Европы (Португалия, Испания, Италия и Греция);
- Восточной Европы (бывшие социалистические страны).

В Северной и Центральной Европе упадок устойчив и, по-видимому, необратим. Там социал-демократические партии явля-

ются представителями максимум одного из 5 избирателей. В Южной Европе судьба ПАСОК является показателем социал-демократического коллапса. В Болгарии у БСП были самые сильные позиции после 1989 года, когда она стала единственной бывшей коммунистической партией, победившей на первых выборах в начале перехода к капитализму. После 2000 г. она настолько переместилась вправо, что опередила партии с правым уклоном везде в Европе, вводя плоский налог без необлагаемого минимума, превративший Болгарию в страну с одним из самых высоких уровней неравенства в Европе.

Социал-демократические партии некогда утверждали, что являлись партиями рабочего класса. В последние десятилетия они отказались от этого. Теперь парадокс заключается в том, что повсюду рабочих привлекают антииммигрантские и антиглобалистские партии и лидеры. В США проигрывающий белый рабочий класс поддерживает Трампа, во Франции крупнейшей рабочей партией является «Национальный фронт» Марин Ле Пен. В Дании социал-демократы отказались от рабочих, а протекционистская и антииммигрантская «Датская народная партия» заговорила о том, что это их партия, и привлекла их на свою сторону. За антиглобалистские и считающиеся правыми партиями «Альтернатива для Германии» и «Австрийская партия свободы» голосуют работники супермаркетов и безработные.

В 2012 г. ПАСОК в Греции получила всего 13,2%.

На последних парламентских выборах во Франции результаты ФСП снизились до 9,5%, и если в предыдущем парламенте она имела 286 мест, то сейчас их всего 40.

Ранее в Голландии Лейбористская партия получила 5,7%.

В Германии результаты социал-демократов снижаются, а «справа» их вытесняет профашистская «Альтернатива для Германии».

ЗАСЕДАНИЕ КЛУБА «СОФИЯ» 5 НОЯБРЯ 2017 ГОДА

Окончание. Начало — на стр. 29

В Австрии социал-демократы также потерпели поражение на последних выборах.

В Чехии, несмотря на то, что это страна с наименьшим уровнем неравенства в ЕС, рейтинг системных социал-демократов рухнул катастрофически, они заняли лишь шестое место, набрав 7,3% на выборах в октябре 2017 года. Более того, победил популист-олигарх и впервые в Восточной Европе после 1989 года несистемная коммунистическая партия получила немного больше голосов, чем социал-демократы, и заняла пятое место, а одним из ее главных требований явилось проведение референдума и выход из НАТО.

В Болгарии БСП в 90-х годах обвинялась «справа» в том, что все еще является «коммунистической» и не «реформировалась», а теперь критика направлена с противоположной стороны по поводу того, что она называет себя «левой», однако в действительности действует как правая и неолиберальная партия.

Мы живем в эпоху растущего кризиса неолиберального капитализма, который переживает процессы распада и поляризации. После 2008 года неравенство в Европейском союзе растет. Разворачивается процесс растущей социально-экономической дифференциации между Северной, Южной и Восточной Европой. В Германии, которая является самой мощной экономикой в Европе, почти четверть национально богатства находится в руках 1% населения. По данным Евростата, в 2015 году под угрозой бедности находится 17,3% населения ЕС. 20% наиболее обеспеченного населения получает в 5,2 раз более высокие доходы по сравнению с самыми бедными 20%. Существуют различные способы измерения уровней неравенства в мире. Так, например, с помощью коэффициента Джини измеряется перераспределение доходов в экономике и неравенство доходов.¹

По данным Всемирного банка, коэффициент Джини во всем Европейском Союзе в 2015 году составлял 31.

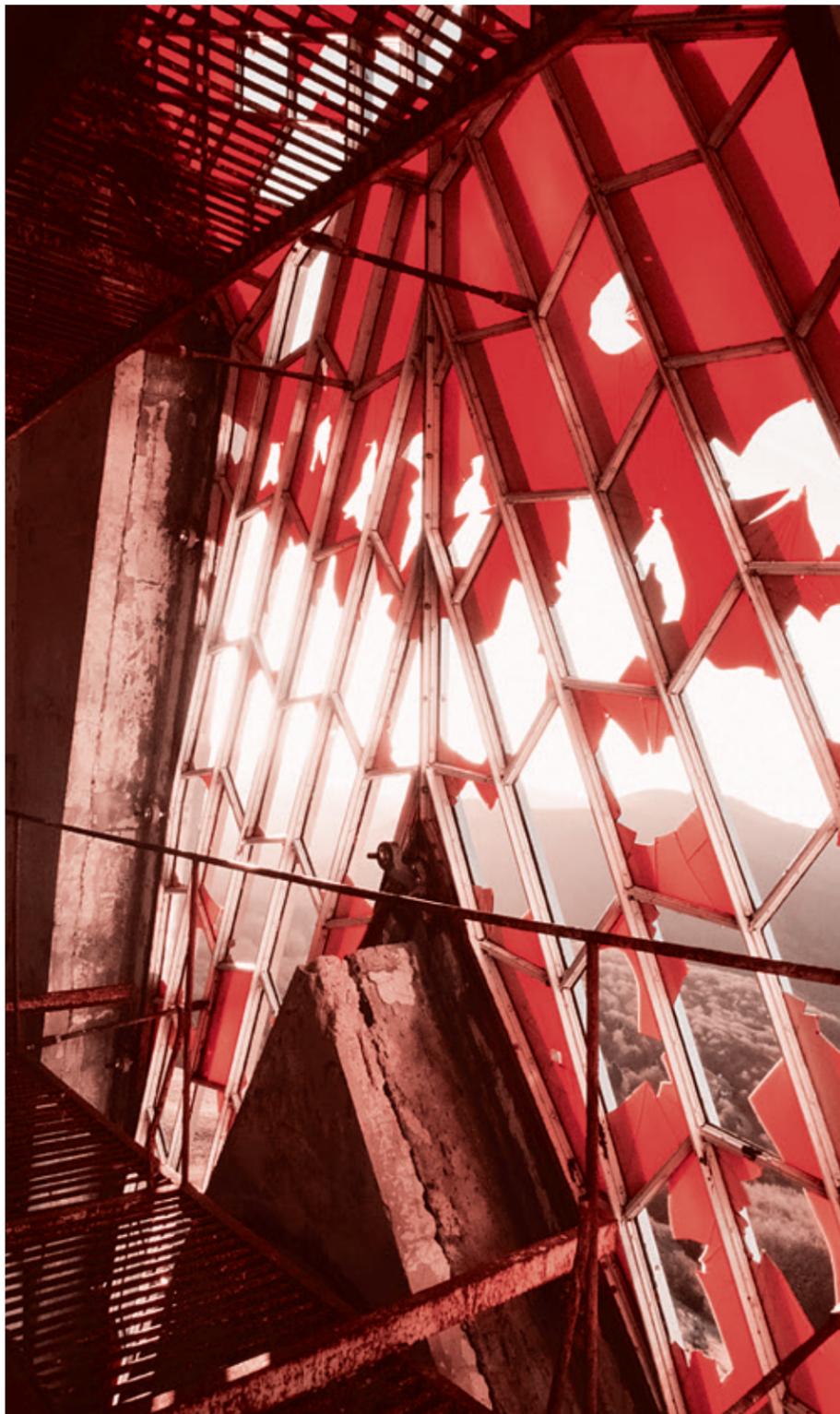
Что показывает этот коэффициент в Болгарии? В 1989-м — последнем году социализма в Болгарии — индекс Джини, измеряющий неравенство, равнялся 21,7, что означает, что речь шла об обществе с высоким уровнем равенства. В 2006 году, до вступления страны в ЕС, он возрос до 32,1, а в 2015 году, через восемь лет потребления «европейских ценностей», составил 37. Доля бедных в Болгарии сегодня в 11 раз больше, чем 30 лет назад, когда закончилась эра государственного социализма.

Единственное исключение среди левых партий в Европе составляют британские лейбористы, которые категорически отказались от неолиберального «третьего пути» Блэра и адекватно отреагировали на кризис, порожденный «Брекситом». Значение в этом смысле имеет и действующая в Великобритании мажоритарная система, при которой не столько несистемные, сколько системные партии стимулируются к радикальному изменению, чтобы завоевать позиции. Лейбористы отказались от «третьего пути» Тони Блэра, ставшего известным как «Тэтчер в штанах», и выигрывают от этого. Джереми Корбин превратил Лейбористскую партию в крупнейшую партию в Европе с числом членов около 600 000 человек.

После 1979 года политика Маргарет Тэтчер породила слово «приватизация» и придала ей положительный смысл. Эта политика, однако, спустя десятилетие при-

Мозаика в заброшенном доме-памятнике на вершине Бузлуджа в Болгарии (фото: Марк Эшман)

Витраж в заброшенном доме-памятнике на вершине Бузлуджа в Болгарии (фото: cbrisdela Fuente)

вела к крупнейшему грабежу в истории Восточной Европы. Сегодня лидер Лейбористской партии Джереми Корбин побеждает благодаря противоположным лозунгам о национализации основных объектов инфраструктуры, удвоении числа кооперативов, о новой политике в условиях угроз труду в результате автоматизации.

В глобальном масштабе наблюдается рост новой постлиберальной реальности. Идет новая «холодная война» и новая милитаризация.

Нет, однако, достаточной ясности, что произойдет в результате системного кризиса капитализма. Будут ли развиваться события в направлении, которое приведет нас в лучший мир, зависит и от известного вопроса, «есть ли такая партия», которая смогла бы сделать это. Бесспорно одно — левые партии должны искать новые пути, модели и стратегии для продвижения вперед, которые будут подходящими для реалий XXI века. Необходим новый тип лидеров, которые бы соответствовали новым реалиям, отличным от известных нам до сих пор.

Я бы выделил несколько основных направлений, которые важны для возрождения и трансформации левых партий в Европе:

Во-первых, следует иметь в виду, что при наличии свободного рынка товаров, услуг, финансов и рабочей силы в ЕС, невозможно проводить достаточно успешную левую политику только в одной отдельно взятой стране. Даже в самых богатых западноевропейских странах она сталкивается с определенными трудностями, и это видно из возникающих противоречий, порождающих националистические, популистские и даже фашизоидные реакции.

Во-вторых, следует снова подумать о социальной базе левых партий. Социал-демократы отказались от наемных работников как от своей социальной базы и от тезиса о том, что существует конфликт между трудом и капиталом. Но такой конфликт существует и он обостряется стремительными темпами в Европейском союзе, приводя к увеличению неравенства и бедности.

В-третьих, в рамках ЕС действует механизм неравенства и, соответственно, несколько основных сфер эксплуатации:

(1) снижение доли труда во вновь созданном продукте по сравнению с капиталом;

(2) уклонение капитала от налогообложения в оффшорных зонах;

(3) растущие региональные дистанции, которые приводят к процессам распада, таким как «Брексит» и борьба Каталонии за автономию.

(4) гигантская кража человеческого капитала из таких периферийных стран, как Болгария и другие страны Восточной Европы, что имеет катастрофические последствия для них.

В-четвертых, подталкивание Европы по направлению к «различным скоростям» приведет к росту неравенства, центробежные процессы будут усиливаться, социал-демократия окончательно умрет и ее место займут популистские, авторитарные и фашистские режимы, которые начнут действовать в распадающемся ЕС.

Существовавшее до сих пор системное неолиберализованное «левое» Тони Блэра находится на смертном одре. У левых партий есть будущее, если они смогут стратегически взглянуть на постлиберальный мир, который требует новой политики, отличной от политики в период социального капитализма до 70-х годов XX века, а также и политики неолиберального капитализма в последние десятилетия.

Красимир Премьянов (Болгария) — президент парламентской группы Социалистической партии (1995–1997), председатель НПО «Союз фракцийских обществ Болгарии»

¹ Величина коэффициента Джини варьирует в пределах от 0 до 100. Если коэффициент равен 100, это могло бы означать, что один человек в экономике получает 100% доходов (максимальное неравенство). Если коэффициент равен 0, это могло бы означать, что все в экономике получают равные доходы (совершенное равенство). Следовательно, чем меньше величина коэффициента Джини, тем более равномерно распределены доходы в экономике.

ЗАСЕДАНИЕ КЛУБА «СОФИЯ» 5 НОЯБРЯ 2017 ГОДА

Если мы проиграли и не смирились, значит, мы будем выигрывать. Потому что именно с признания нашего проигрыша и с беспощадного анализа его причин начинается выигрыш

Россия многое проиграла, но не сдалась

Сергей Кургинян

Сначала о внутрироссийских процессах. Есть мнение, согласно которому Путин победит на очередных выборах и тогда ситуация, наконец, стабилизируется. Но вы должны знать, что господин Навальный выкупил всю рекламу на Facebook и YouTube вперед на год, начиная с февраля 2018-го.

Я хочу сказать, что, во-первых, перед выборами что-то, наверное, будет. Но самое главное, что вся ставка делается на то, чтобы начать работать после выборов. Реальная дестабилизация в России планируется на поствыборный процесс и может начаться в конце выборного процесса.

На мой взгляд, не стоит уповать на то, что ситуация станет стабильнее. Дай бог, пусть она станет стабильнее, но я всегда считаю, что нужно рассчитывать на худшее — пусть хорошее будет приятной неожиданностью.

Вторая мысль моя заключается в том, что действительно долгое время разные политики — иногда самые страшные, иногда, наоборот, благородные — боролись за сознание, ум и совесть. А теперь мы живем в новую эпоху, когда борьба ведется против сознания, против ума и против совести. То есть раньше все, вплоть до фашистов, боролись — пусть ужасными методами, извращая все, — за сознание, ум и совесть. За человека. А тут борются против сознания, против ума и против совести. За дегенератизм, за имморализм, за гендер, при котором, если захочешь, можешь взять себе статус павлина и все должны считать тебя павлином, и так далее и тому подобное.

Когда обсуждалась тема эксплуатации, то Маркс (которого мы, с моей точки зрения, иногда чрезмерно канонизируем, а иногда вычеркиваем из числа тех, кому принадлежит будущее) ведь очень смело говорил об отчуждении — отчуждении от родовой сущности и так далее. Но считалось, что главное — это эксплуатация, а отчуждение шло вторым номером.

А теперь мы видим отчуждение, выступившее на первый план. Конечно, эксплуатация и даже ликвидация людей в Африке и всюду идут полным ходом. И расслоение идет. Но если говорить об авангарде человечества или о том, что пока еще таковым считается, то я считаю, что нужно говорить об отчуждении человека от Бога. Или, для светского человека, от его «высшего Я» (которое, в сущности, и есть то же самое). И от Истории. Потому что вне Истории не будет будущего.

Когда мы говорим о любых утопиях, мы, тем не менее, рассматриваем это как повторение чьего-то героического подвига. Мы существуем в единстве поколений, в единстве живых и мертвых. На сегодняшний день война с Историей как таковой — не за ту или иную версию Истории, а просто с историчностью как таковой — достигла колоссальных размеров.

Значит, мы имеем дело с отчуждением от Бога, от «высшего Я» и от Истории, которая одна лишь и дает это «высшее Я» человеку. И многие люди ощущают это отчуждение.

Но человека не устраивает, что он, во-первых, отчужден от самого себя. Его не устраивает, что он задан кем-то и кем-то, что он превратился в какую-то компьютерную модель (матрица —

Заседание клуба «София» 5 ноября 2017 года

откуда это все?), что он несвободен. Что ему кто-то диктует: «Ты — вот это».

И, во-вторых, он отчужден от возможности измениться. Огромное число людей, которым навязаны самые деструктивные вещи, говорят: «Последняя точка нашей опоры — это наша вера в то, что мы можем измениться». Если переводить это на язык религиозный (а я хочу оговорить, что я человек светский), то это называется отчуждение от спасения.

Под разговоры о том, что нельзя построить рай на Земле, на Земле строят ад. Очень быстро. Это настоящий ад. В нем не будет времени. И в этом смысле, конечно, сопротивление этому процессу очень напоминает светский или христианский вариант сопротивления последним временам.

После капитализма вместо коммунизма, которым пугали, приходит настоящий антихрист со всеми его чертами. И, конечно, после атаки на коммунизм главным объектом атаки является не либерализм и не консерватизм, а христианство. Европа должна быть радикально дехристианизирована не только в смысле собственной религиозности, но и в смысле культуры. Все это должно быть уничтожено, это новый враг, поставленный на повестку дня.

Когда мы говорим о том, что субъект должен быть активен, я абсолютно с этим согласен. Лучше иметь дело с не до конца компетентной молодежью, которая готова проявлять активность, чем иметь дело с умниками и умницами, которые не могут пальцем пошевелить.

Но, конечно, высшее свойство субъекта — это проективность, то есть активность в реализации большого проекта совсем другого будущего.

Определенная часть современной молодежи поддается на всё, что предлагает ей современный мир. Но другая часть молодежи, в том числе и собравшаяся в этом

зале, видит происходящее как погибель, от которой надо отстраниться во имя спасения. Мы занялись созданием коммун. Но когда создаются такие общности? Когда они ощущают окружающее как погибель.

А как это окружающее надо ощущать? Ты отдаешь своего ребенка в элитную школу — и чего потом ждешь? Что его спросят, на какой машине за ним приедет папа? Что ему уже в начальной школе предложат посмотреть порноролик? Хорошо, мы не в Средние века живем. Но вы дайте детям оформиться как личности в режиме какой-то морали, а уже потом предоставьте им выбор. В христианстве существует свобода выбора между добром и злом. Но вы дайте им сначала различение добра и зла, вы оформите их нормально! Но ведь этого же не делают. Преступление заключается даже не в навязывании зла оформленной личности, а в том, что личности не дают оформиться вообще. В этом смысле мы действительно имеем дело с каким-то совершенно новым качеством процессов.

Энгельс написал «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Где семья? Если есть капитализм, то почему ему не нужна семья? Она же была ему нужна! Где неприкосновенность частной собственности? И где государство, если все кричат о «крахе Вестфальской системы»?

Значит, мы имеем дело с чем-то действительно очень мрачным, с каким-то ощущением последних времен. Соответственно, и борьба наша должна быть адекватной этому.

В своей книге «Что делать?» Ленин ничего не говорит о том, что надо делать. Там нет ни слова об этом. Вся книга посвящена тому, кто это будет делать. Ленин пишет только о субъекте. Он говорит, что

нужна партия нового типа, нужна организация профессиональных революционеров. «Дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию».

Сейчас вопрос состоит в том, кто будет делать нечто, что нужно. Нам справедливо говорят: «А где Сорос?» Правильно, Сороса нет. У обездоленных нет Сороса. Но я могу сказать, например, на что я сделал ставку. У меня есть, тем не менее, какие-то, пусть скромные, возможности, которые возникли потому, что ближайший круг моих соратников и я сказали: «Даже если это борьба без надежды на успех, она все равно необходима».

Дантон по этому поводу говорил, что нет ничего хуже, чем отказ от борьбы, когда борьба необходима. Если человек не смирился и борется, он остается человеком. Человек, который смирился, перестает быть человеком. Когда человек начинает входить в мир через компромисс — стерилизуя, кастрируя себя, отказываясь от своих ценностей, — он перестает быть человеком. Что значит смириться и получить миллиард? Я не говорю, что он вообще не нужен. Я просто говорю о том, что за чертой смирения человека нет.

Поэтому главный вопрос в том, что мы ни с чем не смирились.

Мы не смирились с проигрышем Красного проекта.

Мы не смирились с проигрышем СССР. Мы не смирились с проигрышем стратегической модели Будущего.

Мы проиграли! Но мы не смирились.

А если мы проиграли и не смирились, значит, мы будем выигрывать. Потому что именно с признания нашего проигрыша и с беспощадного анализа его причин начинается выигрыш.

ЗАСЕДАНИЕ КЛУБА «СОФИЯ» 5 НОЯБРЯ 2017 ГОДА

Окончание. Начало — на стр. 31

Это же касается России. Россия многое проиграла, но она не сдалась. И если бы она сдалась, этих людей в этом зале не было бы.

Теперь по поводу информационной работы.

Масс-медийные лидеры навязывают интернет как средство всеобщего развращения и отупления? Ну так надо сделать обратное, отвоевав часть интернета.

Если раньше для того, чтобы создать газету, нужно было, чтобы кто-то согласился вложить в эту новую газету немалый капитал, то теперь информационные ресурсы делаются почти из воздуха. А они, между прочим, иногда очень большие. Вот у нас зарегистрировано информационное агентство «Красная Весна». У нас существуют какие-то возможности войти в эти интернет-сети, и мы видим в этом зале людей, ресурсы которых по четыре миллиона людей посещают. Так давайте сделаем, чтоб посещало не четыре миллиона, а сорок.

Иначе неинтересно жить. Неинтересно жить смиренным индейцем. Хочется жить сопротивляющимся индейцем племени сиу. Шучу.

На что вторая ставка? На бескорыстный труд очень многих людей. Существующее движение, которое довольно много уже сделало в истории России, начиная с 2011 года (Поклонная гора и все прочее), держится на бескорыстии сотен и тысяч людей. Попробуйте вы заменить это бескорыстие корыстью — и наше движение рухнет в ту же секунду. Оно держится на этом твердом осознании бескорыстия.

Значит, мы можем заменить Сороса абсолютной бескорыстностью людей. Плюс Максим Горький, Савва Морозов — понятно, да.

Теперь о том, как это кооперировать в общих интересах? Мы скоро разъедемся. Как это кооперировать так, чтобы всем это было интересно?

Иногда ко мне обращаются представители разных стран, спрашивают: «Вы согласитесь приехать в нашу страну к такому-то высокому начальнику?»

Я отвечаю: «А зачем? Я многих уже видел. Зачем мне видеть еще одного?»

Снова спрашивают: «А к кому бы Вы поехали?»

Я говорю: «Если в вашей стране возникнет клуб, и в этом клубе десять, двадцать интеллектуалов будут яростно думать о национальной стратегии, — тогда стоит ехать».

Все эти Бильдербергские клубы, не Бильдербергские — это же не вопрос денег. Это вопрос того, что столько-то людей еще сохраняют желание двигать проект. Другого же метода нет.

Клубы эти должны быть в реале. И здесь мы вспоминаем забытого в Советском Союзе и неправильно оцененного великого итальянского теоретика коммунизма Антонио Грамши, который сказал, что именно надо брать. Что в одних ситуациях нужно брать почту, телеграф, телефон, а в других случаях надо брать церкви, школы, культурные клубы и другие места. Сегодня наступило время брать клубы.

Вот эти клубы в реале и вот эта теория инфраструктуры сопротивления — они очень важны. За инфраструктурой должно стоять гражданское движение как нечто большее. Поверьте, никакие клубы как башни из слоновой кости, как замки хрустальные — сами по себе ничего не могут.

И лучше иметь дело с молодежью, которой еще предстоит стать образованной, чем иметь дело с молодежью вялой. В существующем мире главное преступление — вялость.

Какая почти главная точка в этой борьбе, если верить Грамши? Культура. Она делает человека человеком, неслучай-

но ее атакуют. Значит наша задача — любой ценой сопротивляться общему регрессу, потому что мы имеем дело с ситуацией управляемого мирового регресса. И одновременно с этим особое внимание уделять борьбе на культурном фронте, борьбе за культуру. Это же очень важная борьба. Те, кто был на наших спектаклях, видели,

как после спектаклей стоит полное фойе зрителей и спорит до утра.

Возможно ли, чтобы в Германии или в Австрии молодежь вот так собиралась и спорила? В Европе уже никто не спорит! Разговариваешь с испанской интеллектуальной молодежью или с интеллектуалами из старшего поколения — они говорят: «Мы совсем спрятались в подвалах!» Я говорю: «Почему? Репрессируют?» Они отвечают: «Почему «репрессируют»? Нет, все уничтожает американский туризм! Американцам нужно не просто фламенко, а фламенко в американском понимании: больше оголенного тела и всего такого, а мы не можем так! Это уже не фламенко, а непонятно что. Настоящее фламенко можно увидеть только в подвале».

Сходная ситуация в Португалии. Сидишь к таксисту и говоришь: «Отвези в какой-нибудь хороший ресторан». Он везет тебя на окраину города. В центре города есть нельзя: там туристы! Нет ни национальной пищи, ни национальной культуры, ничего!

В той же Португалии интеллектуалы говорят: «Хотите, мы Вам расскажем, что такое целое поколение молодежи, которое нигде никогда не работало? Хотите узнать, что это за проблемы?»

Вопрос в том, как собрать эту интеллигенцию сопротивления, где место в этом сопротивлении культурным фестивалям, культурному обмену, где место всему остальному? Мы так и будем смотреть, как они завоевывают позицию за позицией? Эти испанские, португальские интеллектуалы так и будут смотреть свое фламенко в подвале, забившись в угол? Но мы же просто погубим свои нации!

Мы русские, мы не можем за испанцев танцевать фламенко, да и не умеем! Но мы хотим с испанцами и другими говорить. Значит, нужна ассоциация переводчиков, которые будут заниматься переводами на добровольной основе.

Да, с одной стороны — все действительно ужасно. А с другой стороны, как мне кажется, спасение связано именно с этим ужасом. Откройте глаза на ужас. И какая-то часть общества проснется.

Мы все время работаем в желании угадать тренды. А нам надо не угадывать тренды, а пробуждать людей. А пробуждает людей воля и решимость идти до конца. Я надеюсь, что эта конференция станет шагом в этом направлении.

Перед нами выступили сегодня замечательные люди. Мы благодарны им за их выступления. Я лично заверяю, что если наши друзья намерены продолжать эту клубную деятельность, то я ее поддержу. Не как Сорос, но как-то.

По поводу 100-летия Великой Октябрьской революции. Чего греха таить? Конечно, оно замалчивается, и замалчивается по очень наивной причине: все боятся «оранжевых» революций, поэтому вообще не хотят говорить о революциях. «В доме повешенного не говорят о веревке».

Но вы сможете увидеть 7 ноября, если захотите, что такое праздник «Суть времени». Он будет большой. На нем будет много народа. Мы отпразднуем и покажем живым и мертвым, что мы верны тому духу, который, будучи русским по существу, зажег пламя Великой Октябрьской революции, спасительной и для страны, и для мира.

Спасибо!

Антонио Грамши в Москве. 1922

Удостоверение Антонио Грамши. 1922

Антонио Грамши во время тюремного заключения. Ок. 1935

Газета «Суть времени» зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство ПИ № ФС77-50554 от 9 июля 2012 года

Учредитель: Кургинян С.Е.

Издатель: МОФ «Экспериментальный творческий центр» (Центр Кургиняна), Садовая-Кудринская, д. 22/21, стр. 1-2, г. Москва, Россия, 123001

Главный редактор: С.Е. Кургинян
Адрес редакции:
Садовая-Кудринская, д. 22/21, стр. 1-2, г. Москва, Россия, 123001
Тел. редакции: (495) 691-50-03
Отпечатано в филиале ОАО «ПФПП» «Волоколамская типография», ул. Парковая, д. 9, г. Волоколамск, Московская обл., 143600

Заказ № 4895
№ 253-254 (253-254) от 15.11.2017
Время подписания в печать:
по графику — 10:00,
фактическое — 10:00
Тираж 8000, цена свободная

ISSN 2500-0330
1 7 2 5 3
9 772500 033000